

ISSN 2226-3365

www.vestnik.nspu.ru

DOI: 10.15293/2226-3365.1606

ВЕСТНИК
*Новосибирского государственного
педагогического университета*

*Novosibirsk State
Pedagogical University*
BULLETIN

6(34) 2016

Учредитель журнала:

ФГБОУ ВО «Новосибирский
государственный педагогический
университет»

Электронный журнал «Вестник Новосибирского
государственного педагогического университета»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС77-50014

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ И СОВЕТ НАУЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Редакционная коллегия

главный редактор

Пушкарёва Е. А., д-р филос. наук, проф.

заместитель главного редактора

Майер Б. О., д-р филос. наук, проф.

педагогические и психологические науки

Синенко В.Я., д-р пед. наук, профессор

Богомаз С. А., д-р психол. наук, проф. (Томск)

философские и исторические науки

Майер Б. О., д-р филос. наук, проф.

Зверев В. А., д-р ист. наук, проф.

*физико-математические и социально-
экономические науки*

Трофимов В. М., д-р физ.-мат. наук, проф.

Ряписов Н. А., д-р экон. наук, проф.,

биологические, химические, медицинские науки

Айзман Р. И., д-р биол. наук, проф., член-корр.

МАНВШ, заслуж. деят. науки РФ

Просенко А. Е., д-р хим. наук, проф.

культурология, филологические науки

Чапля Т. В., д-р культурологии, проф.

Трипольская Т. А., д-р филолог. наук, проф.

Международный редакционный совет

Айзман О., д-р филос., д-р мед., Каролинский
институт (Стокгольм, Швеция)

Ангелика Ригер, д-р, проф. (Ахен, Германия)

Анна Паола Бонола, проф. славистики,
Миланский университет (Милан, Италия)

Балгимбеков Ш.А., д-р мед. наук, проф.,
(Алматы, Казахстан)

Бухтова Б., д-р наук, Университет им.
Масарика (Брно, Чехия)

Валькенхорст Ф., д-р наук, проф., университет
Кельна (Кельн, Германия)

Винго Чарльз С., д-р мед. наук, проф., ун-т
Флориды (Гейнсвилль, Флорида, США)

Либерска Х. д-р психол. наук, проф., ун-т
им. Казимира Великого (Быдгощ, Польша)

Логунов Д., н.с., ун-т Манчестера
(Великобритания)

Мауриция Калузио, д-р наук, ст. исследов. по
русс. лит. (Милан, Италия)

Мукатаева Ж.М., д-р биол. наук (Павлодар,
Казахстан)

Чагин А., д-р филос., н. с., Каролинский
институт (Стокгольм, Швеция)

Челси Д., д-р филос., проф., (Уппсала, Швеция)

Шмайс Й., д-р наук, Университет им. Масарика
(Брно, Чехия)

Юй Вень Ли, д-р политического образования,
Пекинский университет (Пекин, Китай)

Редакционный совет

председатель редакционного совета

Герасёв А. Д., д-р биол. наук, проф. (Новосибирск)

Афтанас Л.И., д-р мед. наук, проф., академ. РАМН, вице-
президент РАМН, Президент СО РАМН (Новосибирск)

Баликоев В.З., д-р экон. наук, проф. (Новосибирск)

Безруких М.М., д-р биол. наук, проф., почетный
профессор НГПУ, академик РАО (Москва)

Бережнова Е.В., д-р пед. наук, проф. (Москва)

Винокуров Ю.И., д-р геогр. наук, проф. (Барнаул)

Галажинский Э.В., д-р психол. наук, проф.,
академик РАО (Томск)

Дымарский М. Я., д-р филолог. наук, проф. (Санкт-
Петербург)

Жафяров А.Ж., д-р физ.-мат. наук, проф.,
член.-корр. РАО (Новосибирск)

Жукоцкая З.Р., д-р культурол., проф. (Нижевартовск)

Иванова Л.Н., д-р мед. наук, проф., академ. РАН
(Новосибирск)

Казин Э.М., д-р биол. наук, проф., заслуж. деят. науки
РФ, академик МАНВШ (Кемерово)

Ключко В.Е., д-р психол. наук, проф. (Томск)

Князев Н.А., д-р филос. наук, проф. (Красноярск)

Кондаков И.В., д-р филос. наук, проф., академ. РАЕН,
почетный работник общего образования (Москва)

Красноярцева О.М., д-р психол. наук, проф. (Томск)

Кривошеков С.Г., д-р мед. наук, проф. (Новосибирск)

Кудашов В.И., д-р филос. наук, проф. (Красноярск)

Кустова Г.И., д-р филолог. наук, проф. (Москва)

Медведев М.А., д-р мед. наук, проф., академик РАМН,
заслуж. деят. науки РФ (Томск)

Мокрецова Л.А., д-р пед. наук, проф. (Бийск)

Овчинников Ю.Э., д-р физ.-мат. наук, проф.
(Новосибирск)

Печерская Т.И., д-р филолог. наук, проф.
(Новосибирск)

Пузырев В.П., д-р мед. наук, проф., академик РАМН
(Томск)

Серый А.В., д-р психол. наук, проф. (Кемерово)

Федоров В.И., д-р биол. наук, проф. (Новосибирск)

Чупахин Н.П., д-р филос. наук, проф. (Томск)

Шошенко К.А., д-р мед. наук, проф. (Новосибирск)

Основан в 2011 году, выходит 6 раз в год

Редакционно-издательский отдел:

630126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, д. 28

тел. +7(383)244-06-62

E-mail: vestnik.nspu@gmail.ru

Номер подписан к выпуску 05.12.16

The founder
Novosibirsk State
Pedagogical University

The registration certificate
The electronic journal «Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin»
is registered in Federal service on legislation observance in sphere of
communication, information technologies and mass communications
The registration certificate ЭЛ № ФС77-50014

EDITORIAL BOARD AND EDITORIAL COUNCIL OF SCIENTIFIC ELECTRONIC JOURNAL
«NOVOSIBIRSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY BULLETIN»

Editorial Board

Editor-in-chief

Pushkareva E.A., Dr. of philosophical Sc., Prof. of the NSPU

Deputy editor-in-chief

Mayer B.O., Dr. of philosophical Sc., Prof. of the NSPU

Pedagogical Sciences and Psychology

Sinenko V.Ya., Dr. of Pedagogical Sciences, Professor

Bogomaz S.A., Dr. of Psychological Sc., Prof. (Tomsk)

Philosophy and Historical Sciences

Mayer B.O., Dr. of philosophical Sciences, Professor

Zverev V.A., Dr. of Historical Sciences, Professor

Physics, Mathematics, Social and Economics Sciences

Trofimov V.M., Dr. of Physical and Mathematical

Sciences, Professor

RyapISOV N.A., Dr. of Economic Sciences, Professor

Biological, Chemical Sciences and Medicine

Aizmam R.I., Dr. of Biological Sciences, Prof. of the

NSPU, Corr-Member of IASHS

Prosenko A.E., Dr. of chemical Sciences, Professor

Culturology, Philology Sciences

Chaplya T. V., Dr. of Cultural Sciences, Professor

Tripolskay T. A., Dr. of Philological Sciences, Prof.

International Editorial Council

Aizman O., Ph.D., M.D., Karolinska Institute,
(Stockholm, Sweden);

Angelica Rieger, Dr., Professor (Aachen, Germany)

Anna Paola Bonola, Professor Università Cattolica
del Sacro Cuore (Milan, Italy)

Balgimbekov Sh.A., Dr. of Medical Sciences,
Professor (Almaty, Kazakhstan)

Buhtova B., Ph.D., Masaryk University (Brno, Czech
Republic)

Chagin A., Ph.D., Karolinska Inst. (Stockholm, Sweden)

Charles S. Wingo, M. D., Professor, University of
Florida (Gainesville, Florida, USA)

Gianni Celsi, Ph.D., Professor, Uppsala University,
(Uppsala, Sweden)

Liberska H. Dr. of Psychol. Sciences, Prof.,
Kazimierz Wielki University (Bydgoszcz, Poland)

Logunov D., Ph.D., University of Manchester
(Manchester, United Kingdom)

Maurizia Calusio, Senior Researcher
in Russian Literature, PhD (Milan, Italy)

Mukataeva Zh.M., Dr. of Biological Sciences
(Pavlodar, Kazakhstan)

Walkenhorst Philipp, Dr., Professor, University of
Cologne (Cologne, Germany)

Šmajš Jozef, Dr. of Philosophy, Professor, Masaryk
University (Brno, Czech Republic)

Yu Wen Li, Ph.D., Professor Peking University
(Peking, People's Republic of China)

Editorial Council

Chairman of Editorial Council

Gerasev A.D., Dr. of Biological Sc., Prof. (Novosibirsk)

Aftanas L.I., Dr. of Medical Sc., Prof., Acad. of RAMS
(Novosibirsk)

Balikoev V.Z., Dr. of Economical Sc., Prof. (Novosibirsk)

Bezrukih M.M., Dr. of Biological Sc., Prof. (Moscow)

Berezhnova E.V., Dr. of Pedagogical Sc., Prof. (Moscow)

Chupahin N.P., Dr. of Philosophical Sc., Prof. (Tomsk)

Dymarski M.J., Dr. of philological Sciences, Professor
(St. Petersburg, Russia)

Fedorov V.I., Dr. of Biological Sc., Prof. (Novosibirsk)

Galazhinsky E.V., Dr. of Psychological Sc., Professor,
the academician of RAE (Tomsk)

Ivanova L.N., Dr. of Medical Sc, Prof., Academ. of RAS,
Institute of Cytology and Genetics (Novosibirsk)

Kazin E.M., Dr. of Biological Sc., the academician of
IASHS, Professor (Kemerovo)

Klochko V.E., Dr. of Psychological Sc., Prof. (Tomsk)

Knyazev N.A., Dr. of Philosophical Sc., Prof. (Kasnoyarsk)

Kondakov I.V., Dr. of Philosophical Sc., Prof., Academ.
of Russian Academy of Sciences (Moscow)

Krasnoryadstceva O.M., Dr. of Psychological Sciences,
Professor (Tomsk)

Krivoshekov S.G., Dr. of Medical Sc., Prof. (Novosibirsk)

Kudashov V.I., Dr. of Philosophical Sciences, Professor
(Kasnoyarsk)

Kustova G.I., Dr. of philological Sciences, Professor
(Moscow, Russia)

Medvedev M.A., Dr. of Medical Sc., Prof., the
Academic. of RAMS, Institute of Medical Genetics
(Tomsk, Russia)

Mokretsova L.A., Dr. of Pedagogical Sciences, Professor
(Biysk, Russia)

Ovchinnikov Yu.E., Dr. of Physical and Mathematical
Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia)

Pecherskaya T.I., Dr. of philological Sciences, Professor
(Novosibirsk, Russia)

Puzirev V.P., Dr. of Medical Sc., Prof., the Academician
of RAMS, Institute of Medical Genetics (Tomsk, Russia)

Seryi A.V., Dr. of Psychological Sc., Prof. (Kemerovo)

Shoshenko K.A., Dr. of Medical Sc., Prof. (Novosibirsk)

Vinokurov Yu.I., Dr. of Geography Sc., Prof. (Barnaul)

Zhukotskaya Z.R., Dr. of Cultural Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Zhafyarov A.Zh., Dr. of Physical and Mathematical Sc.,
Prof., Corr.- Member of the RAE (Novosibirsk)

The journal leaves 6 times a year

The academic journal is established in 2011

Editorial publishing department:

630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28

tel. +7(383)244-06-62

E-mail: vestnik.nspu@gmail.ru

СОДЕРЖАНИЕ**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

- Смолеусова Т. В.* (Новосибирск, Россия). Концепция личностно-ориентированного подхода в образовании на основе проявления личности..... 7
- Будакова А. В., Мацута В. В.* (Томск, Россия). Различия в показателях личностного потенциала у высокоинтеллектуальных студентов 17

ФИЛОСОФСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Шмакова А. С.* (Новосибирск, Россия), *Кидун Бэ* (Ансан, Республика Корея), *Войтишек Е. Э.* (Новосибирск, Россия). Ритуал «захоронения аромата» 埋香мэхян на юге корейского полуострова: проблемы реконструкции 32
- Речкалова А. А., Войтишек Е. Э.* (Новосибирск, Россия). Основные направления исследования японской геральдики в западной историографии 53
- Панова А. С., Суботялов М. А.* (Новосибирск, Россия). Основные этапы становления и развития филогенетической систематики 61

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А.* (Новосибирск, Россия). База данных прагматически маркированной лексики русского языка: материал, принципы описания, возможности использования 70
- Мишанкина Н. А., Панасенко Е. А.* (Томск, Россия). База данных метафорической терминологии: концептуальное проектирование 86
- Ефремов В. А.* (Санкт-Петербург, Россия). Гендерные стереотипы и русская лексикография 100
- Басалаева Е. Г.* (Новосибирск, Россия). Прагматический макрокомпонент и способы его семантизации в электронной базе данных 112
- Норман Б. Ю.* (Минск, Беларусь), *Плотникова А. М.* (Екатеринбург, Россия). Конструкции с местоимением МЫ: формирование актуальной или окказиональной коллективной идентичности 126
- Черняк В. Д., Черняк М. А.* (Санкт-Петербург, Россия). Культурный потенциал словаря и жанровые поиски современной литературы 139
- Дымарский М. Я.* (Санкт-Петербург, Россия). Обращение и теория барьеров 150
- Добровольский Д. О.* (Москва, Россия), *Пёппель Л.* (Стокгольм, Швеция) Дискурсивная конструкция N В ТОМ, ЧТО и ее параллели в других языках: контрастивное корпусное исследование 164
- Кустова Г. И.* (Москва, Россия). Конструкции прилагательных с компонентом ДЛЯ РОД 176
- Ланно М. А.* (Новосибирск, Россия). Структура прагматического макрокомпонента значения (на материале группы слов, обозначающих национальность) 186
- Перфильева Н. П.* (Новосибирск, Россия). «Надежда» как модусная категория 201

CONTENTS

PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

- Smoleusova T. V.* (Novosibirsk, Russian Federation). The concept of learner-centered education based on the manifestation of personality 7
- Budakova A. V., Matsuta V. V.* (Tomsk, Russian Federation). Differences in personal potential in highly intelligent students..... 17

PHILOSOPHY AND HISTORY

- Shmakova A. S.* (Novosibirsk, Russian Federation), *Bae Kidong* (Ansan, Republic of Korea), *Voytishkek E. E.* (Novosibirsk, Russian Federation). Incense burial ritual 埋香 maehyang in the southern part of the Korean peninsula: problems of reconstruction..... 32
- Rechkalova A. A., Voytishkek E. E.* (Novosibirsk, Russian Federation). Trends of Japanese heraldry studies within western historiography..... 53
- Panova A. S., Subotyalov M. A.* (Novosibirsk, Russian Federation). The main stages of formation and development of phylogenetic taxonomy..... 61

PHILOLOGY AND CULTURE

- Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A.* (Novosibirsk, Russian Federation). A database of pragmatically marked lexical items of the Russian language: the content, principles of description, and possibility of using 70
- Mishankina N. A., Panasenko E. A.* (Tomsk, Russian Federation). The metaphorical terminology database: conceptual design..... 86
- Efremov V. A.* (St. Petersburg, Russian Federation). Gender stereotypes and Russian lexicography..... 100
- Basalaeva E. G.* (Novosibirsk, Russian Federation). The pragmatic component and ways of its semantization in the electronic database 112
- Norman B. Yu.* (Minsk, Republic of Belarus), *Plotnikova A. M.* (Yekaterinburg, Russian Federation). Structures with the pronoun мы: formation of actual and occasional collective identity 126
- Chernyak V. D., Chernyak M. A.* (Novosibirsk, Russian Federation). The cultural potential of dictionaries and search for the genre in contemporary literature 139
- Dymarsky M. Ya.* (St. Petersburg, Russian Federation). Vocatives and the barriers theory 150
- Dobrovolskiy D. O.* (Moscow, Russian Federation), *Pöppel L.* (Stockholm, Kingdom of Sweden). The discursive construction N v tom, čto and its parallels in other languages: a contrastive corpus study 164
- Kustova G. I.* (Moscow, Russian Federation). Adjective constructions with the component “for gen” 176
- Lappo M. A.* (Novosibirsk, Russian Federation). The structure of the pragmatic macrocomponent of meaning (with the main focus on words denoting nationality) 186
- Perfilyeva N. P.* (Novosibirsk, Russian Federation). Hope as a modus category 201

www.vestnik.nspu.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

© Т. В. Смолеусова

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.01](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.01)

УДК 373.1 + 37.022 + 37.012

КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Т. В. Смолеусова (Новосибирск, Россия)

В статье обоснована актуальность личностно-ориентированного подхода в условиях смены целей и парадигмы отечественного образования со знаниевой на личностную; представлен обзор основных идей современных исследователей по проблеме личностно-ориентированного образования. Цель статьи – обосновать и раскрыть авторскую концепцию личностно-ориентированного подхода в образовании на основе психологической теории проявления личности. Представлены результаты авторского исследования готовности учителей к реализации личностно-ориентированного образования на уроках на основе анализа наблюдений, анкет, уроков и публикаций. Более трети учителей путают личностно-ориентированное образование с индивидуальным подходом; 100% - не проявили знание содержания понятия «личность». Ни один учитель не смог перечислить критерии и показатели личностно-ориентированного образования. Выявлен уровень методической готовности учителя к внедрению личностно-ориентированного подхода на уроках, который не является удовлетворительным. Две трети педагогов не смогли ответить, как они реализуют указанное образование.

В статье рассмотрены методологические основы личностно-ориентированного образования на основе анализа работ А. Н. Леонтьева, Л. С. Выготского, В. А. Петровского, М. Г. Ярошевского, А. Г. Маслоу, В. В. Серикова, И. С. Якиманской, Н. И. Алексеева, Е. В. Бондаревской, М. Боуэн, Т. В. Лавриковой, А. В. Хуторского. Обоснована и раскрыта авторская концепция личностно-ориентированного подхода в образовании на основе компонентов проявления личности в триединстве аспектов: индивидуальности, межиндивидуальности (т.к. личность создается и проявляется в группе) и вкладов личности в других людей, осуществляемых через деятельность. Отмечается, что концепция помогает учителю осуществлять осмысленный и критериальный выбор методического инструментария для реализации личностно-ориентированного образования. Описаны соответствующие выявленные методические пути.

Ключевые слова: личность, личностно-ориентированный подход, проявление личности, инновации в образовании, формы и методы реализации личностно-ориентированного подхода.

В условиях смены целей и парадигмы отечественного образования личностно-ориентированный подход является актуальным

для реализации современных требований, сформулированных во ФГОС и в Законе РФ «Об образовании».

Смолеусова Татьяна Викторовна – кандидат педагогических наук, профессор кафедры начального образования, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, Почетный работник общего образования РФ.

E-mail: smoleusova@mail.ru

Именно интересы и потребности личности обучающегося вышли на первое место и потеснили социальный запрос образованию от общества и государства на современном этапе. Главная новая цель образования (ФГОС НОО, п. 7) ориентирована на личность: «развитие личности обучающегося на основе формирования универсальных учебных действий и познания и освоения мира»¹. Личностные результаты (ФГОС НОО, п. 10) образования признаны приоритетнее метапредметных и предметных результатов. Современные требования к результатам образования во ФГОС, в п. 9 проранжированы и начинаются с требований к личностным результатам. Родители современных учеников с уверенностью утверждают: «Школа должна научить ребенка быть успешным в окружающем мире, воспитать в нем волю и характер, заложить умение жить среди людей, развить мышление, сформировать умение учиться» и многое другое, необходимое в реальной жизни. В новом стандарте эти требования отражены в личностных характеристиках – «портрет выпускника» (ФГОС НОО, п. 8). Таким образом, для реализации современных требований к образованию актуальным является реализация «лично-ориентированного образования». В соответствии со стратегией развития образования в России, в настоящее время на всех уровнях системы образования осуществляется ряд последовательных шагов для перехода от «знаниевого» подхода к «лично-ориентированному». Указанный переход ставит множество сопутствующих вопросов. Например, какова готовность учителя массовой школы к указанному переходу? Насколько активно реализуется на практике лично-ориентированный подход на уроках? Наше исследование готовности

учителей к реализации лично-ориентированного образования осуществлялось на основе анализа уроков, анкет, наблюдений и публикаций. Исследование показало недостаточный уровень для достижения основного результата и главной новой цели современного образования – «развитие личности обучающихся...».

Педагоги, которые привыкли первыми отчитываться о том, что уже все «давно применяют», на практике лишили первоначального содержания актуальный сейчас термин «лично-ориентированное обучение». Порой под этим термином понимают далекие по смыслу явления. Насколько современные учителя готовы грамотно реализовать лично-ориентированный подход в образовании, показывает проведенное нами анкетирование:

1. Анализируя ответы педагогов на первый вопрос анкеты, можно провести аналогию с древней притчей о том, как мудрецы с завязанными глазами отвечали на вопрос «Что такое слон?» и давали только часть общего ответа. Учителя, не имея специальной задачи подготовиться по вопросу «Что такое лично-ориентированный подход?», тоже вычленяют отдельные грани лично-ориентированного обучения (38 %); имеют искаженное представление по данному вопросу (20 %); 34 % педагогов путают лично-ориентированный подход с индивидуальным. У 8 % учителей нет ответа. Таким образом, можно сделать вывод, что ни один педагог не может дать более или менее точный ответ на поставленный вопрос.

2. Ответы на первый вопрос подтверждены ответами на второй вопрос: «Как вы используете лично-ориентированный подход в своей работе?». 34 % учителей производят

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. – М., 2009. – С. 6.

дят подмену таких понятий как индивидуальный и личностно-ориентированный; 28 % педагогов, не дали никакого ответа на вопрос (из числа тех, которые имеют искаженное представление о личностно-ориентированном подходе и производят подмену понятий); 16 % учителей дали ответы, по смыслу мало относящиеся к вопросу; 20 % ответов касались отдельных методов реализации личностно-ориентированного обучения – исследовательская, проектная деятельность, работа в группах, творчество, опыты. Только один педагог честно признался, что не использует личностно-ориентированный подход в своей работе по причине «сложности применения и незнания методики», но при этом его ответ на первый вопрос был наиболее точный.

3. В результате анализа ответов учителей на последние два вопроса (Используете ли вы личностно-ориентированный подход к формированию понятий? Каким образом?) нами сделаны выводы:

– сами педагоги (68 %) думают, что они используют личностно-ориентированный подход к формированию понятий, но две трети не смогли ответить, как они это делают (что из общего числа педагогов составляет больше 80 %);

– 28 % педагогов оставили вопрос без ответа;

– только 14,6 % педагогов попытались дать более конкретные ответы;

– около половины не дали ответа, как они применяют этот подход.

Таким образом, анализ анкет показывает, что многие современные учителя не компетентны в личностно-ориентированном подходе. Вполне возможно, что для современных учителей является проблемой перестроить работу с детьми в русло личностно-ориентированного обучения. Причины разные: кто-то

просто не желает, считая традиционное обучение оптимальным для детей и для учителя; кто-то боится наступления беспорядка, потери времени и ухода от темы урока; а кто-то не знает, как его осуществлять.

Следовательно, необходимо дальнейшее исследование проблемы личностно-ориентированного подхода к формированию понятий и разработка методических рекомендаций для педагогов.

Анализ наиболее доступной для учителя начальной школы литературы за последние четыре года (журналы «Педагогика», «Начальная школа», «Начальная школа. Плюс: До и после») показал, что личностно-ориентированному обучению отводится лишь 1,3 % статей. Из них у 0,8 % статей содержание соответствует названию статьи.

Для учителей массовой школы понятие «личность» пока не актуально. На каждом курсе повышения квалификации учителя затрудняются дать ответ на вопрос: «Какой смысл Вы вкладываете в слово «личность»?». Более того, у 100 % учителей нет ответа на данный вопрос. Как следствие, учителя не спешат переходить на новую парадигму образования без осмысления и понимания актуальности личностно-ориентированного образования и основополагающего понятия «личность», а также без понимания сути и компонентов рассматриваемого образования и методического инструментария для его реализации. Поэтому учителям необходима помощь.

В педагогике проводятся исследования о психологических законах развития личности. На современном этапе создаются теоретические условия для освоения личностно-ориентированного образования во многих исследованиях, как в отечественных, так и в зарубежных; разнообразные аспекты методологии личностно-ориентированного образования на уровне философии, психологии, педагогики.

Учеными рассмотрены: теория личности (А. Н. Леонтьев [12], Л. С. Выготский [10], В. А. Петровский, М. Г. Ярошевский [15–16], А. Г. Маслоу [4] и другие); образование и личность (В. В. Сериков [19]), личностно-ориентированное обучение в современной школе (И. С. Якиманская [23]; Н. И. Алексеев [7]); ценностные основания личностно-ориентированного воспитания (Е. В. Бондаревская [8; 14]); его связь с духовностью (М. Боуэн [9]); педагогика личности (Т. В. Лаврикова [13]), ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования (А. В. Хуторской²); философия личности (Е. А. Пушкарева [17]) и другое. Рассмотрена и проанализирована взаимосвязь развития интеллектуальных способностей и творчества младших школьников (с помощью изменения индексов их интеллектуальных операций) и выбранных методов обучения. Сделан вывод: технология влияет на развитие интеллекта и творчества [1]. Установлено: обучающиеся с различными мотивационными профилями создают рамки интерпретации и реагирования на события, и эти рамки производят модели познания, эмоции и поведение [2–3]. Анализ разнообразных источников позволяет сделать выводы:

– личностно-ориентированное образование часто путают и взаимозаменяют с индивидуализацией и гуманизацией, хотя они не являются синонимами;

– необходима разработка методической концепции личностно-ориентированного образования, понятной учителям для применения на уроках.

Для активного и осмысленного использования актуального личностно-ориентированного образования автором статьи создана

методическая концепция, в основе которой лежат понятия «личность», «проявление личности». По мнению К. Роджерса, личностно-ориентированное образование помогает ученику быть личностью [18]. Личность – это общественное (*социальное*) понятие. По утверждению А. Н. Леонтьева, человек становится личностью только как *субъект общественных отношений* [12]. Личность – это *система качеств* индивида, появляющихся и проявляющихся в обществе. А. Н. Леонтьев утверждал, что личность – это *особое качество*, которое приобретает индивидом в обществе, совокупности отношений [12]. Это *система общественных связей, общений*. «Личность» и «индивид» не одно и то же. По мнению Б. Г. Ананьева, «начало личности наступает намного позже, чем начало индивида» [5]. Соотношение индивида и личности во многом отвечает концепции *деятельностного* опосредования межличностных отношений с позиции А. Н. Леонтьева [12]. В нашей концепции личность – это цель образования и понимается *только в системе межличностных связей*, которые опосредствуются: содержанием/ценностями/смыслом *совместной деятельности* для каждого из ее участников.

Осмысленный выбор методического инструментария для осуществления личностно-ориентированного образования учителю помогает осуществить осознание того, как *проявляется личность*. В. А. Петровский считает: «Мы говорим о личности индивида (“о личностном”) как о специфическом *качестве*, которое характеризует индивида со стороны его *связей с другими* индивидами, с общностью, к которой он принадлежит» [15]. В исследованиях психологии личности подчеркивается *системность* таких качеств. Таким образом,

² Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Учебник в обновляющейся школе.

Сборник научных трудов. – М.: ИОСО. РАО, 2002. – С. 135–157.

личность проявляется одновременно в трех аспектах:

1. Личность выступает в аспекте ее *индивидуальности*.

2. Личность – *субъект активности*. Поэтому «пространство *межиндивидуальных связей*» – существование и проявление личности. *Процессы*, в которые включены как минимум два индивида (группа, коллектив), являются *носителями личности* каждого из них. Личность проявляется во множестве «вещественно осязаемых *отношений* индивида к другому индивиду, опосредствованных через создаваемые ими вещи, действия и слова» [16]. Поэтому личность *создается и проявляется в группе*.

3. Еще одно *проявление личности* как *качества* индивида – это *представленность* индивида в *других людях*. Имеются в виду *вклады личности в других людей*, которые субъект вольно или невольно осуществляет через деятельность. Со смертью индивида личность

«полностью» не умирает. Академик А. В. Петровский по этому поводу вспоминает слова А. С. Пушкина: «Нет, весь я не умру... доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит...»³ [15].

Личность, изменяя других – изменяет себя. Л. С. Выготский писал: «*Через других мы становимся самим собой*» [10]. Личность оказывается невозможной без интериоризированных в данного индивида других индивидов, формирующих свое «представительство» в первом. Л. С. Выготский писал: «Личность становится для себя тем, что она есть в себе, через то, что она представляет для других. Это и есть процесс *становления личности*» [10]. Таким образом, важно помнить о триединстве *проявления личности* при организации современных уроков с позиции личностно-ориентированного подхода, т. е. для становления личности (рис. 1).

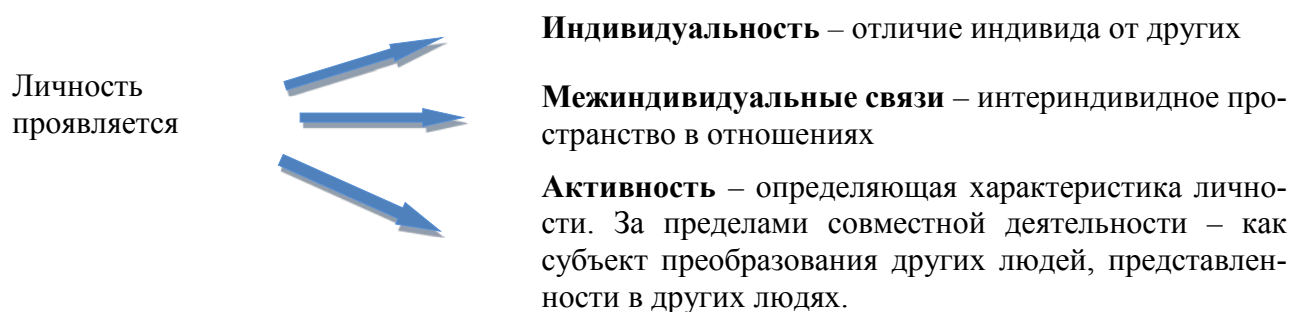

Рис. 1. Триединство проявления личности

Fig. 1. Trinity manifestations of personality

Именно такое триединство проявления личности позволяет выделить три направления организации личностно-ориентированного образования в строгом соответствии с тремя направлениями проявления личности.

Таким образом, в основе нашей концепции личностно-ориентированного образования – теория *проявлении личности*. Наша концепция является *трехаспектной* и представляет *триединство* отбора и создания дидактического и

³ А. С. Пушкин «Памятник», 1836 г.

методического инструментария: индивидуализация, групповые формы, интерактивные и творческие методы. Поскольку современные ученики ограничены в общении с одноклассниками через общественные детские организации вне уроков (утрачены октябрята и пионеры), то возрастает роль работы в группе и в паре *на уроках*, диалогового метода, фасилированной дискуссии. Важно организовывать

общение, дискуссию на уроке. Разработанная нами концепция личностно-ориентированного образования, основанного на теории *проявления личности* представлена в таблице 1. В таком системном подходе воплощаются известные принципы личностно-ориентированного образования, разработанные ранее [6–8; 13–14; 19; 23] и становятся более понятными для учителей массовой школы, нуждающихся в методических инновациях.

Таблица 1

Авторская концепция личностно-ориентированного образования, основанного на теории проявления личности

Table 1

Author's concept of personality-centered education based on the manifestation of personality theory

Триединство проявления личности	Триединство инструментария реализации личностно-ориентированного образования, основанного на теории проявления личности
<i>Индивидуальность</i> – отличие индивида от других	Индивидуализация через учет субъектного опыта, личного жизненного опыта, ассоциаций, апперцепцию, смысловые поля, индивидуальные и групповые (возрастные, гендерные и др.) особенности
<i>Межиндивидуальные связи</i> – интериндивидуальное пространство в отношениях	Групповые формы обучения, выстраивания отношений на уроке для максимально возможных коммуникаций и проживания разнообразных социальных ролей. Учебная деятельность должна включать взаимодействие ученика с учителем и с другими учащимися. Для этого: активные и интерактивные формы и методы обучения; диалоговые методы
Активность характеристика личности, как субъекта <i>преобразования других людей</i> (представленность в других людях за пределами совместной деятельности)	Творчество, продуктивность; повышение роли проектного, исследовательских, диалоговых методов обучения; технология РКМЧП – на смену репродуктивным

Представленная концепция личностно-ориентированного образования на основе психологической теории проявления личности успешно апробирована на экспериментальных площадках в разных школах, нашла отражение в ряде *методических инноваций* для начального математического образования, разработанных автором статьи [20–22] и мно-

гие другие. В личностно-ориентированном образовании синтезируются теории проявления личности, индивидуализации и развития личности. Главное при выборе методического инструментария – признание ученика *субъектом* активной учебно-познавательной деятельности и *общения*, познающим и *преобразующим* мир и себя. А именно:

– активность,

- самостоятельность,
- способность к саморегуляции.

Концепция, которая учителю понятна, мотивирует его переосмысливать выбираемые методы, приемы, технологии, ресурсы и формы организации урока; структуру урока. Урок превращается в *творческое общение*, реальный диалог (а не квазидиалог, которым подменяют востребованные инновации) учителя с учениками и учеников между собой. Учителя постепенно начинают отходить от преимущественно фронтальной работы со всем классом, комбинируя ее с работой в *группах и с самостоятельной работой* на уровне не только исполнительской самостоятельности, но и при принятии решений, сделанных выборов, продуцирования идей и т. д. Как следствие, грамотно организованная учебная деятельность нравится ученикам и начинает ме-

няться отношение к оценке и отметке как стимулам и у учителей, и у учеников. Включаются познавательные мотивы. Все рассмотренное показывает, что актуальность личностно-ориентированного образования ставит перед частными методиками преподавания целый ряд проблем:

- создание условий для смены ролей учителя – источника знаний, контролера (необходимых в «знаниевой» парадигме) на роли фасилитатора;

- создание условий развития социально активной и компетентной личности через активизацию внутренних резервов.

Наличие различных концепций личностно-ориентированного образования в педагогике определяет актуальное направление инновационного развития педагогического образования, как на уровне дидактики, так и на уровне методики обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ibrayev B., Kussainova M.** Empirical Research of the Use of Personality-oriented Methods in Primary School Original Research Article // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2014. – Vol. 140. – P 404–412. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.04.444>
2. **Hietajärvi L., Tuominen-Soini H., Hakkarainen K., Salmela-Aro K., Lonka K.** Is Student Motivation Related to Socio-digital Participation? A Person-oriented Approach Original Research Article // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 171. – P. 1156–1167 DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.01.226>
3. **Emerson T. L. N., English L., McGoldrick K. M.** Cooperative learning and personality types // International Review of Economics Education. – 2016. – Vol. 21. – P. 21–29. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00220485.2014.978923>
4. **Maslow A. H.** Motivation and Personality. – 2nd ed. – N.Y.: Harper & Row, 1970. – 395 p.
5. **Ананьев Б. Г.** Психология и проблемы человекознания / под ред. А. А. Бодалева – М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996. – С. 384.
6. **Асмолов А. Г.** Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. – М.: Смысл, 2001. – 416 с.
7. **Алексеев Н. И.** Личностно-ориентированное обучение: вопросы теории и практики. – Тюмень: ТюмГУ, 1997. – 186 с.
8. **Бондаревская Е. В.** Ценностные основания личностно ориентированного воспитания // Педагогика. – 1995. – № 4. – С. 29–36.
9. **Боуэн М.** Духовность и личностно-центрированный подход // Вопросы психологии. – 1992. – № 3–4. – С. 24–33.

10. **Выготский Л. С.** Собр. соч.: в 6 т. – Т. 2: Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1982. – 504 с.
11. **Глассер У.** Школы без неудачников. – М.: Прогресс, 1991. – 174 с.
12. **Леонтьев А. Н.** Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
13. **Лаврикова Т. В.** Педагогика личности. – Воронеж: ВГПУ, 1998. – 233 с.
14. **Образование** в поисках человеческих смыслов / под ред. Е. В. Бондаревской. – Ростов-н/Д: РАО Юж. отд-ние, 1995. – 216 с.
15. **Петровский В. А.** К пониманию личности в психологии // Вопросы психологии. – 1981. – № 2. – С. 40–46.
16. **Петровский В. А., Ярошевский М. Г.** Основы теоретической психологии. – М.: ИНФРА-М, 1998.
17. **Пушкарева Е. А.** Философия личности: проблема самоопределения // Философия образования. – 2002. – № 4. – С. 15–20.
18. **Роджерс К.** Вопросы, которые я бы себе задал, если бы был учителем // Эксперимент и инновации в школе. – 2011. – № 4 – С. 10–13.
19. **Сериков В. В.** Образование и личность. – М.: Логос, 1999. – 272 с.
20. **Смолеусова Т. В.** Поддержка интереса к знаниям – как сформировать мотивацию учения? // Народное образование. – 2014. – № 8. – С. 162–167.
21. **Смолеусова Т. В.** Идеи гуманизации на уроках // Сибирский учитель. – 2001. – № 1. – С. 26.
22. **Смолеусова Т. В.** Воспитание мысли у младших школьников. Математика. – Новосибирск: НИПКиПРО, 2005 – 92 с.
23. **Якиманская И. С.** Личностно-ориентированное обучение в современной школе. – М.: Сентябрь, 1996. – 96 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.01](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.01)

Tatiana Viktorovna Smoleusova, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Primary Education, Novosibirsk Institute for Advanced Studies and Retraining of Educators, Honourable Worker of The General Education, Novosibirsk, Russian Federation.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2610-6754>
E-mail: smoleusova@mail.ru

THE CONCEPT OF LEARNER-CENTERED EDUCATION BASED ON THE MANIFESTATION OF PERSONALITY

Abstract

The article considers the relevance of personality-oriented (learner-centered) approach to education during the period of changing education paradigms from knowledge-centered to learner-centered. It provides a review of modern scholars' ideas on the issue of personality-oriented education. The purpose of the article is to justify, clarify and explain the author's concept of personality-oriented approach to education based on psychological theory of personality manifestation. The author presents the results of examining teachers' willingness to implement personality-oriented education principles within the classroom based on the analysis of such data as lesson observations, questionnaires, and publications. More than a third of teachers confused personality-oriented (learner-centered) education with an individual approach. The majority of respondents (100%) demonstrated restricted knowledge of what the notion "personality" implies. The teachers failed to list the criteria and attributes of personality-oriented (learner-centered) education. The teachers demonstrated unsatisfactory level of methodological readiness to introduce personality-oriented approach in the classroom. Two-thirds of teachers could not describe the ways how they implement the above-mentioned educational approach.

The author provides a theoretical framework of personality-oriented education based on the analysis of works by A. N. Leontiev, L. S. Vygotsky, V. A. Petrovsky, M. G. Yaroshevsky, A. G. Maslow, V. V. Serikov, I. S. Yakimanskaya, N. I. Alekseev, E. V. Bondarevskaya, M. Bowen, T. V. Lavrikova, A. V. Khutorskoy. The author's concept of personality-oriented approach to education is clarified and disclosed. It is based on the manifestation of personality components which are considered as a unity of the following aspects: individuality, inter-individuality (personality is formed and manifested within society) and individual contributions to other people by means of activities. The concept contributes to teachers' conscious and purposeful choice of methods and techniques for implementation of a personality-oriented approach. The identified methodological ways of implementing personality-oriented approach are described.

Keywords

Personality, personality-oriented approach, manifestation of personality, education innovation, forms and methods of implementing a personality-oriented approach.

REFERENCES

1. Ibrayev B., Kussainova M. Empirical Research of the Use of Personality-oriented Methods in Primary School Original Research Article. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014, vol. 140, pp. 404–412. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.04.444>

2. Hietajärvi L., Tuominen-Soini H., Hakkarainen K., Salmela-Aro K., Lonka K. Is Student Motivation Related to Socio-digital Participation? A Person-oriented Approach Original Research Article. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015, vol. 171, pp. 1156–1167. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.01.226>
3. Emerson T. L. N., English L., McGoldrick K. M. Cooperative learning and personality types. *International Review of Economics Education*. 2016, vol. 21, pp. 21–29. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00220485.2014.978923>
4. Maslow A. H. *Motivation and Personality*. 2nd ed. N.Y., Harper & Row Publ., 1970, 395 p.
5. Ananiev B. G. *Psychology and problems chelovekoznaniya*. Ed. A. A. Bodalev. Moscow, Institute of Applied Psychology Publ., Voronezh, Modek Publ., 1996, p. 384. (In Russian)
6. Asmolov A. G. *Personality Psychology: Principles of general psychological analysis*. Moscow, The meaning Publ., 2001, 416 p. (In Russian)
7. Alekseev N. I. *Student-centered learning: theory and practice questions*. Tyumen, Tyumen State University Publ., 1997, 186 p. (In Russian)
8. Bondarevskaya E. V. Valuable bases of personality-oriented education. *Pedagogy*. 1995, no. 4, pp. 29–36. (In Russian)
9. Bowen M. Spiritual and personality-centered approach. *Questions of psychology*. 1992, no. 3-4, pp. 24–33. (In Russian)
10. Vygotsky L. S. *Collected works in 6 volumes. Vol. 2: Problems of general psychology*. Moscow, Pedagogic Publ., 1982, 504 p. (In Russian)
11. Glasser W. *Schools without losers*. Moscow, Progress Publ., 1991, 174 p. (In Russian)
12. Leontiev A. N. *Activities. Consciousness. Personality*. Moscow, Politizdat Publ., 1975, 304 p. (In Russian)
13. Lavrikova T. V. *Psychology of personality*. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University Publ., 1998, 233 p. (In Russian)
14. *Education in the search for human senses*. Ed. E. V. Bondarevskaya. Rostov-on-Don, Russian Academy of Education Department of South Publ., 1995, 216 p. (In Russian)
15. Petrovsky V. A. By understanding the psychology of personality. *Questions of Psychology*. 1981, no. 2, pp. 40–46. (In Russian)
16. Petrovsky V. A., Yaroshevskii M. G. *Basics Theoretical psychology*. Moscow, INFRA-M Publ., 1998. (In Russian)
17. Pushkareva E. A. Personality philosophy: the problem of self-determination. *Philosophy of Education*. 2002, no. 4, pp. 15–20. (In Russian)
18. Rogers K. The questions I have asked myself if I was a teacher. *Experiment and innovation in school*. 2011, no. 4, pp. 10–13. (In Russian)
19. Serikov V. V. *Education and identity*. Moscow, Logos Publ., 1999, 272 p. (In Russian)
20. Smoleusova T. V. Supporting interest to knowledge – how to form learning motivation? *Education*. 2014, no. 8, pp. 162–167. (In Russian)
21. Smoleusova T. V. Humanization of ideas in class. *Siberian teacher*. 2001, no. 1, p. 26 (In Russian)
22. Smoleusova T. V. *Education thoughts in primary school children. Mathematics*. Novosibirsk, Novosibirsk Institute for Advanced Studies and Retraining of Educators, Honourable Worker of the General Education Publ., 2005, 92 p. (In Russian)
23. Yakimanskaya C. *Student-oriented education in the modern school*. Moscow, September, 1996, 96 p. (In Russian)

© А. В. Будакова, В. В. Мацута

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.02](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.02)

УДК 159.923.3

РАЗЛИЧИЯ В ПОКАЗАТЕЛЯХ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА У ВЫСОКОИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СТУДЕНТОВ*

А. В. Будакова, В. В. Мацута (Томск, Россия)

Представлены результаты исследования особенностей личностного потенциала высокоинтеллектуальных студентов. В статье представлен краткий обзор современных исследований интеллектуального и личностного потенциала как предикторов успешной деятельности. Методологической базой исследования стали положения системной антропологической психологии В. Е. Ключко, положения теории личностного потенциала Д. А. Леонтьева, разработанные в рамках позитивной психологии, концепции М. А. Холодной об интеллектуальных способностях человека. Цель исследования, представленного в данной статье – изучение особенностей личностного потенциала и интеллектуальных способностей студентов первого курса. На первом этапе был определен уровень личностного потенциала и интеллектуальных способностей. С помощью корреляционного анализа обнаружены значимые взаимосвязи показателей интеллекта и личностного потенциала, а именно показатели самоорганизации деятельности «Планомерность» и «Фиксация». На последнем этапе с использованием кластерного анализа были выделены четыре группы высокоинтеллектуальных студентов с различными показателями личностного потенциала. С помощью дисперсионного анализа мы сравнили эти группы, и на основании выявленных вариативных и инвариантных личностных черт были выявлены два личностных профиля студентов с высоким уровнем развития интеллекта. Представители первого профиля отличаются высоким личностным потенциалом, основанном на выраженных самоорганизации, рефлексии, психологической безопасности и социальном интеллекте, что позволяет прогнозировать их успешность в деятельности.

Представители второго профиля отличаются невысоким личностным потенциалом, содержательные характеристики которого будут препятствовать достижению успешности

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-36-01374 «Изучение поисковой активности в условиях когнитивной деятельности с использованием системы регистрации глазодвигательной активности (айтрекер) и электроэнцефалографии».

Будакова Анна Васильевна – аспирант, младший научный сотрудник, Лаборатория когнитивных исследований и психогенетики факультета психологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет.

E-mail: farmazonka2009@yandex.ru

Мацута Валерия Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии, факультет психологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет.

E-mail: matsuta-vv@mail.ru

в деятельности, несмотря на наличие высокого уровня развития интеллекта. В заключении делается вывод о роли личностного потенциала как главного фактора, определяющего успешность деятельности.

Ключевые слова: личностный потенциал, интеллектуальный потенциал, высокоинтеллектуальные студенты.

Актуальность исследования, представленного в данной работе, связана с требованием современного образования в адекватной подготовке выпускника высшей школы к жизни и профессиональной деятельности. Как известно, успешность деятельности во многом зависит от интеллектуального потенциала человека. Особенно часто отмечается влияние интеллекта на академические достижения, которые, в свою очередь, обоснованно рассматриваются в качестве предикторов успешной профессиональной деятельности в будущем [4; 8; 10; 19; 21]. Так в недавнем исследовании британских школьников показано, что около 45 % дисперсии в государственном экзамене объясняется целым комплексом психологических и других характеристик школьников в возрасте 16 лет. При этом примерно половина объясненной дисперсии объясняется интеллектом. Вторая половина объяснялась такими характеристиками, как самооффективность, благополучие, проблемное поведение, восприятие школьной среды, здоровье и т. д. [3]. В исследовании улучшения оценок *PISA* по чтению в течении одного учебного года показаны положительные эффекты первоначального чтения и интеллекта (размер эффекта 79 %), причем интеллект опосредовал влияние на чтение социально экономического статуса [5].

Однако как показывают различные исследования [14], даже высокий уровень развития интеллекта не может являться единственным критерием успешной деятельности [1]. Безусловно, интеллект является важным компонентом этой успешности, но все же не явля-

ется ее гарантией. Определяющими факторами в достижении успешной деятельности являются личностные особенности человека, в том числе и социальный интеллект [15; 17; 20]. В одном из исследования корреляция общего балла по социальному интеллекту с оценками составляет 0,57, что сопоставимо корреляции между общим интеллектом и оценками [22].

В предыдущих исследованиях с участием школьников 16–17 лет так же показаны связи ЕГЭ и базисных убеждений «Контроль», «Везение» и другие значимые связи личностного потенциала и социального интеллекта и ЕГЭ [10].

В одном исследовании выявлены значимые положительные связи итоговых оценок старших школьников (9–10 класс) с убеждениями в самооффективности и с постановкой целей [7]. Также выявлено, что успешность сдачи экзамена, отрицательно связана с уровнем беспокойства и уровнем развития осознанной саморегуляции учебной деятельности [18].

В этой связи представляется особенно актуальным исследование вопроса об особенностях связи между личностным потенциалом и интеллектуальными способностями молодых людей, которые можно было бы полагать предикторами достижения успешности деятельности.

Цель исследования, представленного в данной статье – изучение особенностей личностного потенциала и интеллектуальных способностей студентов первого курса.

Методы

Методологической базой исследования стали положения системной антропологической психологии В. Е. Ключко [11], положения

теории личностного потенциала Д. А. Леонтьева [14], разработанные в рамках позитивной психологии, концепции М. А. Холодной [23] об интеллектуальных способностях человека.

Общую выборку исследования составили 1 097 студентов первого курса Томского государственного университета, обучающихся на 19 факультетах естественнонаучного, технического и гуманитарного профилей.

Для изучения особенностей личностного потенциала студентов были использованы: «Опросник самоорганизации деятельности» Е. Ю. Мандриковой [16], «Методика дифференциальной диагностики рефлексивности» Д. А. Леонтьева [13], «Шкала базисных убеждений» Р. Янов-Бульман в адаптации О. А. Кравцовой [9] и тест «Оценка оптимального выбора в конфликтной ситуации» С. В. Щербакова [24]. Для изучения интеллектуальных способностей студентов был использован тест «Прогрессивные матрицы» Дж. Равена [20].

Исследование проходило следующим образом: 1 097 студентов выполнили когнитивный тест в режиме онлайн, 458 студентов из общей выборки исследования выполнили личностные методики в бланковом варианте.

Полученные данные были обработаны с помощью программы *IBM SPSS Statistics*. Были использованы методы описательной статистики, корреляционного, кластерного и дисперсионного видов анализа.

Результаты и обсуждение

Описательные статистики. На первом этапе исследования были вычислены нормативные значения показателей личностных методик и когнитивного теста (табл. 1–5). Следует отметить, что вычисленные средние значения находятся в пределах нормативных значений, определенных авторами и разработчиками теста и методик, используемых в данном исследовании.

Таблица 1

Описательные статистики показателей теста «Прогрессивные матрицы Дж. Равена» в выборке студентов первого курса ($n = 163$)

Table 1

Descriptive statistics of the test "Raven's Progressive Matrices" in a sample of first-year students ($n = 163$)

Показатель	Среднее значение	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
Интеллектуальная результативность	17,1	2,8	14	27

Как видно из табл. 1, большая часть студентов обладает средним уровнем интеллекта. Они отличаются целеустремленностью и настойчивостью, знают, чего хотят и стремятся к достижению целей, несмотря на трудности, в том числе и неожиданные (табл. 2).

Поэтому не удивительно, что, обладая указанными качествами, студенты испытывают потребность в постоянном осознанном планировании деятельности, благодаря чему их планы по достижению целей детально проработаны, действенны и устойчивы.

Таблица 2

**Описательные статистики показателей «Опросника самоорганизации деятельности»
в выборке студентов первого курса (n = 383)**

Table 2

**Descriptive statistics of parameters "Questionnaire of self-organization of activity"
in a sample of first-year students (n = 383)**

Показатели	Среднее значение	Стандартное отклонение	Ассиметрия	Экссесс
Планомерность	18,1	5,83	-0,32	-0,57
Целеустремленность	34,69	7,20	-1,22	1,11
Настойчивость	21,73	6,36	-0,23	-0,46
Фиксация	20,2	5,73	0,25	1,29
Самоорганизация	9,00	4,50	0,48	-0,55
Ориентация на настоящее	8,96	2,95	-0,13	-0,54
Индекс самоорганизации деятельности	18,80	3,08	-0,23	-0,38

Как видно из табл. 3, студенты отличаются системной рефлексией, т. е. способны занять позицию по отношению к самому себе и

из нее осуществить действия по отношению к самому себе.

Таблица 3

Описательные статистики показателей «Методики дифференциальной диагностики рефлексивности» в выборке студентов первого курса (n = 397)

Table 3

Descriptive statistics for "The method of differential diagnosis of reflexivity" in a sample of first-year students (n = 397)

Показатели	Среднее значение	Стандартное отклонение	Ассиметрия	Экссесс
Системная рефлексия	38,22	6,22	-1,10	3,19
Самокопание	22,67	5,93	-0,04	-0,14
Фантазийная рефлексия	25,87	5,85	-0,37	-0,43
Индекс рефлексии	28,91	4,17	-0,62	0,73

Как известно, для того чтобы успешно решить какую-либо задачу, необходимо видеть максимальное количество ее элементов. Благодаря тому, что студенты способны к самодистанцированию, они имеют возможность

не упускать из виду самих себя как важного элемента задачи, что является основой ее успешного решения.

Студенты убеждены в наличии у них возможности контролировать происходящие

события, а также в доброте, контролируемости и справедливости окружающего мира (табл. 4). Именно эти убеждения обеспечи-

вают их чувство психологической безопасности, которое, в свою очередь, способствует их большей психической стабильности и успешности в жизни.

Таблица 4

Описательные статистики показателей «Шкалы базисных убеждений» в выборке студентов первого курса ($n = 395$)

Table 4

Descriptive statistics for "Scale of basic beliefs" in a sample of first-year students ($n = 395$)

Показатели	Среднее значение	Стандартное отклонение	Ассиметрия	Экссесс
Благосклонность мира	4,22	1,15	-0,70	0,22
Доброта людей	3,87	0,95	-0,32	-0,04
Справедливость мира	4,04	0,97	-0,35	-0,06
Контролируемость мира	4,15	0,86	-0,34	0,49
Случайность как принцип распределения происходящих событий	3,88	1,06	-0,49	-0,01
Ценность собственного «Я»	4,08	0,99	-0,44	-0,06
Степень самоконтроля	4,34	0,83	-0,56	1,69
Степени удачи или везения	3,88	0,97	-0,26	0,30
Индекс безопасности	3,09	0,57	-0,19	0,42

Как видно из табл. 5, студенты отличаются развитым социальным интеллектом, поскольку им свойственны такие конструктивные стратегии поведения в конфликте, как «Компромисс» и «Сотрудничество».

В конфликтной ситуации они стремятся найти такое решение, которое будет частично или полностью удовлетворять их собственные интересы и интересы их оппонентов. Важно, что при любой из указанных стратегий это решение будет совместным, т. е. принятым в ходе открытого обсуждения, с анализом общностей и разногласий.

На следующем этапе исследования был проведен корреляционный анализ для выявления связей между особенностями личностного

потенциала студентов и их интеллектуальными способностями.

Обнаружена отрицательная корреляция показателя «Планомерность» и результатом по тесту Дж. Равена: $r = -0,17$, $p = 0,00$. Получается, чем более у студентов выражена потребность в постоянном осознанном планировании деятельности, детализации планов, в самостоятельном выдвижении целей деятельности, тем ниже их интеллектуальная результативность. Возможно, в данном контексте планомерность как следование заранее выработанному плану, определенной системе не позволяет студентам быть более гибкими, что, как известно, является одним из признаков высокого интеллекта. С этим согласуется и другая

обнаруженная корреляция: показатель «Фиксация» отрицательно связан с результатом по тесту Дж. Равена: $r = -0,13$, $p = 0,03$. Чем более студенты исполнительны, ориентированы на завершение начатого дела, тем ниже их интеллектуальная результативность. Вероятно, это

объясняется трудностями студентов в перестроении на новую структуру и отношения деятельности, негибкостью в планировании и неспособностью видеть альтернативы, что характерно для высоких значений показателя «Фиксация».

Таблица 5

Описательные статистики показателей теста «Оценка оптимального выбора в конфликтной ситуации» в выборке студентов первого курса ($n = 394$)

Table 5

Descriptive statistics for the test "Assessing optimal choice in conflict situations" in a sample of first-year students ($n = 394$)

Показатели	Среднее значение	Стандартное отклонение	Ассиметрия	Экссесс
Борьба	62,61	17,30	0,29	-0,18
Уход	67,90	16,70	0,19	-0,02
Компромисс	98,19	15,22	-0,42	-0,12
Сотрудничество	87,07	17,21	0,14	0,97
Уступка	62,54	16,14	0,57	1,77
Обращение к посреднику (помощь)	60,53	16,42	0,48	-0,10
Тактика язвительного ответа	52,90	26,45	0,86	0,07
Индекс социального интеллекта	92,63	14,81	-0,26	0,05

Таким образом, «Планомерность» и «Фиксацию» можно считать личностными факторами, отвечающими за статичный и программный характер деятельности, не позволяющими студентам быть более гибкими, а, следовательно, иметь более высокую интеллектуальную результативность.

Несмотря на отсутствие большего числа значимых корреляций между показателями личностных методик и когнитивного теста, обнаруженные связи между особенностями личностного потенциала и интеллектуальными способностями позволяют говорить о неоднозначных отношениях между ними и,

следовательно, о необходимости более детального изучения особенностей личностного потенциала при реализации интеллектуальных способностей.

Для решения указанной задачи на следующем этапе исследования была определена группа высокоинтеллектуальных студентов. Это было обусловлено необходимостью получить максимально гомогенную выборку, респонденты которой, в соответствии с принципами позитивной психологии, являются наиболее успешными и эффективными – предполагалось, что изучение их личностного по-

тенциала позволит определить показатели эффективности академической деятельности и разработать рекомендации по развитию личностного потенциала для тех молодых людей, которые в этом будут нуждаться.

Кластерный анализ и сравнение групп методом ANOVA. Выборка высокоинтеллектуальных студентов ($n = 517$) была определена на основании медианы теста «Прогрессивные матрицы» Дж. Равена (табл. 1). Из них только у 163 респондентов имелись результаты выполнения личностных методик.

Далее на выборке высокоинтеллектуальных студентов ($n = 163$) с помощью кластерного анализа были выявлены группы респондентов, отличающихся показателями личностного потенциала. Была применена иерархическая процедура кластеризации по методу внутригрупповых связей, анализу подвергались значения 31 переменной. В результате были получены четыре кластера: в первый кластер вошли 33 респондента, во второй – 43. Третий кластер составили 44 респондента, четвертый – 35 ($n = 157$).

Поскольку размеры выборки каждого кластера оказались недостаточными для проведения корреляционного анализа, был проведен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) для выявления различий между полученными группами.

Третья группа имеет самое высокое значение по тесту «Прогрессивные матрицы» Дж. Равена – 18. Следующей за ней идет первая группа – 17,6. Вторая и четвертая группы имеют более низкие значения: 16,8 и 16,4 (F -критерий = 2,5; $P = 0,06$). Это значит, что респонденты, при кластеризации отнесенные в третью и первую группы, отличаются более высоким уровнем интеллекта, чем респонденты второй и четвертой групп.

Что касается значений по шкалам «Опросника самоорганизации деятельности»,

то первая группа имеет самое высокое значение по шкале «Индекс самоорганизации»: 20,5; 19,9; 16,5 и 17,3, F -критерий = 22,1, $P = 0,00$. Кроме того, первая группа имеет самые высокие значения по шкалам: «Планомерность» (18,2; 17,8; 16,9 и 15,5, F -критерий = 1,5, $P = 0,21$), «Целеустремленность» (38,9; 38,3; 28 и 32,9, F -критерий = 31,4, $P = 0,00$), «Самоорганизация» (13,3; 7,9; 7,7 и 7,6, F -критерий = 16,1, $P = 0,00$). Респондентам данной группы в большей степени, чем другим, свойственно видеть и ставить цели, сознательно и детально планировать свою деятельность, и, проявляя волевые качества и настойчивость, идти к достижению целей.

Вторая группа имеет самые высокие значения по шкалам: «Настойчивость» (25,3 против 22,9; 19,5 и 20,6, F -критерий = 9,2, $P = 0,00$) и «Ориентация на настоящее» (10,08 и 8,1; 8,1; 7,6, F -критерий = 6, $P = 0,00$). Респонденты второй группы – организованные, способные волевым усилием структурировать поведенческую активность и завершить начатое дело, несмотря на возникающие, в том числе неожиданные, трудности, не откладывая дело «в долгий ящик».

Таким образом, на основании полученных результатов, можно заключить, что респонденты первой и второй групп отличаются сформированными навыками тактического планирования и стратегического целеполагания. Третья же группа отличается наиболее низкими значениями по всем указанным шкалам «Опросника самоорганизации деятельности». Однако, принимая во внимание тот факт, что значения, полученные по указанным шкалам, являются нормативными, можно сказать, что респонденты третьей группы, в отличие от других, способны быстрее перестраиваться на новую деятельность, не фиксируясь на структурированности и текущих ощущениях.

Что касается результатов по «Методике дифференциальной диагностики рефлексивности», то респонденты первой и второй групп, по сравнению с респондентами третьей и четвертой групп, более склонны к системной рефлексии (42; 40,1 и 38,3; 34,3, F -критерий = 12, $P = 0,00$). Они больше других респондентов способны смотреть на себя со стороны и на ситуацию, включая и самих себя как элемента этой ситуации.

Третья группа имеет самые высокие значения по шкалам «Самокопание» (25,6 и 23,5; 19; 23,7, F -критерий = 10,2, $P = 0,00$) и «Фантазийная рефлексия» (28,5 и 28,1; 23,4; 26,2, F -критерий = 7,3, $P = 0,00$). Респонденты третьей группы склонны к менее конструктивным формам рефлексии, при которых в центре внимания становится собственное внутреннее переживание или состояние, а также посторонние предметы, не имеющие отношения к актуальной ситуации. Такие формы рефлексии не конструктивны, поскольку являются способом психологической защиты от неприятной ситуации, без ее реального решения.

Что касается результатов по «Шкале базисных убеждений», то у респондентов первой и второй групп, по сравнению с респондентами третьей и четвертой групп, более выражено чувство психологической безопасности: 3,51; 3,31 и 2,55; 2,85, F -критерий = 41,4, $P = 0,00$.

При этом респонденты первой группы больше других убеждены в своей способности управлять событиями (4,80 и 4,35; 4,06; 4,29, F -критерий = 6,1, $P = 0,00$), контролируемости и справедливости окружающего мира (4,60 и 4,27; 3,90; 4,18, F -критерий = 4,9, $P = 0,00$; 4,57 и 4,11; 3,42; 3,90, F -критерий = 12,2, $P = 0,00$), а также в собственной удачливости (4,23 и 4,07; 3,40; 3,33, F -критерий = 10,6, $P = 0,00$). Они верят в осмысленность и не случайность

происходящих в мире событий. Это согласуется с результатами по «Опроснику самоорганизации деятельности»: если респонденты склонны осознанно и самостоятельно ставить цели, планировать свою деятельность, и, несмотря на возникающие трудности, быть настойчивыми в достижении целей и реализации планов, то неудивительно, что при такой высокой организованности и контроле окружающий мир представляется им зависимым от их собственных действий.

Респонденты второй группы больше других убеждены в доброте мира и людей (4,77 и 4,55; 3,32; 3,83, F -критерий = 18,1, $P = 0,00$; 4,26 и 4,23; 3,24; 3,54, F -критерий = 14,4, $P = 0,00$), в своей ценности (4,67 и 4,23; 3,29; 3,65, F -критерий = 24,2, $P = 0,00$). Можно сказать, что основой их картины мира является вера в то, что в мире больше добра, чем зла.

Респонденты третьей группы убеждены в случайности происходящих событий: 4,23 и 3,17; 4,00; 3,91, F -критерий = 7,4, $P = 0,00$). Это согласуется с результатами по «Опроснику самоорганизации деятельности»: если респонденты не склонны к осознанному целеполаганию и планомерному достижению целей с обязательной функцией контроля, то неудивительно, что происходящие с ними события они считают случайными.

Что касается результатов по тесту «Оценка оптимального выбора в конфликтной ситуации», то наиболее выраженным социальным интеллектом отличаются респонденты первой группы (102,3 и 96,2; 94,8; 80,5, F -критерий = 16,4, $P = 0,00$). Первая группа имеет самые высокие значения по конструктивным стратегиям поведения в конфликте «Компромисс» (105,3 и 100,2; 102,5; 86,6, F -критерий = 12,1, $P = 0,00$) и «Сотрудничество» (99,3 и 92,2, 87,1; 74,3, F -критерий = 14,7, $P = 0,00$). Другими словами, в ситуации конфликта они ори-

ентированы на его решение с помощью частичного или полного удовлетворения интересов обеих сторон.

Респонденты второй и третьей групп также имеют высокие значения по указанным стратегиям, что говорит о развитости их социального интеллекта. Вместе с тем респонденты третьей группы не всегда в ситуации конфликта выбирают только конструктивные стратегии поведения – для них характерны самые высокие значения по неконструктивным стратегиям: «Уход» (81,6 и 69,9, 62,2; 65, F -критерий = 15,5, $P = 0,00$), «Борьба» (74,7 и 62,2; 56,5; 51,9, F -критерий = 17,9, $P = 0,00$), «Уступка» (73 и 63,9; 57,5; 61,4; 7, F -критерий = 7, $P = 0,00$), «Обращение к посреднику» (70,2 и 63,4; 53,5; 50,1, F -критерий = 16,1, $P = 0,00$) и «Тактика язвительного ответа» (67 и 42,6; 52,6; 42,4, F -критерий = 9, $P = 0,00$). С другой стороны, это может говорить и о гибкости респондентов, которые, в зависимости от конкретной ситуации и степени значимости предмета конфликта могут выбирать разные стратегии: от игнорирования конфликта, попытки «отшутиться» или отказа от своих интересов до привлечения третьей стороны или открытого соперничества. Учитывая результат респондентов третьей группы по тесту Дж. Равена, можно предположить, что высокий уровень развития интеллекта позволяет им определять наиболее оптимальную стратегию поведения для каждой конкретной конфликтной ситуации.

Обобщая результаты исследования, можно прийти к выводу о наличии двух личностных профилей молодых людей с высоким уровнем развития интеллекта. Представители первого профиля, в который вошли респонденты первой и второй групп, отличаются высоким личностным потенциалом, основанным на выраженной самоорганизации, рефлексии, психологической безопасности и социальном интеллекте. Представители второго профиля, в который вошли респонденты третьей и четвертой групп, отличаются невысоким личностным потенциалом.

На основании полученных результатов можно предположить, что представители первого профиля – молодые люди с высоким уровнем развития интеллекта и высоким личностным потенциалом будут более успешны в деятельности, чем представители второго профиля – молодые люди с высоким уровнем развития интеллекта, но невысоким личностным потенциалом. При этом следует отметить именно роль личностного потенциала как главного фактора, определяющего успешность деятельности.

Полученные в исследовании данные показывают возможность нового понимания психологических механизмов успешной деятельности и роли в ней именно личностного потенциала, а также необходимость разработки рекомендаций по развитию личностного потенциала тех высокоинтеллектуальных молодых людей, которые в этом нуждаются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Deary I., Strand J. S., Smith P., Fernandes C.** Intelligence and educational achievement // *Intelligence*. – 2007. – Vol. 35, № 1. – P. 13–21. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.intell.2006.02.001>
2. **Gottfredson L. S.** Schools and the g factor // *The Wilson Quarterly*. – 2004. – Vol. 28, № 3. – P. 35–45.
3. **Krapohl E., Rimfeld K., Shakeshaft N. G., Trzaskowski M., McMillan A., Pingault J. B., Asbury K., Harlaard N., Kovas Yu., Dale P. S., Plomin R.** The high heritability of educational

- achievement reflects many genetically influenced traits, not just intelligence // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2014. – Vol. 111, № 42. – P. 15273–15278. DOI: <http://dx.doi.org/10.1073/pnas.1408777111>
4. **Luo Y. L., Kovas Y., Haworth C. M., Plomin R.** The etiology of mathematical self-evaluation and mathematics achievement: Understanding the relationship using a cross-lagged twin study from ages 9 to 12 // Learning and Individual Differences. – 2011. – Vol. 21, № 6. – P. 710–718.
 5. **Rajchert J. M., Źultak T., Smulczyk M.** Predicting reading literacy and its improvement in the Polish national extension of the PISA study: The role of intelligence, trait-and state-anxiety, socio-economic status and school-type // Learning and Individual Differences. – 2014. – Vol. 33. – P. 1–11. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.lindif.2014.04.003>
 6. **Raven J. C.** The Raven's progressive matrices: change and stability over culture and time // Cognitive psychology. – 2000. – Vol. 41, № 1. – P. 1–48. DOI: <http://dx.doi.org/10.1006/cogp.1999.0735>
 7. **Zimmerman B. J., Bandura A., Martinez-Pons M.** Self-motivation for academic attainment: The role of self-efficacy beliefs and personal goal setting // American educational research journal. – 1992. – Vol. 29, № 3. – P. 663–676.
 8. **Богомаз С. А., Мацуга В. В.** Оценка личностного потенциала и выявление основных типов ориентации на профессиональную деятельность у студентов // Психология обучения. – 2010. – № 12. – С. 77–88.
 9. **Богомаз С. А., Гладких А. Г.** Психологическая безопасность и ее измерение с помощью Шкалы базисных убеждений // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 318. – С. 191–194.
 10. **Будакова А. В.** Личностный потенциал первокурсников и их экзаменационная результативность: лонгитюдное исследование // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 34. – С. 72–74.
 11. **Ключко В. Е., Галажинский Э. В., Краснорядцева О. М., Лукьянов О. В.** Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // Сибирский психологический журнал. – 2015. – № 56. – С. 28–39.
 12. **Корнилова Т. В.** Интеллектуально-личностный потенциал человека в стратегиях совладания // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2010. – № 1. – С. 46–57.
 13. **Леонтьев Д. А., Лаптева Е. М., Осин Е. Н., Салихова А. Ж.** Разработка методики дифференциальной диагностики рефлексивности // Рефлексивные процессы и управление: Сборник материалов VII Международного симпозиума. Москва, 15–16 октября 2009 г. / под общ. ред.: В. Е. Лепский. – М.: Когито-Центр, 2009. – С. 145–150.
 14. **Леонтьев Д. А., Мандрикова, Е. Ю., Осин Е. Н., Плотникова А. В., Рассказова Е. И.** Опыт структурной диагностики личностного потенциала // Психологическая диагностика. – 2007. – Т. 1. – С. 8–31.
 15. **Лунева О. В.** Социальный интеллект – условие успешной карьеры // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 1. – С. 53–58.
 16. **Мандрикова Е. Ю.** Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД) // Психологическая диагностика. – 2010. – № 2. – С. 87–111.
 17. **Мацуга В. В., Богомаз С. А., Суднева О. Ю.** Роль интеллектуальных и личностных факторов в достижении высокой результативности в ЕГЭ по математике // Сибирский психологический журнал. – 2014. – № 52. – С. 52–66.

18. **Моросанова В. И., Филиппова Е. В., Фомина Т. Г.** Личностные и регуляторные предикторы успешности и надежности действий школьников в ситуации экзамена // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2014. – № 4. – С. 4–17.
19. **Росс И., Будакова А. В., Малых А. С., Воробьев В. С.** Чувство числа и математическая успешность у 16-17-летних юношей // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2012. – Т. 5, № 4. – С. 40–48.
20. **Рязанова М. М., Барабанщикова Т. А.** Социальный интеллект и самооценка как факторы профессиональной успешности будущих психологов // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Педагогика и психология. – 2010. – № 2. – С. 17–22.
21. **Тихомирова Т. Н., Ковас Ю. В.** Взаимосвязь когнитивных характеристик учащихся и успешности решения математических заданий (на примере старшего школьного возраста) // Психологический журнал. – 2013. – Т. 34, № 1. – С. 63–73.
22. **Тихомирова Т. Н., Ушаков Д. В.** Измерение социального интеллекта у школьников // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – М.: Изд-во ИП РАН, 2009. – С. 332–348.
23. **Холодная М. А.** Психология интеллекта: парадоксы исследования. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2002. – 272 с.
24. **Щербаков С. В.** Комплементарность межличностных отношений и социальный интеллект студентов // Российский гуманитарный журнал. – 2013. – Т. 2, № 5. – С. 459–480.

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.02](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.02)

Anna Vasilievna Budakova, Junior Research Fellow, Laboratory for Cognitive Investigations and Behavioral Genetics, Department of Psychology, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-8109-8913>

E-mail: farmazonka2009@yandex.ru

Valery Vladimirovna Matsuta, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Organizational Psychology, Department of Psychology, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-0860-0647>

E-mail: matsuta-vv@mail.ru

DIFFERENCES IN PERSONAL POTENTIAL IN HIGHLY INTELLIGENT STUDENTS

Abstract

The results of studies of the personal potential of highly intellectual students are presented. The article provides a review of current studies in the field of intellectual and personal potential as a predictor of success. The methodological approach taken in this study is a mixed methodology based on the ideas of the systemic anthropological psychology suggested by V. E. Klochko, the theory of personal potential developed by D. A. Leontiev within the framework of positive psychology, and the concept of human intellectual abilities introduced by M. A. Kholodnaya. The aim of the research presented in this article was to study the peculiarities of personal potential and intellectual abilities of first-year university students. The first stage of the research involved identifying the level of students' personal potential and intellectual ability. The results obtained from the correlational analysis showed a significant correlation between IQ and personal potential, especially the self-organization parameters of "Planning" and "Fixation". The last stage of the research based on the cluster analysis identified four groups of highly intelligent students with various personal potential indicators. Conducting the analysis of variance, the authors compared the groups, and on the base of the revealed variant and invariant personality traits two profiles of students with high level of intellectual development have been identified. The first profile is characterized by high personal potential, based on the expression of self-reflection, psychological safety and social intelligence which allows to predict their success in every-day activities and high achievements. The second profile shows low personal capacity, substantial characteristics of which will interfere with the achievement of success, despite the high level of intelligence. In conclusion, the study suggests that personal potential is the major factor determining success achievements in various activities.

Keywords: *personal potential, intellectual potential, highly intellectual students.*

REFERENCES

1. Deary I. J., Strand S., Smith P., Fernandes C. Intelligence and educational. *Intelligence*. 2007, vol. 35, no. 1, pp. 13–21. DOI <http://dx.doi.org/10.1016/j.intell.2006.02.001>
2. Gottfredson L. S. Schools and the g factor. *The Wilson Quarterly*. 2004, vol. 28, no. 3, pp. 35–45.

3. Krapohl E., Rimfeld K., Shakeshaft N. G., Trzaskowski M., McMillan A., Pingault J.-B., Asbury K., Harlaard N., Kovas Yu, Dale P. S., Plomin R. The high heritability of educational achievement reflects many genetically influenced traits, not just intelligence. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2014, vol. 111, no. 42, pp. 15273–15278. DOI <http://dx.doi.org/10.1073/pnas.1408777111>
4. Luo Yu, Kovas Y., Haworth C. M., Plomin R. The etiology of mathematical self-evaluation and mathematics achievement: Understanding the relationship using a cross-lagged twin study from ages 9 to 12. *Learning and Individual Differences*. 2011, vol. 21, no. 6, pp. 710–718. DOI <http://dx.doi.org/10.1016/j.lindif.2011.09.001>
5. Rajchert J., Żułtak M. T., Smulczyk M. Predicting reading literacy and its improvement in the Polish national extension of the PISA study: The role of intelligence, trait-and state-anxiety, socio-economic status and school-type. *Learning and Individual Differences*. 2014, vol. 33, no. 7, pp. 1–11. DOI <http://dx.doi.org/10.1016/j.lindif.2014.04.003>
6. Raven J. C. The Raven's progressive matrices: change and stability over culture and time. *Cognitive psychology*. 2000, vol. 41, no. 1, pp. 1–48. DOI <http://dx.doi.org/10.1006/cogp.1999.0735>
7. Zimmerman B. J., Bandura A., Martinez-Pons M. Self-motivation for academic attainment: The role of self-efficacy beliefs and personal goal setting. *American educational research journal*. 1992, vol. 29, no. 3, pp. 663–676.
8. Bogomaz S. A., Matsuta V. V. Evaluation of personal potential and the identification of the main types of orientation to the professional activity of the students. *Psychology courses*. 2010, no. 12, pp. 77–88. (In Russian)
9. Bogomaz S. A., Gladkih A. G. Psychological safety and its measurement using the scales of basic beliefs. *Bulletin of the Tomsk State University*. 2009, no. 318, pp. 191–194. (In Russian)
10. Budakova A. V. Personal potential of the freshmen and their examination performance: a longitudinal study. *Siberian psychological journal*. 2009, no. 34, pp. 72–74. (In Russian)
11. Klochko V. E., Galazhinsky E. V., Krasnoryadtseva O. M., Lukyanov O. V. System anthropological psychology: conceptual apparatus. *Siberian psychological journal*. 2015, no. 56, pp. 28–39. (In Russian)
12. Kornilova T. V. Intellectual and personal potential in a person coping strategies. *Bulletin of Moscow University. Series 14: The Psychology*. 2010, no. 1, pp. 46–57. (In Russian)
13. Leontiev D. A., Laptev E. M., Osin E. N., Salikhov A. J. Development of method for differential diagnostics of reflexivity. *Reflexive processes and control: The collection of materials of the VII International Symposium*. Moscow, 2009, pp. 145–150. (In Russian)
14. Leontiev D. A., Mandrikova E. Y., Osin E. N., Plotnikov A. V., Rasskazova E. I. The experience of structural diagnostics personal potential. *Psychological Diagnostics*. 2007, vol. 1, no. 2, pp. 8–31. (In Russian)
15. Luneva O. V. Social intelligence – the condition of a successful career. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2006, no. 1, pp. 53–58. (In Russian)
16. Mandrikova E. Y. Development questionnaire self-activity (MDA). *Psychological diagnostics*. 2010, no. 2, pp. 87–111. (In Russian)
17. Matsuta V. V., Bogomaz S. A., Sudneva O. Y. The role of intellectual and personal factors in achieving high performance in the exam in mathematics. *Siberian psychological journal*. 2014, no. 52, pp. 52–66. (In Russian)
18. Morosanova V. I., Filippova E. V., Fomina T. G. Personal and regulatory predictors of success and reliability of activity in schoolchildren in the exam situation. *Bulletin of Moscow University. Series 14: The Psychology*. 2014, no. 4, pp. 4–17. (In Russian)

19. Ross I., Budakova A. V., Malykh A. S., Vorobev V. S. Number sense and mathematical success in 16–17 year old boys. *Theoretical and experimental psychology*. 2012, vol. 5, no. 4, pp. 40–48. (In Russian)
20. Ryazanova M. M., Barabanszikova T. A. Social intelligence and self-confidence as factors of professional success of future psychologists. *Bulletin of Moscow State Humanitarian University. MA Sholokhov. Pedagogy and psychology*. 2010, no. 2, pp. 17–22. (In Russian)
21. Tikhomirova T. N., Kovas Y. V., Relationship cognitive characteristics of students and the success of solving mathematical tasks (for example, high school age). *Psychological magazine*. 2013, vol. 34, no. 1, pp. 63–73. (In Russian)
22. Tikhomirova T. N., Ushakov D. V. Measurement of social intelligence in schoolchildren. *Social and emotional intelligence: from processes to measurements*. Moscow, IP RAN Publ., 2009, pp. 332–348. (In Russian)
23. Kholodnaya M. A. *Intelligence Psychology: paradoxes of research*. St. Petersburg, Peter Publ., 2002, 272 p. (In Russian)
24. Shcherbakov S. V. Complementarity interpersonal relationships and social intelligence of students. *Russian Journal of Humanities*. 2013, vol. 2, no. 5, pp. 459–480. (In Russian)

www.vestnik.nspu.ru

ФИЛОСОФСКИЕ
И ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHY AND HISTORY

© А. С. Шмакова, Кидун Бэ, Е. Э. Войтишек

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.03](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.03)

УДК 94(5)+902+930.2+003.071

РИТУАЛ «ЗАХОРОНЕНИЯ АРОМАТА» 埋香 МЭХЯН НА ЮГЕ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА: ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ*

А. С. Шмакова (Новосибирск, Россия), Кидун Бэ (Ансан, Республика Корея),

Е. Э. Войтишек (Новосибирск, Россия)

*Среди ритуалов различного типа, сформировавшихся в русле синоероглифической культуры Восточной Азии, ритуал «захоронения аромата» (埋香) занимает особое место. Он связан с древесиной агарового дерева, или аквилярии (лат. *Aquilaria agallocha Roxb.*), которая с давних пор широко известна на Востоке. Зародившись на территории Южного Китая в древности как погребальный церемониал, когда тело усопшего обкладывали кусками ароматической древесины, в дальнейшем ритуал «захоронения аромата» не получил в Китае особого развития (при этом в китайской литературной традиции с VII в. этот термин был связан с понятием «хоронить красавицу»).*

Не закрепившись на территории Китая и не дойдя до Японских островов, традиция «захоронения аромата» широко распространилась на Корейском полуострове, особенно в период Средневековья – с VIII по XV вв. Это явление подразумевало два этапа: ритуал захоронения ароматической древесины в землю с целью ее «состаривания» и, возможно, сопровождавшийся ее возжиганием, а также установка каменной стелы 埋香碑 мэхянби в честь этого события. Оба этапа могли быть разведены по времени на десятки и сотни лет.

На основе полевых наблюдений и изучения письменных источников в работе определена типология обнаруженных к настоящему времени на юге Корейского полуострова каменных стел, выявлено их значение как важных исторических, археологических и эпиграфических памятников, определена тесная связь ритуала мэхян с буддизмом (в частности, с культом Будды Майтрея), отмечена общность многих культурно-исторических процессов в культуре Восточной Азии.

Ключевые слова: «захоронение аромата», агаровое дерево (аквилярия), ритуал мэхян, каменные стелы мэхянби, Восточная Азия, Корейский полуостров, буддизм.

* Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045)

Шмакова Анна Сергеевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет.

E-mail: shmakovaa@yahoo.com

Бэ Кидун – профессор департамента антропологии, Университет Ханъян, директор Института культурного наследия, г. Ансан, Республика Корея.

E-mail: bkd5374@gmail.com

Войтишек Елена Эдмундовна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой и отделением востоковедения Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований, Новосибирский государственный университет.

E-mail: elenavoyt@academ.org

Среди ритуалов различного типа, сформировавшихся в русле синоиероглифической культуры Дальневосточного региона, особняком стоит ритуал «захоронения аромата» 埋香 (кит. *майсян*, кор. *мэхян*, яп. *майко*:)¹.

Понятие «захоронение аромата» связано, прежде всего, с древесиной агарового дерева, или аквилярии (лат. *Aquilaria agallocha Roxb.*), которая уже в древности была широко известна в культуре четырех древних цивилизаций – Индии, Древнего Египта, Вавилона и Китая. Различные виды древесины аквилярии, обладая терпким ароматом, издавна использовались в санитарно-гигиенических и медицинских целях для окуривания помещений, ароматизации одежды и утвари, активно применялись в религиозных ритуалах, жертвоприношениях, дворцовых церемониалах. Статус агарового дерева как «царя ароматов» всегда был чрезвычайно высок. До сих пор составляя в странах Восточной Азии ядро культуры благовоний, эта ароматическая древесина² занимает важное место не только в традиционной медицине, в парфюмерной и косметической промышленности, но и активно используется в декоративно-прикладном искусстве и в буддийско-даосских культовых практиках.

Все виды аквилярии (их насчитывается около 15) обладают древесиной, относящейся к мягким смолистым породам. Примечательно, что древесина аквилярии до заражения грибом не имеет запаха – дерево источает приятный хвойный аромат только под воздействием бактерий, когда начинает вырабатывать смолу для подавления грибковой флоры. При этом сила аромата зачастую зависит от бактерий,

обитающих в древесине и уплотняющих смолу, которая сохраняется даже в высохших деревьях. Сами благовония изготавливались из древесины аквилярии, долгие годы пролежавшей в земле или гнившей в воде. Это свойство подтверждается и одним из ее названий: аквилярия китайская (лат. *Aquilaria sinensis*), произрастающая в теплом и влажном климате Юго-Восточной Азии, по-китайски звучит как 土沉香 *тучэньсян* (букв. «ароматическая древесина, [перегнившая] в земле») – при этом как раз имеется в виду густой аромат, идущий от земли. Процесс «созревания» древесины мог занимать очень длительный срок – от нескольких десятилетий до сотен лет.

Видимо, в условиях субтропического климата Юго-Восточной Азии это свойство древесины аквилярии источать аромат, будучи зарытой в землю, было давно подмечено и освоено традиционной культурой региона. Неслучайно за многие сотни лет в культуре Восточной и Юго-Восточной Азии сформировалось понятие 埋香 («захоронение аромата»), которое, прежде всего, подразумевает ритуал закапывания в землю фрагментов благовонной древесины или ее воскурения с целью умилоствления духов неба и земли.

Описания ритуалов жертвоприношений с применением ароматических веществ встречаются во многих китайских трудах древности. Так, в классическом тексте «Образцовые церемонии и ритуалы» (儀禮 «И ли»), входящем в конфуцианский канон «Тринадцатикнижие», указывается: «Для жертвоприношения Небу возжигали [жертвенные предметы]³. Для поклонения духам гор восходили на холмы. Для

¹ Под ритуалом здесь и далее вслед за В. У. Тэрнером мы будем понимать корпус верований и действий, исполняемых особой культовой ассоциацией [1, с. 16].

² Существует множество ее названий: аквилярия, алойное дерево, агаровое дерево, тонущее [в воде] дерево, орлиное дерево и др. В иероглифическом написании:

沉香 – кит. *чэньсян*, кор. *чхимхян* (букв. «тонущий [в воде] аромат»); 伽羅 – яп. *кяра*.

³ В качестве жертвенных предметов в древних текстах указываются фрагменты древесины, ароматических

поклонения духам рек [жертвенные предметы] топили. Для поклонения духам Земли – закапывали». В другом каноническом трактате «Тринадцатикнижия», где трактуются древние ритуалы, обряды и правила этикета, – «Ритуалы династии Чжоу» (周礼 «Чжоу ли») – также указано, что при поклонении духам гор, лесов, рек и водоемов жертвенные предметы захоранивали в землю или погружали в воду (Цит. по: [9, с. 8–9]).

По-видимому, зародившись на территории Южного Китая в древности как погребальный церемониал, когда тело усопшего обкладывали кусками ароматической древесины, в дальнейшем традиция «захоронения аромата» не получила в Китае особого развития. При этом в китайской художественной и эссеистической литературе – по крайней мере, с эпох Тан (VII–X вв.) и Сун (X–XIII вв.) и вплоть до конца эпохи Цин (рубеж XIX–XX вв.) – это понятие функционировало в значении 埋葬美女 *майцзан мэйнью* «хоронить красавицу», «хоронить прекрасную молодую женщину» [2, с. 102–107].

При наличии глубоко укоренившейся традиции возжигания ароматической древесины аквилярии в Японии, впервые зафиксированной в мифолого-летописном своде «Нихон сёки» (720 г.) в записи, датированной 595 г., а также в связи с существованием искусства благовоний 香道 *ко:до:* (букв. «путь аромата»), которое наряду с чайным действием и искусством составления цветочных композиций является важным символом национальной культуры, следов распространения данного явления на Японском архипелаге до сих пор не выявлено [13, pp. 232–233].

Не закрепившись на территории Китая и не дойдя до Японских островов, традиция «захоронения аромата» тем не менее широко распространилась на Корейском полуострове, особенно в период Средневековья – с VIII по XV вв.

На месте захоронения фрагмента ароматической древесины (обычно имеется в виду аквилярия) устанавливали каменную стелу 埋香碑 (кит. *майсянбэй*, кор. *мэханби*) с надписью, содержащей информацию о времени, цели и субъекте совершения ритуала. Надпись также могла быть вырезана на участке скалы, расположенной в горах неподалеку от места проведения ритуала.

Необходимо отметить, что в настоящее время термин 埋香 («захоронение аромата») используется в культуре благовоний Восточной Азии в узком значении – как метод поджигания ароматического порошка в сосуде с последующим его закапыванием в пепел. Суть этого приема заключается в том, что мастер делает углубление в специально подготовленном сосуде с пеплом, затем помещает внутрь него ароматический порошок и поджигает его, следя при этом за притоком воздуха и подсыпая слой за слоем еще пепел. При соблюдении всех условий из недр сосуда выходит струйка ароматного дыма, воздействие которого благотворно влияет на физическое и нравственное здоровье участников ритуала.

Ввиду того, что к настоящему времени в соседних странах синоиероглифического региона почти не сохранилось памятников, свидетельствующих о существовании сходных культовых практик, сам ритуал «захоронения аромата» чрезвычайно трудно реконструировать⁴. До сих пор остается много вопросов,

растений (злаки, полынь), вино, куски нефрита или изделия из него, куски шелка, жертвенные животные – бык, баран, кабан.

⁴ В Китае к настоящему моменту известен чуть ли не единственный памятник такого рода. Это каменная стела, установленная в сер. XIX в. при династии Цин

связанных с этим феноменом корейской этнической культуры. Так, не представляется возможным с точностью утверждать, действительно ли на месте установки каждой стелы закрыты куски благовонного дерева, а если это действительно так, то на какой глубине и каким образом они расположены. Нет также данных о самой процедуре отправления ритуала, ее этапах, атрибутике, причинах активного использования в периоды Корё (918–1392) и Чосон (1392–1910).

Тем не менее, судя по имеющимся данным, уже сейчас оказывается возможным определение типологии каменных стел, обнаруженных на территории Республики Корея.

1. Географическое расположение

Памятники находятся, главным образом, в юго-восточной и южной части Корейского полуострова⁵ в уездах близ небольших городов, имеющих выход к морю. Наиболее подходящим местом для установки памятника считалась территория, на которой горная река впадает в крупный водоем.

Среди памятников, известных на сегодняшний день, девять расположены в провинции Чолла-Намдо, один – в Канвондо, один –

в Чхунчхон-Намдо, два – в Кёнсан Намдо, один – в Пхёнъян-Пукто [5, р. 96]⁶.

2. Датировки

Большинство памятников относится к концу эпохи Корё – началу эпохи Чосон, т. е. X–XIV вв., но отдельные памятники корейскими исследователями квалифицируются как более ранние (VIII в.) и более поздние (XV в.).

3. Внешний вид и форма

Памятники представляют собой, как правило, массивные куски горной породы (прямоугольные, квадратные, трапецевидные, круглые) с нанесенными на необработанную поверхность иероглифами. Южнокорейские исследователи выделяют два типа памятников – отдельно стоящие каменные стелы с надписями (碑石 *писок*) и скальные основания с выгравированными надписями (岩石 *амсок*). Необходимо при этом отметить, что часть знаков на памятниках не поддается расшифровке из-за сильного выветривания и эрозии горной породы.

в парке Таожаньтин (陶然亭公园) в Пекине. Это сооружение находилось на могильном кургане императорской наложницы, на нем была выгравирована поэтическая надпись в изящном литературном стиле. На фронтальной поверхности плиты были нанесены иероглифы 香冢 *сян чжун* (букв. «ароматный могильный курган»). Стела не сохранилась – следы ее после «культурной революции» затерялись. В Японии в храме Идзанаги-дзингу на острове Авадзи (преф. Хёго) есть две каменные стелы, установленные в 1995 г. в память о событии, с которого на Японском архипелаге началась история использования ароматической древесины. На одной из стел изображен стилизованный иероглиф 香 «аромат», а на другой нанесен текст с цитатой из 22-го свитка «Анналов Японии». На каменной плите вырезан фрагмент текста, где сообщается,

что с тех пор, как в 595 г. к берегам острова Авадзи прибило кусок ароматического дерева аквиларии длиной около одного метра, прошло ровно 1 400 лет. Считается, что это событие положило начало расцвету культуры благовоний в Японии [6, с. 30–31].

⁵ Почти все исследованные к настоящему времени памятники находятся на территории РК. Данными по результатам раскопок в КНДР авторы статьи не располагают.

⁶ Необходимо отметить, что данные по количеству памятников *мэхан*, обнаруженных на Корейском полуострове, значительно разнятся. Это связано с отсутствием единой классификации с определенным набором критериев, по которым каждый конкретный артефакт можно отнести к тому или иному типу.

4. Характеристика текстов

Тексты, вырезанные на поверхности памятников, содержат информацию о дате установки памятника, именах и регалиях покровителей и дарителей, упоминания о присутствующих при проведении ритуала. Некоторые тексты⁷ содержат информацию о количестве закопанных фрагментов древесины (10 связок – *табаль*) [11, с. 29].

На сегодняшний день наиболее древним памятником типа *埋香碑 мэханби* считается стела «Синан Пальгымдо», установленная в уезде Синан на острове Пальгымдо в 1002 г. в период правления вана Мокчона (998–1009) [11, с. 28]. Информация о ее установке подтверждается данными из «Истинных записей династии Чосон»⁸.

а)

б)

Рис. 1. а, б. Каменная стела Чонвон Мёнсокби 貞元銘石碑 (РК, уезд Ёнъям), объект материального культурного наследия пров. Чолла-Намдо № 181 (установлена в 786 г.). Не квалифицируется однозначно как памятник «захоронения аромата» *мэханби*

Fig. 1 a, b. Jeongwon Stone Monument. Republic of Korea, Jeollanam-do, Seogurim. 貞元銘石碑 (786). Cultural Property Material № 181 of South Jeolla province. The monument is not qualified unambiguously as a stone stele *maehyangbi*.

⁷ Например, на стеле Чонван Мёнсокби (*Jeongwon Stone Monument*, 貞元銘石碑).

⁸ «Чосон ванджо силлок» (*Annals of the Joseon Dynasty*, 朝鮮王朝實錄).

К настоящему моменту южнокорейскими исследователями выявлен ряд основных факторов проведения ритуала *мэхан*. Так, часть специалистов считает одной из целей отправления ритуала *мэхан* стремление оградить страну от набегов «японских пиратов» *вако*.⁹

Другие исследователи считают основной целью проведения ритуала *мэхан* т. н. «составление» ароматической древесины аквиларии 沉香 *чхимхян* и получение качественного сырья, источающего приятный аромат. Некоторые ученые рассматривают эти ритуалы как проявление деятельности сельских буддийских общин.

Анализ исследований, созданных в русле южнокорейской археологической и исторической науки за последние 20 лет, позволяет сделать вывод о том, что ритуал «захоронения аромата» проводился группами адептов буддизма. Ли Джунгон указывает, что на церемонии обязательно присутствовал руководитель (даритель, жертвователь), распорядитель ритуала, буддийские монахи, чиновники низших

рангов, а также представители простого населения деревни [5, с. 98]. Хён Гвансок уточняет, что во время ритуала все участники становились в одну линию. Предположительно, в ходе проведения церемонии между участниками устанавливались особые доверительные, родственные отношения, т. е. они условно становились «братьями» [11, с. 32–34]¹⁰. Возможно, речь идет о формировании общины внутри того или иного поселения, члены которой были связаны между собой религиозно-процессуальными практиками и культурами. Других сведений, которые позволили бы пролить свет непосредственно на содержание ритуала, на данный момент не обнаружено.

Что касается времени проведения ритуалов *мэхан* и установки каменных стел, то южнокорейские ученые указывают на то, что в первый и второй, пятый и шестой, одиннадцатый и двенадцатый месяцы ритуалов захоронения не проводилось, тогда как в восьмом месяце зафиксировано пять церемоний из пятнадцати известных, в третьем – три, в четвертом – две, в седьмом – одна, в десятом – одна [5, с. 95]. По-

⁹ Морские разбойники (倭寇 / 和寇 яп. *вако*;) действовали с XIII по XVI вв. у берегов Корейского полуострова и Южного Китая, промышляя разбоем, грабежами и незаконной торговлей. В Корее и Китае они были прозваны «японскими пиратами» (кор. *вакхо*, кит. *вокоу*), поскольку до первой половины XV в. среди них было много выходцев с Японских островов (воинов, оставшихся без хозяина, разорившихся землевладельцев, рыбаков), а их цитаделью были территории Внутреннего моря и северной части о. Кюсю. По-видимому, такие разрушительные набеги со стороны морских разбойников во многом ускорили падение государства Корё (936–1392). Со второй половины XVI в. большую часть этих разбойных формирований уже составляли китайцы (с участием португальцев, активно осваивавших южные моря). С установлением регулярной торговли в проливе Цусима с корейской династией Ли, а также с развитием торговли между Японией и китайской династией Мин эти разбойные формирования постепенно исчезли. В периоды ослаб-

ления контролируемой торговли деятельность пиратов снова возобновлялась, постепенно смещаясь на юг, в воды Южно-Китайского моря. (Примечательно, что в Минское время в Китае сформировалась поговорка 北□南倭 *бэйлу наньво* (букв. «северные варвары, южные разбойники»), что подразумевает две основные напасти, большое зло). С усилением китайского морского флота при династии Мин, а также благодаря объединению Японии под властью Тоётоми Хидэёси деятельность пиратов была пресечена законом и постепенно сошла на нет (Энциклопедия Кодзиэн / под ред. Симмура Идзуру [広辞苑。新村出編。東京：岩波書店]. Токио: Иванами сётэн, 1998. 2988 с. (на яп. яз.), с. 2869; Большой словарь японского языка (с иллюстрациями) / под ред. Умэсао Тадао, Киндаити Харухико, Сакакура Ацуёси, Хинохара Сигэаки [日本語大辞典・カラー版。梅棹忠夫、金田一春彦、坂倉篤義、日野原重明監修]. Токио: Коданся. 1995. 2302 с. (на яп. яз.), с. 2136).

¹⁰ Анализ текста с памятника Омгилли, уезд Ённам.

видимому, первый и второй месяцы – это время холодов и подготовки к сельскохозяйственному сезону; пятый и шестой – период полевых работ, жаркий сезон; одиннадцатый и двенадцатый месяцы тоже связаны с большими холодами.

Эти выводы заставляют предположить, что ритуалы «захоронения аромата» и воскурения ароматической древесины предпочитали проводить в восьмой месяц года (по традиционному лунному календарю – канун осени) отнюдь неслучайно: этот период был связан в Корее с богатейшей календарной обрядностью праздника Чхусок («Осенний вечер»), известного с древности как праздник урожая и поминовения усопших родственников. Многие из праздников середины осени, будучи общими для этносов всего восточно-азиатского региона, восходят к праздничной обрядности «кормления голодных духов»¹¹, связанной с буддийскими представлениями о «воссоединении живых и мертвых в ритуальном сообществе», с проводами душ умерших в загробный мир. Такие обряды предполагали семейную и общинную разновидности, а также разделение на несколько этапов – встречу душ умерших, их чествование и проводы. Этап чествования покойных предков зачастую сопровождался возжиганием благовонных курений, среди которых были стебли

проса и конопли, которые рассматривались как средство коммуникации живых с умершими предками¹², а в дальнейшем связывались в народных представлениях с благодарностью за обильный урожай и «осеннем прибытке» в виде еды и одежды [3, с. 78–146].

Ниже в таблице представлены названия пятнадцати типологизированных памятников *мэхянби*, обнаруженных к настоящему моменту на Корейском полуострове. На этой территории имеются также камни, напоминающие по внешнему виду стелы *мэхянби*, однако однозначно квалифицировать их как памятники данного типа достаточно трудно.

Во время экспедиции в Республику Корея 13–21.11.2015 г. авторам данной статьи в сопровождении корейских коллег из разных регионов Республики Корея удалось посетить пять памятников, указанных в данном списке – № 4 Омгилли *мэхянби*, № 5 Ёнгван Попсон Ибамни *мэхянби*, № 6 Сачхон Хынсари *Мэхянби*, № 7 Есан Хёгёри *Мэхянби*, № 13 Ёнъям Чхэджири *мэхянби*. Помимо этого, была осмотрена вышеупомянутая каменная стела Чонвон Мёнсокби (Чолла-Намдо, Ёнъям (Согурим), Кунсо-мён), типология которой до сих пор окончательно не определена.

Список 15 каменных стел 埋香碑 *мэхянби*, обнаруженных на юге Корейского полуострова (Цит. по: [5, с. 94]).

¹¹ Этот обычай мог быть связан как с неупокоенными душами «своих» родовых и «чужих» предков, так и с представлениями о демонах, носителях различных эпидемиологических заболеваний, распространенных в жаркое время года в субтропической зоне [3, с. 145].

¹² Происхождение знака 香 *сян* «аромат» связывается, прежде всего, с волнующим ароматом, исходящим от нагретого зрелого зерна проса, одного из первых злаков, возделывавшихся в Древнем Китае. В дальнейшем постоянно происходило расширение границ значения этого знака (так, начиная примерно с первых веков н. э. иероглиф 香 стал применяться и для обозна-

чения любых видов ароматических лекарств и веществ, а с III–IV вв. им обозначали «благовонные изделия, изготовленные из ароматического сырья»), но в любом случае его основное значение было связано с приятным запахом (Тузце шовэнь цзецзы (Хуашо ханьцзы) [画说汉字 (图解说文解字)]).

(东汉)许慎著, 吴苏仪编。一西安: 陕西师范大学出版社]. Иллюстрированный словарь происхождения китайских иероглифов. Сюй Шэнь (Восточная Хань), ред. У Суи. Сиань: Шэньси шифань дасюэ чубаньшэ, 2010. 509 с. (на кит. яз.), с. 389).

	Название	Транскрипция ¹³	Год установки стелы
1	新安郡八禽島 埋香碑	Sinan Palgeumdo maehyangbi, Sinan-gun	1002
2	高城三日浦埋香碑	Sachon maehyangbi, Sachon-si	1309
3	平北定州埋香碑	Pyeongbuk maehyangbi, Jeongju-si	1335
4	靈巖奄吉里巖刻埋香	Youngnam Eumgilli maehyangbi, Youngam-gun	1344
5	靈光法聖笠巖里埋香碑	Yeongwang Beobseong Ibam-ri mae- hyangbi, Ibam-ri	1371
6	慶尙南道泗川埋香碑	Gyongsang Namdo Sachon maehyangbi, Sachon-si	1387
7	禮山孝橋里埋香碑	Yesan Hyogori maehyangbi, Yesan-gun	1403
8	新安巖泰島松谷里埋香碑	Sinan Amtaedo Songgok-ri maehyangbi, Sinan-gun	1405
9	海南孟津里巖刻埋香碑	Haenam Maengjinri maehyangbi, Haenam- gun	1406
10	靈光法聖笠巖里埋香碑	Yeongwang Beobseong Ibam-ri mae- hyangbi, Yeongwang-gun	1410
11	三千浦埋香岩刻	Samcheonpo maehyangamgak	1418
12	巖泰島埋香碑	Amtaedo maehyangbi, Sinan-gun	1427
13	靈巖採芝里埋香碑	Yeongnam Chaeji-ri maehyangbi, Yeong- nam-gun	1430
14	長興德巖里巖刻埋香銘	Jangheung Deogamri Amgak mae- hyangmyeong, Jangheung-gun	1436
15	新安都草古蘭里埋香碑	Sinan-gun Docho-myeon Goran-ri mae- hyangbi, Sinan-gun	1457

Ниже приведена краткая информация по данным пяти памятникам.

**1. Памятник № 4 Омгилли мэханби¹⁴
靈巖奄吉里巖刻埋香碑 (영암 엄길리 매향비).**

Местоположение: провинция Чолла-Намдо, уезд Ёнъам, окраина деревни Омгилли. Надпись выполнена на гладкой поверхности скалы в горах на высоте около 1 000 м.

Размеры участка скалы с высеченной надписью: высота 125 см, ширина 80 см.

Памятник был обнаружен в 1984 г. в ходе археологических раскопок с участием профессора Национального университета г. Мокпхо Ли Хэджуна. 21 декабря 1988 г. он был включен в список культурного наследия Чолла-Намдо под № 119, 11 апреля 2001 г. – в список государственного наследия под № 1309.

Расположение высеченного на камне текста не очевидно – участок скалы с иероглифическими знаками зажат в узком проходе под нагромождением огромных валунов и не

¹³ Транскрипция приведена в соответствии с правилами Новой романизации корейского языка (2000).

¹⁴ У памятника есть еще и другие названия – Чхорам, или Свепау, или Кыльсин пау (диал. *пави* – «валун»).

виден при подходе к месту «захоронения аромата». Это обстоятельство позволило данному участку скалы относительно хорошо сохраниться от разрушительного воздействия ветра и воды. Благодаря этому удалось восстановить текст, нанесенный на скальную поверхность. Он состоит из 114 знаков, восемь из которых пока расшифровать не представляется возможным. Строк по вертикали – 19, по горизонтали – 17. Размер слогов неодинаковый, текст организован слева направо. На стенде возле скалы, установленном для посетителей, сообщается краткая информация о месте, цели, составе участников ритуала, указываются имена людей, составлявших памятные надписи.

Судя по этой информации, сообщается о большом количестве людей, собравшихся при проведении ритуала (букв. 千萬 – «десять миллионов»), что говорит не только о самом факте события, привлекавшего всеобщее внимание, но и о важности религиозно-культурных практик и активной деятельности сельской общины в данной местности¹⁵.

Несмотря на то, что на рубеже эпох Корё и Чосон отмечается снижение авторитета буддизма, в ритуалах возжигания благовоний все еще долго присутствуют культовые практики, в особенности, связанные с почитанием Будды Майтрея. В соответствии с этой тенденцией, текст надписи на скале Омгилли мэхянби содержит не только упоминание о том, что ри-

туал был произведен тринадцатого числа восьмого месяца в первый год правления вана Чунмока (1344), но и указание на то, что это соответствует 2349-му году со дня смерти Будды (рис. 2).

2. Стела № 5 Ёнгван Попсон Ибамни мэхянби 靈光法聖笠巖里埋香碑 (영광법성입암리매향비).

Местоположение: провинция Чолла-Намдо, уезд Ёнгван, деревня Ибамни.

Размеры: высота 120 см, ширина 40 см, камень трапециевидной формы, с широким нижним основанием и узкой верхней частью.

Согласно тексту, высеченному на камне, захоронение ароматической древесины в месте установки памятника было выполнено два раза. Первый – в 1371 г. (20-й год правления Конмин-вана (годы жизни 1330–1374, годы правления 1351–1374) и в 1410 г. (10-й год правления Тхэджон-вана (годы жизни 1367–1422, годы правления 1400–1418).

Настоящее место нахождения памятника не совпадает с местом обнаружения. Камень был найден на сельскохозяйственном поле той же провинции в ходе прокладки дренажной системы в 1985 г., а в 1987 г. был перевезен в то место, где он сейчас находится. По словам местных жителей, этот камень использовался долго в качестве причального столба для лодок и небольших судов.

¹⁵ Предположение о том, что проведение ритуала захоронения благовонной древесины связано с деятельностью деревенских общин, поддерживается не всеми корейскими учеными. Так, против этой теории выступает авторитетный этнолог Ли Джунгон, профессор

Национального приморского университета г. Мокпхо (Lee Jungon, Mokpo Maritime National University) (подробнее см. [4, с. 1–13].

Рис. 2. Памятник Омгилли *мэхянби* 靈巖奄吉里巖刻埋香碑 (ПК, дер. Омгилли, уезд Ёнъям), объект материального культурного наследия пров. Чолла-Намдо № 119, объект материального культурного наследия РК № 1309 (создан в 1344 г.)

Fig. 2. Youngnam Eumgilli rock engraving *maehyang* monument. Joeollanam-do, Youngam-gun. 靈巖奄吉里巖刻埋香碑 (1344). Cultural Property Material № 119 of South Joeolla province. Cultural Property Material № 1309 of Republic of Korea.

Текст нанесен на переднюю и левую боковую поверхности каменной стелы. На одной из них указана дата установки – четвертый месяц четвертого года эры Хун-у (1368–1398), т. е. 1371 г., а также содержится информация о дарителе ароматической древесины, и о том, что она захоронена «в 200 шагах к востоку» от места установки стелы. На другой стороне стелы указана дата – десятый месяц восьмого года эры Юн-лэ (1403–1424), т. е. 1410 г., а также содержится информация о местонахождении закопанной древесины – на расстоянии

«200 шагов на юг» от места установки камня. На задней поверхности выгравирована надпись «1972.2 *сэмабль*» (букв. «Новая древесня»), что указывает на факт переустановки стелы во время «движения за Новую древесню» (*Сэмабль ундон*).¹⁶

Памятник занесен в список культурного наследия провинции Чолла-Намдо 20 сентября 2004 г. под № 224. Он установлен рядом с мемориальными стелами в честь основания деревни Ибамни (рис. 3).

¹⁶ Движение за Новую древесню *Сэмабль ундон*, начавшееся в 1970 г., было частью экономической программы президента Пак Чонхи (1917–1979), призванной покончить с бедностью в сельской местности. Движение *Сэмабль ундон* вошло в историю как начало корейского

экономического рывка и модернизации (В реестре ЮНЕСКО еще два корейских исторических документа. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/program/program_trendkorea_detail.htm?No=113287 (дата обращения 14.07.2016)).

Рис. 3. Стела Ёнгван Попсон Ибамни *мэхянби* 靈光法聖笠巖里埋香碑 (РК, дер. Ибамни, уезд Ёнгван), объект материального культурного наследия пров. Чолла-Намдо № 224 (установлена в 1371 г.)

Fig. 3. Yeongwang Beobseong Ibam-ri *maehyangbi*, Republic of Korea, Joeollanam-do, Ibam-ri. 靈光法聖笠巖里埋香碑 (1371). Cultural Property Material № 224 of South Joeolla prov.

3. Стела № 6 Сачхон Хынсари **Мэхянби 慶尙南道泗川市昆陽面興士里** **(사천 흥사리 매향비).**

Местоположение: провинция Кёнсан-Намдо, г. Сачхон, деревня Хынсари.

Размеры: длина 160 см, ширина 120 см, форма стелы прямоугольная.

Стела в виде массивного камня установлена на тринадцатом году правления У-вана (1387 г.), в конце периода Корё. Текст, высеченный на камне, включает пятнадцать строк с 204 иероглифами. Сообщается о том, что в ритуале участвовали 4 100 человек, включая монахов¹⁷. Люди молились о долголетию и

¹⁷ По другой трактовке, «1 000 человек» (千人). В любом случае, вряд ли имеется в виду точное число присутствующих – скорее всего, речь идет о большом количестве людей, участвующих в церемонии.

процветании государя, народном благоденствии и счастье.

Надпись составлена монахом Тальгоном (達空), записана неким Суаном (手安), высечена Ким Ёном (金用). Сообщается, что Тэхваджу (大化主) и Каксон (覺禪) возложили на себя ответственность за сохранность текста. К особенностям надписи можно отнести неодинаковый размер знаков, отсутствие межстрочных промежутков и стройных линий по горизонтали и вертикали, в связи с чем текст в целом выглядит неряшливо.

Несмотря на это, эпиграфический памятник Сачхон Хынсари Мэхянби является ценным источником не только по изучению жизни деревенской общины, ритуально-куль-

тового поведения населения средневековой Кореи, но и важным свидетельством развития письменной культуры данного региона.

В июне 1977 г. возле каменного монумента был воздвигнут живописный павильон в традиционном стиле корейской архитектуры. В 1978 г. под № 614 стела занесена в реестр памятников культурного наследия Республики Корея. На информационном стенде, установленном близ павильона со стелой, упомянут еще один аналогичный памятник Чхимхян сокгак (沉香石刻), якобы воздвигнутый в г. Чонджу, в провинции Пёнъан-пукто (КНДР) в 1335 г. При этом сообщается, что в настоящее время о нем ничего неизвестно. Этот факт придает особую значимость сохранившейся стеле (рис. 4 а, б).

а)

б)

Рис. 4 а, б. Стела Сачхон Хынсари *мэхянби* 慶尙南道泗川市昆陽面興士里 (ПК, дер. Хынсари, г. Сачхон, пров. Кёнсан-Намдо), объект материального культурного наследия ПК № 614 (установлена в 1387 г.)

Fig. 4 a, b. Gyongsang Namdo Sachon *maehyangbi*, Gyongsangnam-do, Sachon-si.

慶尙南道泗川市昆陽面興士里 (1387). Cultural Property Material № 614 of Republic of Korea.

4. Стела № 7 Есан Хёгёри Мэхянби (Матвебави) 禮山孝橋里埋香碑 (예산 효교리 매향비).

Местоположение: провинция Чхунчхон-Намдо, г. Есан, окраина деревни Хёгёри.

Размеры: по горизонтали 173 см, по вертикали 185 см, толщина 44 см.

На поверхности камня высечены иероглифы, которые трудно поддаются расшифровке вследствие длительного разрушения горной породы такими природными факторами, как вода, ветер и резкое колебание температур. Однако смысл надписи сводится к упоминанию о том, что памятный камень был установлен в год Кеми (1403?) людьми из Исана (伊山) и Токпхуна (德豊) в деревне Ёньори (龍吾里) на месте захоронения фрагмента ароматической древесины.

На поверхности памятника имеются три углубления различной формы – одно круглое и два прямоугольных. По словам местных жителей, в этих углублениях, как в ритуальных чашах, регулярно появлялась пища и вода, что, вероятно, сопровождалось жертвенным церемониалом, а в народных представлениях связывалось с благоволением высших сил.

На стенде рядом с камнем указано, что памятная стела была установлена в месте погребения ароматической древесины с целью приумножения благоденствия (участников ритуала?) в будущей жизни. При этом сообщается конкретная методика: первоначально кусок древесины погружался в воды реки или моря, а затем захоранивался. Вероятно, имелся в виду такой известный природный

фактор, как длительное гниение древесины аквиларии в условиях теплого и влажного климата, когда под воздействием бактерий из-под земли начинал выходить густой и терпкий аромат.

Стела Матвебави занесена 30 июня 2001 г. в реестр памятников культурного наследия провинции Чхунчхон-Намдо под № 155 (рис. 5).

Рис. 5. Стела Есан Хёгёри *мэхянби*, или Матвебави 禮山孝橋里埋香碑 (ПК, дер. Хёгёри, г. Есан), объект материального культурного наследия пров. Чхунчхон-Намдо № 155 (установлена в 1403 г.)

Fig. 5. Yesan Hyogori *maehyangbi*, Republic of Korea, Chungcheongnam-do, Yesan-gun.
禮山孝橋里埋香碑 (1403). Cultural Property Material № 155 of South Chungcheong province.

5. Стела № 13 Ёньям Чхэджири

мэхянби 靈岩採芝里埋香碑

(영암채지리매향비)

Местоположение: провинция Чолла-Намдо, уезд Ёньям (окрестности г. Мокпхо), деревня Чхэджири.

Размеры: высота 106 см, ширина в верхней части 64 см, толщина у основания 48 см, толщина вверху 18 см.

Мемориальный камень был обнаружен неким Чхве Гымсопом, жителем деревни Курим в уезде Ёньям в 1992 г. В том же году 30 ноября под № 189 объект был занесен в реестр материального культурного наследия.

Примечательно, что согласно тексту, нанесенному на поверхность камня, ритуал захоронения ароматической древесины был совершен на пятом году правления королевы Сондок (?–647) в 636 г., тогда как сама стела в честь этого события была установлена спустя 800 лет – лишь в 1430 г., в девятнадцатый день двенадцатого месяца 1430 г., что соответствует двенадцатому году правления вана Седжона (1397–1450). Такой внушительный временной разрыв дает основания предполагать наличие письменных памятников, где могла быть зафиксирована эта информация.

Иероглифический текст высечен только на фасаде стелы и содержит 34 знака, расположенных в четыре строки. Там указаны год, месяц и число установки мемориального камня, имя дарителя ароматического дерева *чхимхян* и название места нахождения монумента. Поверхность каменной стелы вся покрыта патиной белого цвета и рыжим мхом, что существенно затрудняет реконструкцию текста.

На информационном стенде рядом с каменной стелой сообщается, что монумент был установлен в месте захоронения фрагмента ароматической древесины – вместе с пожеланиями возродиться в мире Будды Грядущего (Майтреи). Здесь же поясняется, что захороненная в земле древесина, по представлениям

буддистов, вместе с чудесным ароматом, выходящим из-под земли, могла возвестить миру о наступлении нового справедливого мира спокойствия и благоденствия. Вместе с пояснениями, что на рубеже двух периодов (Корея и Чосон) были чрезвычайно популярны идеи, согласно которым религиозные ритуалы с захоронением древесины агарового дерева *чхимхян* должны освободить людей от болезней и горестей мира настоящего, даются комментарии о том, что данные церемонии были призваны также успокоить и тех, кто страдал от набегов морских разбойников – «японских пиратов» *вако*: (рис. 6).

Рис. 6. Стела Ённам Чхэджири *мэхянби* 靈岩採芝里埋香碑 (ПК, дер. Чхэджири, уезд Ённам), объект материального культурного наследия пров. Чолла-Намдо № 189 (установлена в 1430 г.) (Материалы работы авторов в Республике Корея в ноябре 2015 г.)

Fig. 6. Yeongnam Chaeji-ri *maehyangbi*, Republic of Korea, Jeollanam-do, Yeongnam-gun. 靈岩採芝里埋香碑 (1430). Cultural Property Material № 189 of South Jeolla province. (Materials of field work of authors in the Republic of Korea in November, 2015)

Как показывает этот краткий обзор, большинство южнокорейских ученых связывает совершение ритуала *мэхян* с буддизмом, в частности с культом Будды Майтреи. Согласно этой теории, основной целью закапывания древесины в землю можно считать стремление адептов буддизма ускорить приход на землю Будды Майтреи и, как следствие, приблизить наступление эпохи всеобщей любви и благоденствия. Адепты учения верили, что дым от воскурения благовоний, поднимающийся вверх, мог быть замечен Буддой Грядущего, обитающего, согласно легенде, в Небесном Саду (санск. *тушита*).

Особого внимания заслуживает вопрос о времени появления и исчезновения ритуала *мэхян*. На данный момент на территории южной части Корейского полуострова пока не обнаружены каменные стелы *мэхянби*, относящиеся к позднему Средневековью. Археологические находки и письменные данные подтверждают активное проведение ритуала *мэхян* в эпоху Корё (918–1392), что, вероятнее всего, было связано с особым положением буддизма в этот период.

Эпоха Корё вошла в историю как период наивысшего расцвета буддизма в Корее. В X–XIV вв. буддизм сохранял свое положение в качестве государственной религии, развиваясь в условиях сотрудничества с аристократической верхушкой общества.

Буддийское духовенство в этот период стало одним из крупнейших землевладельцев страны и оказывало мощное влияние как на духовную сферу жизни корейского народа, так и на политическую, пытаясь добиться покровительства со стороны государства. При активной поддержке властей в его распоряжении были сосредоточены многочисленные монастыри и храмы, земельные угодья. Государ-

ство и частные лица тратили огромные средства на строительство молелен и буддийских святынь [8, с. 70].

Действительно, в «Истории Корё» приведены «Десять основных заповедей» (訓要十條, Хунъё сипчо), составленных основателем государства Ван Гоном (годы жизни 877–943, годы правления 918–943): «Наше государство образовалось благодаря покровительству множества бодхисаттв. Поэтому надо построить чаньский храм и школу для изучения буддийских текстов, монахи будут отправлены в храмы воскурять фимиам и управлять ими» (Цит. по: [12, р. 76]).

Укрепляясь в государственно-чиновной среде, буддизм в X–XI вв. при этом активно проникал в народные массы. Под руководством буддийских деятелей возникало большое количество сект различного толка [8, с. 71]. В связи с этим можно предположить, что формирование ритуала *мэхян* и связанной с ним обрядности в различных районах Корейского полуострова логично вписывалось в концепцию пропаганды буддизма и буддийских культовых практик в средневековой Корее. Укреплению этого ритуала в широких народных массах, вероятно, способствовала празднично-календарная стихия, во многом основанная на традиционных буддийско-даосских культах и представлениях.

С установлением эпохи Чосон в 1392 г. в связи с необходимостью создания сильного централизованного государства ведущей интеллектуальной силой общества становится конфуцианство чжусианского толка, а буддизм утрачивает свое влияние [8, с. 91]. Это соображение отчасти объясняет факт отсутствия стел

мэхянби на территории Корейского полуострова со второй половины XVI в.¹⁸

Таким образом, очевидно, что ритуальная деятельность, связанная с культурой благовоний, в Восточной Азии имеет очень древние истоки, что подтверждается данными письменных и эпиграфических источников, а также археологическими находками. Возжигание ароматического сырья являлось необходимым элементом религиозно-сакральной обрядности и бытовой сферы, что привело в регионе к формированию специфических вариантов культуры благовоний.

Яркую особенность национального варианта корейской культуры благовоний составляют ритуалы «захоронения ароматов» *埋香 мэхян* и каменные стелы *埋香碑 мэхянби*, связанные, прежде всего, с церемониальной и обрядовой деятельностью сторонников буддизма (главным образом, адептов культа Будды Майтреи), расцвет которого пришелся на период Корё (918–1392).

Полная реконструкция когнитивной схемы этого культурного феномена в настоящее время затруднена ввиду большого количества вопросов и сомнений, однако на основании изученных материалов можно предположить, что это явление в средневековой Корее в самом общем виде объединяло два процесса –

сам ритуал захоронения ароматической древесины (возможно, сопровождавшийся ее воскурением) и последующую торжественную установку памятной стелы в честь этого события. Обе части этого явления могли отстоять друг от друга на весьма длительный промежуток времени (от нескольких месяцев до сотен лет, вплоть до 800)¹⁹.

Предположительно сам ритуал *мэхян* включал следующие этапы:

– определение старейшинами места захоронения древесины (как правило, вблизи рек и водоемов);

– подготовка древесины к захоронению путем ее смачивания в водах реки – видимо, с целью ускорения процессов гниения для «состаривания»;

– в присутствии большого скопления людей представление общине дарителя (жертвователя) древесины и ответственных за проведение ритуала;

– закапывание куска ароматического дерева в землю, сопровождавшееся молитвенными действиями в честь бодхисаттв и Будды Майтреи.

Что касается процесса установки стелы, то, вероятно, это тоже происходило в несколько этапов:

¹⁸ По теории В. У. Тернера, ритуал и «церемониальные институты восстановления» обязательно присутствуют там, где есть «социальная драма», конфликт разнонаправленных сил. Ритуал при этом содействует расширению границ культуры в адаптации к инновациям, а также защищает ядро культуры, утверждая традиционные ценности и нравственное единство [1, с. 27–28]. Во время тяжелых испытаний для корейского народа (нашествия лясцев в 1010–1011 гг. и 1018–1019 гг., пхеньянские события 1135–1136 гг., мятежи и восстания в ряде провинций и на о-ве Чеджудо в 1160–1170 гг., монгольские завоевания (1227 – вторая половина XIV в.), кризисный ритуал *мэхян* мог выступать в качестве одного из инструментов поддержания

общих норм и ценностей нации (подробнее см. [7; 10]). По этой теории, с установлением эпохи Чосон (1392–1910) и постепенным разрешением ряда «социальных драм» ритуал *мэхян* исчезает.

¹⁹ Весьма показательным в этом смысле является уже упоминавшийся факт о том, что памятная стела аромату аквиларии была установлена на территории святилища Идзанаги дзингу: в Японии в 1995 г. – спустя 1400 лет после того, как кусок древесины в 595 г. прибило к берегам острова Авадзи, что ознаменовало собой становление традиции воскурения ароматического сырья и формирования культуры благовоний.

– выбор старейшинами места установки камня (вблизи рек и водоемов);

– представление общине составителя текста, резчика, изготовителя стелы, монахов, проводящих церемонию;

– религиозно-магические действия, направленные на обеспечение покровительства правителей и буддийских божеств.

При этом остается неясным, где находили камни, откуда их привозили, каким образом доставляли – насчет этого достоверные эпиграфические сведения отсутствуют. Вероятно, более эффективным может оказаться использование данных из письменных источников, включая династийные хроники, информационные записки и этнографические зарисовки в жанрах 稗說 *пхэсол* (букв. «пустяковые речения») и 隨筆 *сунхиль* (букв. «вслед за кистью»), храмовые истории, привлечение которых сможет закрыть лакуны в изучении различных аспектов такого примечательного феномена традиционной культуры Кореи, как ритуал *мэхян*.

Отсутствие в Китае и Японии убедительных следов ритуала «захоронения аромата» (埋香) демонстрирует специфику устойчивого развития корейской традиции в условиях полноформатного влияния китайской континентальной культуры, тогда как наличие в культуре благовоний Китая, Кореи и Японии соответствующего явления в более узком значе-

нии этого термина (как метода «слушания аромата» (聞香) путем поджигания ароматического порошка в сосуде с последующим его закапыванием в пепел) в очередной раз свидетельствует об общности многих культурно-исторических процессов, происходящих в этом обширном регионе.

Авторы выражают большую благодарность южнокорейским коллегам-археологам – аспиранту Ким Ынсоку (*Kim Eunseok*), проф. Чон Сокпэ (*Jeong Seokbae*) и проф. Киму Гёнхэку (*Kim Gyeongtaek*) из Национального университета культурного наследия в г. Пуё, проф. Киму Чунбэ (*Kim Chungbae*) из Музея земли и жилищного строительства в г. Чинджу, а также проф. Ли Хонджону (*Lee Heonjong*) и ассистенту Ли Сынхёну (*Lee Seunhyeon*) из Национального университета Mokpo за организацию полевых исследований в ноябре 2015 г. и помощь в подготовке данной публикации.

The authors express their deep gratitude to the South Korean colleagues archaeologists - graduate student Kim Eunseok, prof. Jeong Seokbae and prof. Kim Gyeongtaek from Buyeo (Korea National University of Cultural Heritage), prof. Kim Chungbae from Jinju (Land and Housing Museum), prof. Lee Heonjong and assistant Lee Seunhyeon from Mokpo (Mokpo National University) for the organization of field research in November 2015 and assistance in preparing this publication.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бейлис В. А. [вступ. ст.] // Тэрнер У. В. Символ и ритуал. – М.: Наука, 1983. – 277 с.
2. Войтишек Е. Э., Шмакова А. С. Ритуал «захоронения благовоний» в традиционной культуре Восточной Азии: от литературы до эпиграфики // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15, № 4: Востоковедение. – С. 101–110.
3. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл / отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков. – М.: Наука, 1989. – 360 с.

4. **Ли Джунгон.** Ёнъям омгилли амгак мэхянби-ый пимун пхандок-ква хэсок [李準坤. 靈巖庵吉里巖刻埋香碑의 碑文判讀과 解釋]. Анализ надписи на стеле Омгилли мэхянби в уезде Ёнъям // Сборник исследований Национального университета Mokpхо. – 2001. – Вып. 9, № 2. – С. 1–13. (на кор. яз.)
5. **Ли Джунгон.** Чосон мэхянби-ый нээн пунсок [李準坤. 韓國 埋香碑의 內容 分析]. Анализ надписей на стелах мэхянби в Корее. – Mokpхо, Изд-во Национального университета Mokpхо, 2005. – С. 93–101. (на кор. яз.)
6. **Ота Киёси.** Ароматы и чайная церемония [太田清史. 香と茶の湯. 京都：淡交社]. Киото: Танко:ся, 2001. – 190 с. (на яп. яз.)
7. **Тихонов В. М., Кан Мангиль.** История Кореи: в 2 т. Т. 1. С древнейших времен до 1876 года. – М.: Наталис, 2011. – 533 с.
8. **Толстокулаков И. А.** Очерк истории корейской культуры. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2002. – 233 с.
9. **Фу Цзинлянь.** Китайская культура благовоний [傅京亮. 中国香文化. 济南：齐鲁书社]. – Цзинань: Цилу шушэ, 2011. – 316 с. (на кит. яз.)
10. **Хан Ёнъю.** История Кореи. Новый взгляд. – М.: Вост. лит., 2010. – 758 с.
11. **Хён Гвансок.** Ёнъям-ый мэхянби-ва чүё пхогу-рыль тхонхэ пон кодэ-ый сандэпхо-э гванхан ёнгу [형광석. 영암의 매향비와 주요 포구를 통해서 본 고대의 상대포에 관한 연구]. Стелы мэхянби в уезде Ёнъям и история древнего порта Сандэпхо через призму истории основных гаваней // Исследования по экономике Северо-Восточной Азии. – 2010. – Вып. 22, №3. – С. 25–41. (на кор. яз.)
12. **Kang Jae-eun.** Two Thousand Years of Korean Confucianism. – New Jersey, Paramus: Homa & Sekey books, 2006. – 516 p.
13. **Voytishек E., Shmakova A.** Epigraphic memorial stele 埋香碑 mehyangbi (“Incense Burial”) as an Archaeological and Cultural Heritage of Medieval Korea (Compared to Chinese and Japanese Traditions) // The 21st Suyanggae and Her Neighbours International Simposium Laramie. – Laramie: University of Wyoming, USA, 2016. – P. 229–235.

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.03](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.03)

Anna Sergeevna Shmakova, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Oriental Studies, Institute of Humanity, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-4397-410X>

E-mail: shmakovaa@yahoo.com

Bae Kidong, PhD, professor of the Department of anthropology, Hanyang University, Ansan, Republic of Korea.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-7202-5395>

E-mail: bkd5374@gmail.com

Elena Edmundovna Voytishek, Doctor of Historical Sciences, PhD, Professor, Head of Department of Oriental Studies, Institute of Humanity, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-8054-6369>

E-mail: elenavoyt@academ.org

INCENSE BURIAL RITUAL 埋香 MAEHYANG IN THE SOUTHERN PART OF THE KOREAN PENINSULA: PROBLEMS OF RECONSTRUCTION

Abstract

*Among various types of rituals that emerged in the mainstream culture of East Asia, the “incense burial” ritual 埋香 (Chin. maixiang, Kor. maehyang) holds a prominent place. It is connected with agar wood (*Aquilaria agallocha* Roxb.), which has long been well known in Eastern countries. Originating from South China in ancient times as a funeral ceremony when a dead body was surrounded by aromatic timber chips, the “incense burial” ritual failed to develop in China. Since the 7th century in Chinese literary tradition, the term “incense burial” was mentioned as “to bury a beauty”, or “to bury a beautiful young woman”.*

As said above, the tradition of “incense burial” hasn’t been well developed in China or on Japanese islands, but it was broadly spread on the Korean Peninsula, especially from the 8th to the 14th centuries; the period considered as the medieval times of Korean history.

The article declares that the “incense burial” ritual involves two stages: the ritual burial of aromatic wood in the ground with the aim of “wearing out” and possibly accompanied by kindling, as well as the installation of a stone stele 埋香碑 maehyangbi in honor of this event. Both stages could be separated in time by tens and hundreds of years.

The authors of the article define the typology of the maehyangbi steles found so far in the south of the Korean Peninsula, which reveal their value as important historical, archaeological and epigraphic monuments, consider a close relationship between the maehyang ritual and Buddhism (in particular, with the cult of the Buddha Maitreya), and designate a similarity of cultural and historical processes in the culture of Eastern Asia.

Keywords

Incense burial, agarwood, maehyang ritual, stone steles maehyangbi, East Asia, Korean Peninsula, buddhism.

REFERENCES

1. Beylis V. A. [Introd.]. Terner U. V. *Symbol and ritual*. Moscow, Nauka Publ., 1983, 277 p. (In Russian)
2. Voytishkek E. E., Shmakova A. S. “Incense burial” ritual in the traditional culture of East Asia: from literature to inscriptions. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 2016, vol. 15, iss. 4: Oriental Studies, pp. 101–110. (In Russian)
3. *Calendar customs and ceremonies of the people of East Asia. Annual cycle*. Ed. R. Sh. Zharilgasinova, M. V. Kryukov. Moscow, Nauka Publ., 1989, 360 p. (In Russian)
4. Lee Jungon. The Interpretation of the Buried Perfume Inscription on the Rock at Eum-gil Village (奄吉里), Young-am Country (靈巖郡), Korea. *Bulletin of Mokpho National University*. 2001, vol. 9, no. 2, pp. 1–13. (in Korean)
5. Lee Jungon. The Analysis of the Contents of “Buried Perfume Tombstone” discovered in Korea. Mokpho, Mokpho National Marytime University Publ., 2005, pp. 93–101. (In Korean)
6. Ota Kiyoshi. *Incense and tea ceremony*. Kyoto, Tankōsha Publ., 2001, 190 p. (In Japanese)
7. Tikhonov V. M., Kan Mangil. A history of Korea: in 2 t. T. 1. From ancient times to 1876. Moscow, Natalis Publ., 2011, 533 p. (In Russian)
8. Tolstokulakov I. A. *Issue of history of the Korean culture*. Vladivostok, Far East University Publ., 2002, 233 p. (In Russian)
9. Fu Jingliang. *Chinese culture of incense*. Jinan, Qilu shushe Publ., 2011, 316 p. (In Chinese).
10. Han Yeongwu. The History of Korea. New look. Moscow, East Lit. Publ., 2010, 758 p. (In Russian)
11. Hyung Kwang-Seok. A Study on Sandai Port Through MaiHyangbi Gravestones and Ports of Yeongnam. *The Journal of Northeast Asian Economic Studies*. 2010, vol. 22, iss. 3, pp. 25–41. (In Korean)
12. Kang Jae-eun. *Two Thousand Years of Korean Confucianism*. New Jersey, Paramus, Homa & Sekey books Publ., 2006, 516 p.
13. Voytishkek E., Shmakova A. Epigraphic memorial stele 埋香碑 mehyangbi (“Incense Burial”) as an Archaeological and Cultural Heritage of Medieval Korea (Compared to Chinese and Japanese Traditions). *The 21st Suyanggae and Her Neighbours International Simposium*. Laramie, University of Wyoming, USA, 2016, pp. 229–235.

© А. А. Речкалова, Е. Э. Войтишек

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.04](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.04)

УДК 929.62

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯПОНСКОЙ ГЕРАЛЬДИКИ В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

А. А. Речкалова, Е. Э. Войтишек (Новосибирск, Россия)

В статье представлен обзор основных направлений исследования японской геральдики в Западной историографии. Несмотря на то, что знакомство европейцев с японскими гербами состоялось сравнительно поздно, в конце XVI в., европейские и американские ученые внесли большой вклад в изучение данного феномена.

Процесс изучения японской геральдики на Западе имеет свою специфику, выявление которой и является основной целью данной статьи. Поскольку на протяжении долгого времени ка-мон не воспринимались на Западе в качестве гербов или иных видов геральдических символов и не определялись при помощи этих терминов. Вероятно, причина состояла в различии структуры и облика гербов в Европе и Японии. Когда европейцам удалось установить, что в мире существуют и другие геральдические традиции, помимо европейской, они попытались объяснить новое явление с помощью привычных им терминов и определений. Этот метод исследования нельзя назвать успешным, поскольку японская геральдика включает в себя множество аспектов, которые невозможно объяснить при помощи терминологии европейского культурного ареала. В конце XX в. многие западные исследователи поставили под сомнение рациональность использования европейских терминологии и методологии применительно к японской геральдике. Проблема эффективности методологической базы европейской историографии истории японской геральдики вызывает активные дискуссии вплоть до настоящего времени. В контексте того, что ни в Китае, ни в Корее в настоящее время не обнаружено следов существования геральдики, проблема допустимости сравнительного анализа японской геральдической системы в рамках европейской традиции весьма актуальна не только для западной, но и для мировой историографии в целом.

Ключевые слова: историография, японская геральдика, компаративистский подход, герб, ка-мон.

* Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045)

Речкалова Анастасия Александровна – аспирант отделения востоковедения Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет.

E-mail: rechkalova.nasutya@gmail.com

Войтишек Елена Эдмундовна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой и отделением востоковедения Гуманитарного института, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований, Новосибирский государственный университет.

E-mail: elenavoyt@academ.org

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Хонда Соитиро.** Нихон-но-ка-мон тайдзэн [日本の家紋大全]. Полное собрание японских семейных гербов. – Токио: Гото Сёин, 2004. – 366 с. (на яп. яз.)
2. **Кня Сусуму.** Ка-мон ню:мон [家紋入門]. Введение в японскую геральдику. – Токио: Нихон бунгэйся, 1974. – 278 с. (на яп. яз.)
3. **Мори Мамору.** Ё:роппа-но-монсё: нихон-но-монсё: [ヨーロッパの紋章・日本の紋章]. Европейская геральдика и японская геральдика. – Токио: Кавадэ сёбо синся, 1996. – 177 с. (на яп. яз.)
4. **Кусудо Ёсиаки.** Тисики дзэро кара-но «Нихон-но ка-мон» иримон [知識ゼロからの[日本の家紋]入門]. Введение в японскую геральдику: знания с нуля». – Токио: Гэнтося, 2006. – 230 с. (на яп. яз.)
5. **Нихон монсё:** дайdzукал [日本紋章大図鑑]. Иллюстрированное руководство по японской геральдике. – Токио: Синдзинбуцу орайся, 1978. – 112 с. (на яп. яз.)
6. **Чистякова Э. Э.** Влияние восточной эстетики на европейскую художественную культуру XVIII—XX вв. // Четвертые востоковедные чтения памяти О. О. Розенберга. Доклады, статьи, публикации документов. – СПб.: Институт Восточных рукописей РАН, 2011. – С. 143–153.
7. **Нумата Райсукэ.** Нихон монсё:гаку [日本紋章学]. Японская геральдика. – Токио: Дзинбуцу орайся, 1968. – 1385 с. (на яп. яз.)
8. **Тикано Сигэру.** Нихон ка-мон со:кан [日本家紋総鑑]. Сборник японских семейных гербов. – Токио: Кадокава сётэн, 1993. – 1357 с. (на яп. яз.)
9. **Такасава Хитоси.** Ка-мон-но-кигэн то рэкиси о тадору [家紋の起源と歴史を辿る]. Изучение истоков и истории семейных гербов // Исторические личности. – 2013. – № 3. – С. 36–43. (на яп. яз.)
10. **Моримото Кэйити.** Ка-мон-о сагуру – асобикокоро то ва-но дэзаин [家紋を探る—遊び心と和のデザイン]. Исследование японского герба: развлечение и японский дизайн. – Токио: Хэйбонся, 2009. – 224 с. (на яп. яз.)
11. **Санги-Мадзини Джованни.** Геральдика. История, терминология, символы и значения гербов и эмблем. – М.: Аст, Астрель, 2007. – 594 с.
12. **Volborth Carl Alexander Von.** Heraldry of the World. – London, Blandford Press, 1973. – 250 p.
13. **McBride A., Turnbull S.** Samurai Heraldry. – New York: Osprey Publishing, 2002. – 64 p.
14. **Woodcock T., Robinson J.** Oxford Guide to Heraldry. – Oxford, Oxford University Press, 1988. – 288 p.
15. **Пастуро М.** Геральдика. – М.: Астрель, 2003. – 144 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.04](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.04)

Anastasia Aleksandrovna Rechkalova, PhD student, Department of Oriental Studies, Institute of Humanity, Novosibirsk State University.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-2049-1938>

E-mail: rechkalova.nasutya@gmail.com

Elena Edmundovna Voytishek, Doctor of Historical Sciences, PhD, Professor, Head of Department of Oriental Studies, Institute of Humanity, Novosibirsk State University.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-8054-6369>

E-mail: elenavoyt@academ.org

TRENDS OF JAPANESE HERALDRY STUDIES WITHIN WESTERN HISTORIOGRAPHY*

Abstract

Study of Japanese heraldry in Western historiography started relatively late, but can be highly appreciated as rich materials of the Medieval history of Japan. Development of Western heraldic historiography can be divided into the following stages:

1. The end of XIX cent. – 80 years XX cent. The trend of comparative study prevailed in the field of Japanese research of heraldry. Western historians applied terms, definitions and concepts accepted in European heraldry to the Japanese coat-of-arms. This method was not successful as Japanese heraldry was found to include many aspects which were not presented as part of the European culture.

2. 80 years XX cent. – present day. The comparative method of research has been widely used within heraldic science for a long time, but towards the end of the 20th century some European specialists argued that it had been unproductive to compare the systems, which initially never had the same origins or sources. Other researchers admitted, that it is possible to compare separate heraldic systems such as European and Japanese, similarly to how linguistics allow for comparison of languages from different language families. Currently, the European heraldic science shares two different approaches. On the one hand those who insists that it is absolutely necessary to study Japanese heraldry as original tradition use Japanese terms. On the other hand their opponents, insist on comparative style and deem usage of European terms internationally to be correct.

The problem of efficiency within the methodological framework of the European historiography of the history of Japanese heraldry still attracts active discussions to date. Within context of the fact that other countries such as China and Korea currently show no traces of the existence of heraldry, the issue of admissibility of the comparative analysis of the two heraldic systems is highly relevant - and not only for Europe but for the world as a whole.

Keywords

Historiography, Japanese heraldry, comparative study, coat-of-arms, kamon.

* Supported by the Russian Science Foundation, project No14-28-00045

Europeans first got to know about Japanese heraldry in the late XVI century due to diplomatic contacts between Portuguese, Spanish and Italian missionaries and Japanese feudal lords. The most authoritative hypothesis in European, as well as in Japanese historiography, owes the discovery of Japanese heraldry to Italian Jesuit Alessandro Valignano (1539–1606) whose diplomatic activity was conducive to being informal correspondence between Chancellor of the Realm (*daijō-daijin*) Toyotomi Hideyoshi (1536/1537–1598) and Governor of Portuguese India Dom Duarte de Meneses (1537–1588) accompanied by arms and official seal, according to European norms of that time. Among the arms in the letter, there is the emblem “5-3 Paulownia” (*go san*

kiri)¹, the official arm (*jōmon*) of Toyotomi Hideyoshi, which is supposed to have been used on padre Valignano’s recommendation. In European historiography there is no evidence of the latter assumption, but padre Valignano actively used Japanese emblems *kamon* in his correspondence with Toyotomi Hideyoshi by the same way as European heraldry. His letters, as was found contained coat-of-arms of Rome and the emblem of Paulownia, serving as the Japanese official emblem. Thus usage of the Japanese emblem “go san kiri” in keeping with rules of European heraldry demonstrates that Europeans became aware of the existence of Japanese heraldry [3, pp. 163–164; 4, pp. 57–58, 113; 5, pp. 25, 49].

Fig. 1. Formal letter of greetings, dated April 1588, from Dom Duarte de Meneses, Portuguese Viceroy of India, to Toyotomi Hideyoshi.

For European historiography in the end of XVI – late XIX centuries, it was typical to accumulate information about Japanese heraldry. Data about *kamon* are presented in the correspondence between Spanish and Portugal missionaries and papacy or European monarchs and aristocracy, and also in the diaries and letters of sailors and merchants of the Dutch East India

Company. Interest of European monarchs and aristocracy in Asian culture led to the creation of new forms of art such as *chinoiserie*² in the XVIII century and development of trade relationship in Asia, including Japan. Thus, rich sources for studying Japanese heraldry printed on everyday objects and pieces of art brought from Japan became available for Europeans [6, pp. 143–153].

¹ Cf. [1, pp. 71–78; 2, pp. 94–97].

² *Chinoiserie* means imitation and collection of Chinese and East Asian decorative arts.

The first papers and materials summarizing information about Japanese heraldry were published in Europe relatively late (the late 19th century), especially if we compare it to the Japanese historiography³ [7, pp. 7–9, 21–30; 8, p. 3; 9, p. 37; 10, p. 23]. It was one of the first

Fig. 2. The official arm (*jōmon*) of Toyotomi Hideyoshi – “5-3 Paulownia” (*go san kiri*).

The most authoritative scholar of Japanese heraldry, specialist of Japanese history Thomas R. H. McClatchie⁴, during his speech before Asiatic Society of Japan in 1876 pointed out that heraldry wasn't regarded in Japan and Asian countries with the same amount of consideration amongst European nations. Nevertheless Prof. McClatchie agreed that heraldic science terms existed in Japan, but perhaps it was a lack of the advancing civilization's influence which prevented its growth. In the conclusion of his work, Prof. McClatchie noted that poor design, variety of style and its usage made comparative study of both heraldic systems difficult⁵. And thus

attempts to identify the main peculiarities of Japanese heraldic symbols by comparing Japanese and European coat-of-arms. Due to developed heraldic tradition in Europe, Western historians have used its terms and definitions and applied it to the Japanese *kamons*.

Fig. 3. Heraldic image, which was found in formal letters from Alessandro Valignano to Toyotomi Hideyoshi.

Japanese heraldry could be productively studied in comparison with the earliest Western one⁶.

Prof. McClatchie explained this state in the following way: “It is allowed by Heralds that before the adoption of regular coats-of-arms, Europe had what was merely termed badges”⁷, that is, “figures or devices assumed for the purpose of being borne either absolutely alone, or in connection with a Motto, as the distinctive cognizance of an individual or a family.” Up to the present time Japanese heraldry has advanced no farther than this primary state”. Among three elements – the shield, the helmet or the breast-plate that could be marked with heraldic insignia, the shield was widely used in Western tradition to

³ The first pre-scientific research started in Japan in middle of the 18th century.

⁴ Unfortunately, date of birth and date of death are unknown.

⁵ Cf. [11, p. 1–3].

⁶ McClatchie T. R. H. Japanese Heraldry. (in English) Available at: <http://www.unterstein.net/Toyoashihara-no-Chiaki-Nagaioaki-no-Mitsuho-no-Kuni/McClatchie-1876-Heraldry.html> (Accessed 24.06.2016).

⁷ Cf. [12, pp. 46–47].

present a coat-of-arms. He considered the limited use of shield in Japan as one of the reason why the development of Japanese heraldry had stopped so early. However this deficiency was partly balanced by a variety of symbols being marked upon flags or banners of different colours. Also Prof. McClatchie pointed out a curious fact that the shape, colour, and so on of the majority of these flags and devices could be described in terms of European heraldic phraseology peculiar to this art. In other words, Western scientists could apply European rules of construction of heraldic symbols but in fact Japanese people never took care following strict rules regarding the combination of metals and tinctures observed in Western countries. Instead of this, focused on the colour of their symbols, as this provided the change of the general outline of the device. According to Prof. McClatchie's opinion, this fact alone is sufficient enough to show that the Japanese heraldic system is far from perfect. Thus Prof. McClatchie stated that the Japanese heraldic system existed in Japan and he expressed hope that it would transform into regular heraldic art⁸.

Thomas McClatchie set the trend of comparative study in the field of Japanese heraldry. This trend was popular until the end of the XX century. Many scholars tried to find balance between simple listening of differences of European and Japanese heraldries and analysis of distinctive features of both systems.

Sir Arthur Charles Fox-Davies (1871–1928) specialized in the study of British heraldry. Although he never worked as a herald or pursuivant of the College of Arms, he was one of

the 250 Gold Staff Officers who on 22 June 1911 assisted at the Coronation of King George V⁹. In fact, Japanese heraldry was not the object of his study, but in his work “A Complete Guide to Heraldry” where Arthur Fox-Davies wrote a review about heraldic traditions of different countries and different ages, including Japanese heraldry. In this review Fox-Davies states that Japanese heraldry has the same function as European and because of that it can be accepted as a “heraldic system” according to the scientific definition of this term¹⁰.

In his opinion, the differences between visual shapes of Japanese and European heraldic systems are related to the fact that Japanese heraldry was used as an element of clothing, rooms and furniture decoration, but not as an element of weapons or armour. Going on from this, almost every conceivable object in Japan can be used and has been used for decorative purposes, therefore Arthur Fox-Davies concluded that the main function of Japanese heraldry is decoration¹¹. It was astonishing for European people for whom heraldry's main function is always described as a way of retaining knowledge about ancestors, their advantages and their position in society.

The comparative method of study has been widely used in heraldic science for a long time, but towards the end of the 20th century some European specialists argued that it had been unproductive to compare the systems, which initially never had the same origins or sources. Other scholars admitted, that it is possible to compare separate heraldic systems such as

⁸ McClatchie T. R. H. Japanese Heraldry. (in English) Available at: <http://www.unterstein.net/Toyoashihara-no-Chiaki-Nagaioaki-no-Mitsuho-no-Kuni/McClatchie-1876-Heraldry.html> (Accessed 24.06.2016).

⁹Lattimore C. The Bookplates of Miss C. Helard and Other Related Matters. (in English) Available at: [http://www.ebookchicklit.com/the-bookplates-of-miss-](http://www.ebookchicklit.com/the-bookplates-of-miss-c-helard-and-other-related-matters.html)

[c-helard-and-other-related-matters.html](http://www.ebookchicklit.com/the-bookplates-of-miss-c-helard-and-other-related-matters.html) (Accessed 24.06.2016).

¹⁰ Fox-Devies A. C. A Complete Guide to Heraldry. Ballantyne, Hanson & Co. 1909. 716 p. C. 10–33.

¹¹ Fox-Devies A. C. A Complete Guide to Heraldry. Ballantyne, Hanson & Co. 1909. 716 p. C. 10–33.

European and Japanese, similarly to how linguistics allow for comparison of languages from different language families. Currently the European heraldic science shares two different approaches. On the one had those who insist that it is absolutely necessary to study Japanese heraldry as original tradition use Japanese terms. On the other hand their opponents insist on comparative style and deem usage of European terms internationally to be correct.

Stephen Richard Turnbull (1946–), a specialist in Japan’s military history belongs to the first group. He defines *kamon* as a simple and easily recognizable coat-of-arms, which provides more precise identification of an individual. He is the first in Europe to study the development of the Japanese heraldic system and suggests that development of each stage of it is based on the relationship between the coat-of-arms’ function and its form. It is more important to understand what ways of usage prevail in different periods, rather than to describe how many rules or styles exist in a heraldic system. Thus, Prof. Turnbull prefers to study Japanese heraldry from inside-out, from content to visual aspects. This method allows him to focus on characteristics of the heraldic system, avoiding the numeration of disadvantages in comparison to European heraldry [13, pp. 5–6, 16–25].

Prof. Anthony J. Bryant (1961–2013), of Florida State University, also shared the views of the first group. He criticized the opinion that *kamons* should be described in English terms. On the one hand, there are a lot of heraldic figures or devices that only exist in the Japanese heraldic system and cannot be described without specific Japanese terms. On the other hand, some objects

in Japanese heraldry are visually similar to European heraldic motives, but have different meanings. Scholars widely use terms accepted in native-tongue, but peculiar terms and concepts of each heraldic system should not be forgotten. Considering the specific features of Japanese heraldry, Japanese terms should not be replaced with Western terms¹².

The most authoritative scholar of the second group is Prof. Julia Hartmann¹³ from University of Pennsylvania. She states that Japanese *kamons* have similar development of symbols and patterns as European coat-of-arms. Prof. Hartmann suggests that Japanese *kamons* and European coat-of-arms have a similar historical context: “need of warriors to distinguish their enemies from their allies in a battle, and the nobility requiring to bestow upon their family a unique identity in society”. But in case of Japanese heraldry, this was used mostly to demonstrate family or clan relations and it is completely unusual for Europe, where identification of the individual himself had great importance [14, pp.1–12; 15, pp. 13–21]. It could be said that Japanese and European heraldic systems were examples of two different ways of heraldic development with similar origin. Comparing both of them, scholars can understand the nature of these systems, main factors of their development, and so on.¹⁴

In the end of XVI century Japanese heraldry was introduced to European people, but for a long time *kamons* weren’t perceived as coat-of-arms or other types of heraldic symbols and defined in these terms. It is believed that the reason is differences between form and image structure of European and Japanese heraldic symbols. Despite

¹² Bryant A. J. Heraldry. (in English) Available at: <http://www.sengokudaimyo.com/miscellany/heraldry.html> (Accessed 24.06.2016).

¹³ Unfortunately, date of birth is unknown.

¹⁴ Hartmann J. The Japanese Mon – An Eastern Equivalent to the European Coats of Arms? (I): Form, Content, Tincture and Blazon. (in English) Available at: <http://heraldica.hypotheses.org/2456> (Accessed 24.06.2016).

this fact, when Europeans finally recognized the unique Japanese heraldic system besides their own heraldic tradition, they tried to describe the new object in common terms and definitions. This method was not successful because Japanese heraldry includes many aspects which cannot be converted and presented in terms familiar to European culture.

In the end of XX century many Western scholars doubted the rationality of continuing to use European methodology toward Japanese heraldry. At the same time the famous British

historian Stephen Turnbull offered to refuse the comparative way and to study Japanese heraldry without prejudice. The problem of efficiency within the methodological framework of the European historiography of the history of Japanese heraldry still attracts active discussions to date. Within context of the fact that other countries such as China and Korea currently show no traces of the existence of heraldry, the issue of admissibility of the comparative analysis of the two heraldic systems is highly relevant – and not only for Europe but for the world as a whole.

REFERENCES

1. Honda S. *The complete collection of Japanese family crest*. Tokyo, Goto Shouin Publ., 2004, 366 p. (In Japanese)
2. Kiya S. *Introduction to Japanese heraldry*. Tokyo, Nihon Bungeisha Publ., 1974, 278 p. (In Japanese)
3. Mori M. *European and Japanese heraldry*. Tokyo, Kawade shobo shinsha Publ., 1996, 177 p. (In Japanese)
4. Kusudo Y. *Introduction into Japanese heraldry: knowledge from scratch*. Tokyo, Gentousha Publ., 2006, 230 p. (In Japanese)
5. *Illustrated Guide to Japanese heraldry*. Tokyo, Shinbutsu ouraisha Publ., 1978, 112 p.
6. Chistyakova E. E. Aesthetic influence of East on the European art culture of XVIII–XX centuries. *The 4th Orientalist Conference in Memory of Dr. O. O. Rosenberg*. Proceedings of the Conference. Saint Petersburg, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS, 2011, pp. 143–153. (In Russian)
7. Numata R. *Japanese heraldry*. Tokyo, Jinbutsu ouraisha Publ., 1968, 1385 p. (In Japanese)
8. Chikano Sh. *Collection of Japanese family crest*. Tokyo, Kadokawa shoten Publ., 1993, 1357 p. (In Japanese)
9. Takasawa H. The study of the origins and history of the family crest. *Historical Figures*. 2013, no. 3, pp. 36–43 (In Japanese)
10. Morimoto K. *Study Japanese emblem: entertainment and Japanese design*. Tokyo, Heibonshya Publ., 2009, 224 p. (In Japanese)
11. Santi-Mazzini G. *Heraldry. History, terminology, symbols and values of the coats-of-arms and badges*. Moscow, AST Publ., Astrel Publ., 2007, 594 p. (In Russian)
12. Von Volborth C. A. *Heraldry of the World*. London, Blandford Press Publ., 1973, 250 p.
13. McBride A., Turnbull S. *Samurai Heraldry*. New York, Osprey Publ., 2002, 64 p.
14. Woodcock T., Robinson J. *Oxford Guide to Heraldry*. Oxford, Oxford University Press Publ., 1988, 288 p.
15. Pasturo M. *Heraldry*. Moscow, Astrel Publ., 2003, 144 p. (In Russian)

© А. С. Панова, М. А. Суботялов

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.05](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.05)

УДК 57(091)

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ФИЛОГЕНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМАТИКИ

А. С. Панова, М. А. Суботялов (Новосибирск, Россия)

Статья посвящена анализу развития филогенетики – области биологической систематики, которая занимается идентификацией и прояснением эволюционных взаимоотношений между видами, как ныне живущими, так и вымершими. Цель статьи – выделить и охарактеризовать ключевые этапы становления и развития филогенетической систематики. В статье представлена краткая характеристика основных периодов формирования филогенетики, начиная с эпохи Древнего мира и заканчивая Новейшим временем, от элементарного описания видов до изучения нуклеотидных последовательностей макромолекулярных структур. Дан обзор древних трудов и манускриптов, послуживших идейно-историческими предпосылками становления и дальнейшего развития филогенетической систематики. Представлены ключевые деятели философии и науки различных эпох, чьи труды послужили базисом для формирования данного направления. Показано влияние иерархической системы соподчиненных таксонов К. Линнея и идеи «Лестницы природы» Г. Лейбница на процессы становления филогенетических идей, влияние эволюционного учения Ч. Дарвина на развитие филогенетической систематики, а также взаимосвязь ее составляющих с палеонтологическими, сравнительно-анатомическими и сравнительно-эмбриологическими исследованиями. Авторами отмечаются основные причины взлета и падения интереса к проблемам филогенетики. Дан обзор основных методов и принципов современной филогении, характеристика ее «идеологического ядра», а также места молекулярно-генетических и количественных методов в филогенетических исследованиях.

Ключевые слова: история биологии, филогенетика, кладистика, геномика, нумерическая филетика.

Вопрос о происхождении живых организмов и родственных отношениях между видами является главным в систематике органического мира. Существует два основных типа

биологической классификации: фенетический, объединяющий виды в таксоны высших рангов лишь по совокупности признаков сходств и различий в группах, и филетический

Панова Анастасия Сергеевна – студентка, направление «Биология», профиль «Общая биология», Институт естественных и социально-экономических наук, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: anastasiya.panova.95@mail.ru

Суботялов Михаил Альбертович – доктор медицинских наук, профессор кафедры анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности, Новосибирский государственный педагогический университет; кафедра фундаментальной медицины, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.

E-mail: subotyalov@yandex.ru

(филогенетический), учитывающий родственные отношения между видами [15].

В истории биологии очень важен вопрос изучения этапов становления и развития, а также историко-научной периодизации различных биологических дисциплин и областей. На сегодняшний день нет работ, посвященных вопросам зарождения и развития филогенетической систематики, практически отсутствует четкая сквозная периодизация процесса ее развития. В связи с вышесказанным, целью настоящей работы явилось выделение и характеристика ключевых этапов становления и развития филогенетической систематики.

«Описательный» период (4000–300 гг. до н. э.)

Появление первых описаний различных видов живых организмов связано с их практическим применением в области земледелия и врачевания. Списки животных и растений с их элементарной классификацией найдены в Месопотамии (IV тыс. до н. э.), Китае (II тыс. до н. э.), Древнем Египте (XVI в. до н. э.) [8]. Одним из источников по традиционной аюрведической медицине в Древней Индии является произведение «Чарака-самхита» (*Carakasamhitā*) (1500 г. до н. э. – в устной традиции, окончательная письменная редакция – около I в. н. э.), содержащее описание большого числа лекарственных растений с их классификацией по способу применения и воздействию на организм [2; 16].

В Древней Греции становление классической систематики связано, прежде всего, с трудами Аристотеля (*Aristotle*) (384–322 гг. до н. э.). Формально он не оставил четкой классификации животных, однако в его трудах сохранилось большое количество описаний разнообразных животных форм с попытками их систематики, что привело его к заключению о

последовательном расположении живых организмов по определенной шкале – «Лестнице природы» (*Ladder of Life*) [8].

Взгляды Аристотеля получили развитие в работах его последователя Теофраста (*Theophrastus*) (371–287 гг. до н. э.), которого по праву можно считать «отцом» современной ботаники. Особое значение среди его трудов имеют «История растений» (*Enquiry into Plants or Historia Plantarum*) и «Причины растений» (*On the Causes of Plants*), в которых описано и классифицировано свыше 400 видов [10].

Таким образом, работы этого периода послужили идейно-историческими предпосылками для дальнейшего становления и развития филогенетики.

Период начальной систематизации (VII–XVI вв.)

После падения Римской империи наука Европы пришла в упадок. Источниками биологических знаний в этот период служили лишь сочинения религиозно-философского характера. Наиболее известные произведения этого времени, посвященные систематике организмов, – это трактаты «О животных» (*De animalibus*) и «О растениях» (*De vegetalibus et plantis*) Альберта Великого (*Albertus Magnus*) (1193–1280 гг.) и «Зеркало природы» (*Speculum naturale*) В. де Бове (*Vincent of Beauvais*) (1190–1264 гг.) [12].

После завоевания арабами значительной части территорий павшей империи многие труды античных авторов были переведены на арабский язык, что определенным образом сказалось на развитии арабоязычной науки. Для становления систематики большое значение в этот период имели работы арабского писателя и зоолога Абу Аль-Джахиза (*Al-Jahiz*)

(781–869 гг.), приведшего линейную классификацию животных с разделением видов на группы на основе их сходства [4].

В этот же период в юго-восточной Азии на территории современной Индии был составлен ряд манускриптов, посвященных вопросам медицины. В них подробно описано и классифицировано большое количество лекарственных растений, в том числе ввезенных в Индию из других стран. К ним относятся произведения «Мадхава-нидана» (*Mādhava Nidāna*) (VII–VIII вв.), «Маданапала-нигханту» (*Madanapālanighaṇṭu*) (XIII–XIV вв.) и «Бхавапракаша» (*Bhavaprakasa*) (XVI в.) [5; 17].

Период классификации (XVII–XVIII вв.)

Философским базисом классической систематики послужил эссенциализм – учение, в основе которого лежит познание «сущностей» наблюдаемых явлений, характеризующихся неизменным набором качеств и свойств¹. Было выработано фундаментальное для систематики того времени представление о «Естественной системе», являющейся по сути единственно верной системой живых организмов [13].

В XVIII в. шведский врач и натуралист К. Линней (*Carl Linnaeus*) впервые создал единую систему классификации органического мира. Он установил принцип иерархичности систематических категорий, разделив царства живой природы на соподчиненные таксоны, а также способствовал утверждению мысли о том, что виды связаны не только сходством, но и родством [10].

В это же время широкое распространение получила идея «лестницы существ» Г. Лейбница (*Gottfried Wilhelm Leibniz*), разрабатываемая в дальнейшем Ш. Бонне (*Charles Bonnet*).

Концепция, берущая свое начало со времен Аристотеля, характеризуется линейным развитием организмов от примитивных форм к более прогрессивным и отрицанием скачкообразного характера эволюции органического мира. Эта теория в последующем легла в основу первого целостного эволюционного учения, автором которого является французский естествоиспытатель Ж. Б. Ламарк (*Jean-Baptiste Lamarck*). Однако им были внесены коренные изменения в эту концепцию. Если Г. Лейбниц и Ш. Бонне видели в ней лишь последовательный ряд независимых и неизменных форм, не связанных единством происхождения, то Ж. Б. Ламарк находил в их градации отражение реального процесса развития одних форм из других на протяжении многих поколений. Развитие от простейших форм к более сложным, согласно Ж. Б. Ламарку, составляет главное содержание истории органического мира [8].

В конечном итоге были сформированы две модели «Естественной системы» – линейная и иерархическая, каждая из которых по своему отразилась на дальнейшем развитии классической систематики и филогенетики.

«Геккелевский» период (середина XIX в.)

Широкое распространение филогенетические исследования получили после выхода в 1859 г. «Происхождения видов» Ч. Дарвина (*Charles Robert Darwin. On the Origin of Species*), где им впервые была предложена схема дивергентной эволюции видов, отражающая общий ход эволюционных преобразований². В последующем данная диаграмма стала бази-

¹ Касавин И. Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2009. – 1248 с.

² Дарвин Ч. Происхождение видов. Сочинения. – М.: Изд-во АН СССР, 1939. – Т. 3. – 270 с.

сом для работ выдающегося немецкого естествоиспытателя и философа Э. Геккеля (*Ernst Haeckel*).

По определению Э. Геккеля (1866 г.) филогенетикой следует называть науку о путях, закономерностях и причинах исторического развития организмов. Таким образом, основным содержанием филогенетики является выявление родственных связей и последовательности преобразований организмов в ходе эволюции, что на практике отражается в построении филогенетических схем. Первое в истории науки родословное древо органического мира Э. Геккель создал в 1874 г. В нем четко проводились три принципа, принимаемые и в современной филогенетике: монофилии, дивергенции и прогрессирующего приспособления [18].

Завершением филогенетических исследований Э. Геккеля стала «Систематическая филогения» (*Die systematische Phylogenie*, 1894–1896), в которой он выдвинул метод «тройного параллелизма», заключающийся в сотрудничестве сравнительно-анатомических, сравнительно-эмбриологических и палеонтологических исследований в филогенетической работе и обеспечивший разносторонний подход к трактовке филогенетических построений³.

Период упадка (конец XIX – начало XX вв.)

К концу XIX в. наступил неблагоприятный период для вопросов филогенетики, вызванный нехваткой палеонтологических данных. Множество гипотез выдвигалось по одним и тем же проблемам, но не хватало фактов, которые позволили бы выбрать из нескольких гипотез наиболее верную. Проблема была решена лишь в начале XX в., когда благодаря крупным успехам палеонтологии была

сформирована прочная основа для пересмотра обобщений по филогении различных групп животных и растений [18].

Период возрождения (середина XX в. – настоящее время)

Возрождение интереса к филогенетическим исследованиям началось с конца 1950-х гг. в связи с деятельностью немецкого учено-энтомолога В. Хеннига (*Willi Hennig*), являющегося одним из основоположников *клатистики* – идеологического ядра «новой» филогенетики. Главным аспектом в работах В. Хеннига и его последователей является признание в эволюции органического мира только монофилетических групп организмов (клад), являющихся потомками единственного общего предка [1; 14; 19].

С 1960-х гг. в филогенетике все большее значение стало приобретать изучение молекулярных структур. Получение технического доступа к первичной структуре макромолекул и возможность сравнения организмов по этим последовательностям расценивались как «молекулярная революция», новейшим этапом развития которой является генофилитика – раздел новой филогенетики, связанный с изучением нуклеотидных последовательностей [14].

В СССР зарождение интереса к молекулярным исследованиям связано с деятельностью А. Н. Белозерского и его учеников, заложивших основу геносистематики – направления, в котором суждения о степени родства организмов выдвигаются на базе изучения нуклеотидных последовательностей отдельных фрагментов ДНК [7].

В 1980–1990-х гг. вместе с возникновением первых проектов по секвенированию геномов некоторых видов живых организмов

³ Мюллер Ф., Геккель Э. Основной биогенетический закон. Избранные работы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 297 с.

сформировалось новое направление в молекулярной биологии – геномика, занимающаяся исследованием структуры и функций всей совокупности генов организма или значительной их части, в том числе и для целей филогенетики [3; 6; 9].

На сегодняшний день одним из ведущих мировых специалистов в области эволюционной геномики является Е. В. Кунин – советский и американский биолог, ведущий научный сотрудник Национального центра биотехнологической информации Национальной медицинской библиотеки Национальных институтов здравоохранения США. Среди основных направлений деятельности Е. В. Кунина – построение эволюционных сценариев для генных семейств, реконструкция геномов предковых форм, сравнительный анализ филогенетических деревьев для конкретного гена, математическое моделирование эволюции геномов и т. п. [11]. Е. В. Кунин лидирует по цитированию научных публикаций среди российских ученых-биологов. Согласно данным сайта «Корпус экспертов», по состоянию на начало 2016 г. его индекс Хирша равен 145⁴.

Количественные методы оценки сходства организмов и конструирования филогенетических деревьев разрабатывает особый раздел «новой» филогенетики – нумерическая филетика. В настоящее время эти методы в филогенетике преобладают: развита своего рода «индустрия» по их производству и реализации в виде легкодоступных компьютерных

программ. Несомненным достоинством нумерической филетики является возможность манипулирования большими массивами данных, что позволяет использовать данный метод как основу для представления результатов молекулярно-генетических исследований [14].

Таким образом, нами впервые введена в научный оборот историко-научная периодизация процессов становления и развития филогенетической систематики, которая складывается из шести основных этапов: «описательного» периода, характеризующегося накоплением эмпирических данных об объектах органического мира; периода начальной систематизации, когда на первый план в развитии систематики вышла арабоязычная наука; периода классификации, связанного с появлением первых систем органического мира – иерархической К. Линнея и линейной Г. Лейбница; «геккелевского» периода, ознаменованного появлением первого в истории науки родового древа органического мира Э. Геккеля; периода упадка и, наконец, периода возрождения филогенетики, характеризующегося появлением принципиально новых методов конструирования и анализа филогенетических древ. Сегодня идеологическим ядром филогенетики является кладистика, а реконструкция древ и построение филогенетических гипотез производятся с использованием методов нумерической филетики на основе молекулярно-генетических данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Brower Andrew V. Z.** Willi Hennig at 100 // *Cladistics*. – 2014. – Vol. 30. – P. 224–225.
2. **Caraka-saṃhitā.** Agniveśa's treatise refined and annotated by Caraka and redacted by Dṛdhabala / Text with English translation. Editor-translator prof. Priyavrat Sharma. – Vol. 1. Varanasi: Chaukambha Orientalia, 2001. – 544 p.

⁴ Corpus expertov [Электронный ресурс]. URL.: <http://expertcorps.ru/science/whoiswho/ci86?sortby=h>.
(дата обращения: 02.02.2016)

3. **Delsuc F., Brinkmann H., Philippe H.** Phylogenomics and the reconstruction of the tree of life // Nature Reviews Genetics. Nature Publishing Group. – 2005. – Vol. 6. – P. 361–375.
4. **Mehmet Bayrakdar.** Al-Jahiz And the Rise of Biological Evolutionism // The Islamic Quarterly, Third Quarter. – London, 1983. – P. 1–25. URL: <http://www.salaam.co.uk/knowledge/al-jahiz.php#top> (дата обращения: 02.02.2016)
5. **The Bhavaprakasa:** Edited with Bhavabodhini Hindi commentary by Pushpalal Jha. – Chowkhamba Sanskrit Series Office, 1962. – 145 p.
6. **Venter J. C., Adams M. D., Myers E. W.** et al. The sequence of the human genome // Science. – 2001. – Vol. 291. – P. 1304–1351.
7. **Антонов А. С.** Геномика и геносистематика // Природа. – 1999. – № 6. – С. 19–26.
8. **Бляхер Л. Я., Быховский Б. Е., Микулинский С. Р.** История биологии с древнейших времен до начала XX века. – М.: Наука, 1972. – 563 с.
9. **Васильев Г. В.** Геномика // Вавиловский журнал генетики и селекции. – 2014. – Т. 18, № 1. – С. 158–165.
10. **Воронцов Н. Н.** Развитие эволюционных идей в биологии. – М.: Издат. отдел УНЦ ДО МГУ; Прогресс-Традиция; АБФ, 1999. – 640 с.
11. **Глазко В. И.** Эволюция: новое о случайности и необходимости // Химия и жизнь – XXI век. – 2012. – № 10. – С. 28–33.
12. **Глушен С. В.** История биологии. – Минск: БГУ, 2010. – 91 с.
13. **Павлинов И. Я.** Введение в современную филогенетику (кладогенетический аспект). – М.: Изд-во КМК, 2005. – 192 с.
14. **Павлинов И. Я.** Становление современной филогенетики // Биология. – 2006. – № 12 (811). – С. 24–35.
15. **Расницын А. П.** Избранные труды по эволюционной биологии. – М.: Изд-во КМК, 2005. – 347 с.
16. **Суботялов М. А., Дружинин В. Ю.** Письменные источники Аюрведы как основа медицинского образования // Философия образования. - 2013. - № 2. - С. 224–229.
17. **Суботялов М. А., Дружинин В. Ю.** Учебная литература традиционной аюрведической медицины // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 9. – С. 51–54.
18. **Татаринов Л. П.** Кладистический анализ и филогенетика // Русский орнитологический журнал. – 2014. – Т. 23, № 991. – С. 1213–1233.
19. **Шаталкин А. И.** Биологическая систематика. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 184 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.05](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.05)

Anastasiya Sergeevna Panova, student of Biology Study, Training Profile – General biology, Institute of Natural Social and Economic Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-0556-0552>

E-mail: anastasiya.panova.95@mail.ru

Mikhail Albertovich Subotyalov, Doctor of Medical Sciences, professor of Department of Anatomy, Physiology and Life Safety, Novosibirsk State Pedagogical University; Fundamental Medicine Department, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-8633-1254>

E-mail: subotyalov@yandex.ru

THE MAIN STAGES OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF PHYLOGENETIC TAXONOMY

Abstract

This article analyzes the development of phylogenetics as a field of biological systematics, which is engaged in identification and clarification of evolutionary relationships between species, both now living and extinct. The purpose of the article is to identify and characterize the main stages of formation and development of phylogenetic taxonomy. The article presents a brief description of the periods of phylogenetics formation from the era of the ancient world to the contemporary period, from elementary description of species to studying nucleotide sequences of macromolecular structures. The authors trace the influence of the evolution theory on the development of phylogeny, as well as its relationship with paleontological, comparative anatomy and comparative embryological studies. The review of key scientists' works which contributed to the development of this field of study is presented. Moreover, the causes of increasing and decreasing interest in the problems of phylogenetics are suggested. The authors overview the basic principles of modern phylogeny, characterize its "ideological core", identify the places of molecular genetics and quantitative methods in phylogenetic studies.

Keywords

History, biosystematics, phylogeny, genomics, numerical taxonomy.

REFERENCES

1. Antonov A. S. Genomics and genosystematics. *Nature*. 1999, no. 6, pp. 19–26. (In Russian)
2. Blyakher L. Ya., Bykhovskiy B. E., Mikulinskii S. R. *The history of biology from ancient times to the early XX century*. Moscow, Nauka Publ., 1972, 563 p. (In Russian)
3. Vasiliev G. V. Genomics. *Vavilov journal of genetics and breeding*. 2014, vol. 18, no. 1, pp. 158–165. (In Russian)
4. Vorontsov N. N. *The development of evolutionary ideas in biology*. Moscow, UC TO MSU Publ., Progress-Tradition Publ., WFA Publ., 1999, 640 p. (In Russian)
5. Glazko V. I. Evolution: new about of chance and necessity. *Chemistry and life – XXI century*. 2012, no. 10, pp. 28–33. (In Russian)

6. Glushen S. V. *History of biology*. Minsk, BSU Publ., 2010, 91 p. (In Russian)
7. Pavlinov I. Ya. *Introduction in modern phylogenetics (cladogenetic aspect)*. Moscow, KMK Publ., 2005, 192 p. (In Russian)
8. Pavlinov I. Ya. The Formation of modern phylogenetics. *Biology*. 2006, no. 12 (811), pp. 24–35. (In Russian)
9. Rasnitsyn A. P. *Selected works on evolutionary biology*. Moscow, KMK Publ., 2005, 347 p. (In Russian)
10. Subotyalov M. A., Druzhinin V. Y. Written ayurvedic sources as a basis for medical education. *Philosophy of Education*. 2013, no 2, pp. 224–229. (In Russian)
11. Subotyalov M. A., Druzhinin V. Y. Textbooks traditional Ayurvedic medicine. *Siberian Pedagogical Journal*. 2012, no. 9, pp. 51–54. (In Russian)
12. Tatarinov L. P. Cladistic analysis and phylogeny. *Russian ornithological journal*. 2014, vol. 23, no. 991, pp. 1213–1233. (In Russian)
13. Shatakin A. I. *Biological systematics*. Moscow, Moscow University Publ., 1988, 184 p. (In Russian)
14. Brower Andrew V. Z. Willi Hennig at 100. *Cladistics*. 2014, vol. 30, pp. 224–225.
15. Caraka-saṃhitā. *Agniveśa's treatise refined and annotated by Caraka and redacted by Drḍhabala*. Text with English translation. Editor-translator prof. Priyavrat Sharma. vol. 1, Varanasi, Chaukambha Orientalia Publ., 2001, 544 p.
16. Delsuc F., Brinkmann H., Philippe H. Phylogenomics and the reconstruction of the tree of life. *Nature Reviews Genetics*. Nature Publishing Group. 2005, vol. 6, pp. 361–375.
17. Mehmet Bayrakdar. Al-Jahiz And the Rise of Biological Evolutionism. *The Islamic Quarterly, Third Quarter*. London, 1983, pp. 1–25. Available at: <http://www.salaam.co.uk/knowledge/al-jahiz.php#top> (Accessed 02.02.2016)
18. *The Bhavaprakasa: Edited with Bhavabodhini Hindi commentary by Pushpalal Jha*. Chowkhamba Sanskrit Series Office, 1962, 145 p.
19. Venter J. C., Adams M. D., Myers E. W. et al. The sequence of the human genome. *Science*. 2001, vol. 291, pp. 1304–1351.

www.vestnik.nspu.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PHILOLOGY SCIENCES

© Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.06](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.06)

УДК 81'373+81'384

БАЗА ДАННЫХ ПРАГМАТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА: МАТЕРИАЛ, ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ, ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ*

Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская (Новосибирск, Россия)

К числу актуальных проблем фундаментальной науки, лежащих на стыке структурно-системного и коммуникативного описания лексического значения слова, относится выявление прагматически маркированных фрагментов словаря, построение типологии микрокомпонентов, входящих в структуру прагматического макрокомпонента, и исследование их коммуникативного потенциала. Решение этих теоретических проблем является необходимым условием разработки схем лексикографирования прагматически маркированной лексики, например, в словарях активного типа и/или в специальных компьютерных базах данных.

Для настоящего проекта наиболее существенными в дискуссии по проблемам прагматической семантики являются моменты, непосредственно отражающие взаимоотношение «говорящий человек – языковой знак».

В проекте исследуется интегральная модель лексического значения, включающая прагматический макрокомпонент; описывается структура, содержание, вариативный потенциал и реализация прагматической семантики в разных типах дискурсов; анализируются способы лексикографического представления прагматической семантики в словарях разных типов; разрабатывается концепция лексикографической интерпретации прагматически маркированных фрагментов лексической системы языка.

Прикладная составляющая проекта – создание компьютерной базы данных прагматически маркированной лексики, доступной для широкого круга пользователей: исследователей, лингвистов-экспертов, переводчиков и преподавателей русского языка, в том числе как неродного и иностранного. При создании компьютерной базы данных прагматически маркированной лексики мы опираемся на российский и зарубежный опыт в корпусной и компьютерной лингвистике.

Ключевые слова: *структура прагматического макрокомпонента, динамические процессы, база данных русской прагматически маркированной лексики*

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект 15-04-00122а «Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты»; проект 15-14-54001а(р) «Конфликтный текст в зеркале лингвистического экспертирования: оскорбление, унижение чести и достоинства, порочащая информация в публичной коммуникации региона».

Булыгина Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

Трипольская Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: tr_tatiana@mail.ru

В настоящей статье отражаются основные результаты исследовательского проекта, направленного на решение спорных вопросов теории прагматической семантики слова, а именно: содержание, структура, статус прагматического макрокомпонента лексического значения и способы его лексикографирования. Для настоящего проекта наиболее существенными в дискуссии по проблемам прагматической семантики являются моменты, непосредственно отражающие взаимоотношение «говорящий человек – языковой знак».

Цель проекта, во-первых, исследование интерпретационного потенциала прагматически маркированного языкового знака и способов его семантизации. Для реализации этой цели: а) исследуется интегральная модель лексического значения, включающая прагматический макрокомпонент; б) описывается структура, содержание, вариативный потенциал и реализация прагматической семантики в разных типах дискурсов; в) анализируются способы лексикографического представления прагматической семантики в словарях разных типов; г) разрабатывается концепция лексикографической интерпретации прагматически маркированных фрагментов лексической системы языка.

Во-вторых, предполагается создание компьютерной базы данных прагматически маркированной лексики, доступной для широкого круга пользователей: исследователей, лингвистов-экспертов, переводчиков и преподавателей русского языка, в том числе как неродного и иностранного. В создании компьютерной базы данных прагматически маркированной лексики мы опираемся на российский и зарубежный опыт в корпусной и компьютерной лингвистике [1–6].

Предлагаемые методы, приемы, инструментарий и их обоснование призваны обеспечить необходимую глубину исследования

прагматически маркированного словаря. О возможностях работы с языковыми корпусами см., например, [7]. В работе используются традиционные методы семасиологического анализа слова: компонентный, дефиниционный, дистрибутивный, контекстный, дискурсный и психолингвистический анализ, а также метод моделирования. Кроме того, применяются корпусные методы при формировании электронных словарных баз данных, разметка словарных статей с учетом возможных запросов пользователя, а также с учетом разных типов информации, содержащейся в лексикографических источниках, что позволяет расширить возможности работы пользователя со словарным содержанием.

Настоящее исследование базируется на следующих методологических принципах: 1) учет коммуникативной природы и воздействующей функции языка [8]; 2) понимание лексического значения слова как гетерогенной системы смысловых компонентов, взаимодействующих друг с другом, в связи с чем в теоретической лингвистике разработаны две модели лексического значения: дифференциальная и интегральная (коммуникативная) [9–11].

Ожидаемые результаты проекта связаны с дальнейшим развитием коммуникативной теории лексического значения, обусловлены обращением к проблеме моделирования прагматического макрокомпонента в семантике слова, а также с разработкой моделей словарных статей, описанием способов отражения лингвистически значимой информации: идеологического, национально-культурного, гендерного, социального, эмотивно-оценочного и др. компонентов в значении слова.

Отображение прагматической информации разными типами словарей, в том числе и двуязычными, – одна из проблемных зон теоретической и практической лексикографии. Особенности прагматической семантики и

способы её лексикографирования в последнее время не раз рассматривались как особый объект словарной интерпретации [12–17]. Так, Ю. Д. Апресян предложил зонное устройство словарной статьи, в которой информация о денотативном и прагматическом (коннотативном) компоненте были бы разнесены в разные зоны [12]. Сходную задачу распределения разнородной информации о слове по разным зонам, но для традиционной словарной статьи, решал Д. Н. Ушаков¹: толкование (порой энциклопедического типа) содержит информацию о денотативной семантике слова, а прагматически значимая информация чаще представлена в системе помет и иллюстративном материале (см., например, описание религиозной лексики).

Проблема лексикографической интерпретации прагматической семантики слова напрямую зависит от уровня теоретического осмысления коммуникативной модели лексического значения. В настоящее время список прагматических элементов лексического значения слова остается открытым. Дискуссионными представляются теоретические проблемы вхождения/невхождения коннотативных (прагматических) характеристик в структуру лексического значения, соотношения понятий коннотативного и прагматического компонентов, соотношение и взаимодействие денотативного и прагматического содержания слова, место и статус отдельных прагматических микрокомпонентов в структуре лексического значения, вариативность системного значения, а также функционирование прагматически маркированной лексики в разных типах дискурсов.

Актуальность работы также обусловлена необходимостью исследования тенденций

развития современной практической компьютерной лексикографии не только в области технических решений, но и в области теории создания электронных лексикографических ресурсов с учетом содержания словарного материала (лингвистически релевантной информации) и достижений современной корпусной русистики. В настоящее время отсутствуют ресурсы, позволяющие осуществлять поиск прагматически маркированной языковой единицы по семантической, прагматической, функциональной, стилистической характеристике. Поэтому создание подобной электронной лексикографической системы представляется теоретически и практически значимым.

Подходя к решению поставленных задач, необходимо наметить границы русского словаря лексем, содержащих в своей семантике прагматические смыслы. Традиционно к ядру этого словарного фонда относят эмоционально-оценочную лексику, прагматическая маркированность (наличие коннотаций) которой никем не оспаривается. Широкое понимание коннотации и приравнивание её к прагматическому содержанию² вводит в этот словарь новые объекты – группы слов, содержащие в своей семантике идеологические, национально-культурные, социальные, гендерные, возрастные и др. компоненты, которые прямо или косвенно связаны с аксиологической сферой.

Расширение объекта исследования позволяет выявить прагматическую семантику разного статуса в структуре значения:

– постоянно присутствующие прагматические компоненты в лексическом значении слова. Ср.: *ворковать*. 1. О голубях: издавать однообразные мягкие гортанные звуки. 2. *перен.* **О влюбленных**: нежно разговаривать

¹ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ, 1935–1940. – Тт. 1–4 (ТСУ–1935).

² Телия В. Н. Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия. – С. 236–237.

(разг. **шутл.**); *воркотня*. Брюзжание, ворчание. **Старушечья в.**³ Словарь фиксирует возрастную компоненту в семантике слов (о молодых людях; о стариках);

– ситуативные прагматические компоненты, например, у термина *плюсквамперфект* в значении «безнадежно устаревший»: *Юбка – плюсквамперфект*.

Прагматические компоненты, в первую очередь, идеологический, отличаются особой подвижностью и изменчивостью во времени и связаны с изменением политических, социальных и морально-нравственных ориентиров, например, идеологический компонент в словах *диссидент*, *патриот*, *монах*, *церковник* и др.

Ср.: *диссидент* – а, м. (латин. *dissidens*) (истор.). Лицо, принадлежащее не к тому вероисповеданию, к-рое господствует в стране. В католической Польше диссидентами назывались протестанты и православные (ТСУ–1935)⁴;

диссидент – (книжн.). 1. Лицо, отколовшееся от господствующего вероисповедания, вероотступник. 2. **Человек, не согласный с господствующей идеологией, инакомыслящий** (ТСОШ 1999); *диссидент* – **Неодобр, или бран.** Тот, кто не согласен с господствующей в стране идеологией, проводимой политикой, существующей системой; *инакомыслящий*. «Диссидент» – слово, ставшее бранным в 1970-е гг., стало темой многих анекдотов. Первое место на конкурсе диссидентов получил сантехник Петров, сказавший: «Э, да тут не кран надо менять, а всю систему». Ром-Миракян, 90, 92. Перед солдатом Лабудовым

выросла проблема – кем быть: **стукачом или диссидентом**. Смирнов, 1993 а, 22⁵;

диссидент – 1. Верующий, отступающий от официального религиозного учения или не подчиняющийся церковной дисциплине. 2. **В Советское время: тот, кто не разделял коммунистической идеологии, противостоял существующему режиму и подвергался за это преследованиям и репрессиям.** *Обвиняют, академика А. Снежковского в том, что он якобы «открыл» новую форму шизофрении – вялотекущую, причем, «открыл» специально для диссидентов.* АиФ, 1990, 14 *Такая организация как «Комитет защиты журналистов» (Нью-Йорк) предложила Евгению Додолеву вступить в ее ряды; как будто он является... диссидентом, пострадавшим от тоталитарного режима.* ОГ, 03.12.93-09.12.93. *Складывается впечатление, что тогда (в сталинское время) существовал расширительный подход к установлению невменяемости среди диссидентов. Признание их невменяемыми было для них страшнее лагеря.* АиФ, 1995, 3. ° В слож. (М. А. Лившиц) *не был и «диссидентом»-антисоветчиком, хотя и подвергался гонениям за свои критические выступления против авторитетных, но откровенно слабых в научном отношении и просто прохиндейских публикаций.* КО, 08.02.94. (См.: Антисоветчик. Отщепенец.) — Ср. МАС-2: *Устар.* Тот, кто отступает от господствующего в стране вероисповедания; вероотступник⁶.

Динамические процессы в прагматически маркированной лексике (не зафиксированные словарями, но вполне активные в коммуникации значения, с одной стороны, и смена

³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 167 (ТСОШ–1999).

⁴ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ, 1935. – Т. 1. – С. 716 (ТСУ–1935).

⁵ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

⁶ Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / гл. ред. Г. Н. Складеревская. – СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1998. – 700 с.

коннотаций иногда до противоположных, с другой) делают выделение данного лексического фрагмента весьма затруднительным. Мы отдаем себе отчет в том, что лишь наметаем основные группы лексики и очерчиваем весьма проницаемые и условные границы. Однако постановка и попытки решения этой задачи представляются важными и своевременными, поскольку в современных семасиологических изысканиях заметно меняются подходы к пониманию прагматического макрокомпонента, его объема и структуры. Кроме того, решение проблемы существенно для практической лексикографии, в частности для двуязычных словарей, а также создания языковой базы данных.

Обозначим основные группы лексики, содержащей в значении тот или иной прагматический компонент.

1. Политическая лексика (*партия, Единая Россия, верные ленинцы, западные партнеры, политические оппоненты, либералы, демократы, коммунисты, почвенники, патриоты, идеологические скрепы, пятая колонна, оппозиционеры* и др.).

2. Конфессиональная лексика (*православие, мусульманство, ислам, иудаизм, религия, Бог, Всевышний* и др.).

3. Номинации по национальным, расовым, этническим признакам (*кавказец, лицо кавказской национальности, грузин, чеченец, немец, еврей, цыган, чукча, желтые, азиаты, чучмеки, татарва* и др.).

4. Номинации лиц традиционной/нетрадиционной сексуальной ориентации (*гетеросексуалы, гомосексуалисты, голубые, лесбиянки, сексменьшинства, гейрона* и др.).

5. Наименования по территориальному признаку «центр – периферия» (*регионы, периферия, столицы, центр, мегаполис, город, деревня, село, глухомань, дыра, медвежий угол, замкадыши* «те, кто проживает за московской кольцевой автодорогой» (из телепередачи на НТВ) и т. д.).

6. Социально-профессиональная лексика (*милиция, полиция, менеджер, управленец, разведчик, шпион, врач, врачиха, докторишка, училка, учитель, дворник, олигарх, банкир, бомж, лимита, понаехавшие* и др.).

В перечисленных группах содержится как нейтральная (по словарным данным), так и оценочная лексика. Однако во вполне типичных коммуникативных ситуациях нейтральные лексемы актуализируют сложный комплекс прагматических со-значений.

В известной дискуссии о возможности и необходимости отражать в толковом словаре прагматическую семантику как трудноуловимую и подвижную [18; 14] поставлена задача проанализировать, как лексикографически представлена или не представлена прагматическая информация. Трудно было бы ожидать полную информацию о «поведении слова» в разных речевых ситуациях в классических толковых словарях русского языка, поскольку серьезное изучение коннотативного значения началось только в конце 1970-х гг. Однако анализ словарных материалов под этим углом зрения позволяет говорить о весьма последовательном отражении разными способами (толкование, специальный комментарий, пометы, иллюстративный материал) прагматических компонентов: идеологического компонента религиозной и политической лексики в ТСУ–1935, эмотивно-оценочного – в БАС⁷ и МАС⁸, гендерного и возрастного в ТСОШ–

⁷ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965 (БАС).

⁸ Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984 (МАС).

1999, ТСУ–1935, МАС и БАС. Сложившаяся лексикографическая ситуация объясняется не чем иным, как высоким профессионализмом и лингвистическим чутьём лексикографов.

Иная картина в толковых словарях последних лет: их авторы практически выносят проблему отражения коннотативной семантики за скобки. Сравним семантизацию разных прагматических компонентов в ТСУ–1935 и ТСОШ–1999, с одной стороны, и в Современном толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой (2006)⁹, с другой – автор которого отказался от иллюстративного материала.

Ср.: *благоволить*, лю́, ли́шь, несов., к кому-н., доброжелательствовать. **Начальник к нему благоволит.** 2. Пов. накл. благоволи́те с инф. употр. как формула вежливой просьбы в письме (устар.). *Благоволите ответить* (ТСУ–1935, с. 145);

кудахтать, -хчу, -хчешь; несов. 1. О курице: издавать характерные звуки, похожие на “кудах-тах-тах”. 2. перен. Говорить бестолково и взволнованно (**обычно о женщине**) (**разговорное неодобр.**). || *существительное* *кудахтанье*, -я, ср. (ТСОШ–1999, с. 312);

азиат, а, м. 1. Уроженец Азии. 2. перен. **Некультурный, грубый человек (возникло на почве высокомерно-пренебрежительного отношения европейцев к колониальным народам; устар.)** (ТСУ–1935).

Обратимся к словарю Т. Ф. Ефремовой: *благоволить* несов. неперех. 1. Быть доброжелательным, благосклонным, расположенным по отношению к кому-либо (с. 176);

кудахтать несов. перех. и неперех. 1. неперех. Издавать звуки, похожие на «кудах-тах-тах» (**обычно о курице**). 2. перен. разг. Торопливо, суетливо говорить (с. 1081);

азиаты мн. 1. Коренное население Азии, жители этой части света. 2. Представители этого населения (с. 40)¹⁰.

Иллюстративный материал в ТСУ–1935 позволяет авторам обозначить яркий социальный компонент: благоволи́ть может вышестоящее лицо нижестоящему; толкование и специальный комментарий эксплицируют эмотивно-оценочный и компонент «свой – чужой» в словарной статье лексемы *азиат*; С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова приводят специальный комментарий к переносному значению глагола *кудахтать* (*обычно о женщине*), актуализируя гендерную семантику, связанную с эмоционально-оценочной.

В словаре Т. Ф. Ефремовой эта «наиболее тонкая материя слова» осталась не отраженной вовсе, видимо, как неактуальная для «создания своего рода атласа семантической структуры русской лексической системы»¹¹.

Однако немалая часть прагматически маркированной лексики как таковая толковыми словарями не интерпретируется совсем, либо интерпретируется частично, либо спорно. Ср.: *егоза*, -ы, м. и ж. (разговорное). Суетливый, слишком подвижный человек, непоседа (**обычно о детях**); *незнайка*, -и, м. и ж. (разговорное). Человек, который мало знает или ничего не знает (**в детской речи о детях**); *плакса*, -ы, м. и ж. (разговорное). Человек, который много и часто плачет (**обычно о детях**); *шустрик*, -а, м. (разг.). Шустрый, бойкий человек (**чаще о ребенке**); *поросенок* 1. м. 1) Детеныш свиньи. 2) Блюдо из мяса молодой свиньи. 2. м. разговорное 1) **Неряшливый человек; замарашка**. 2) перен. **Непорядочный человек** (ТСОШ–1999).

Авторы словаря вполне последовательно отражают возраст оцениваемого лица (*обычно*

⁹ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. – М.: АСТ: АСТРЕЛЬ, 2006. – Т.1: А–Л, 1165 с.

¹⁰ Ефремова Т. Ф. Указ. соч.

¹¹ Ефремова Т. Ф. Указ. соч. С. 5.

о детях, чаще о ребенке), а также иногда и субъекта речи (в детской речи, о детях). Однако во всех этих словах есть и не зафиксированный словарями компонент «эмотивная оценка»: шутливое, укоризненное, неодобрительное и пр.

В толковании слова *поросенок* доминирует эмотивная оценка, но отсутствует указание о том, что характеристика чаще применяется к ребенку (употребление в «Братьях Карамазовых» этой метафоры применительно к Карамазову-старшему является скорее исключением).

И, конечно, нередко нейтральные словарные единицы в реальной коммуникации приобретают устойчивые отрицательные коннотации: так, нейтральное слово *партнер* в политическом дискурсе актуализирует семантику «соперник, противник» с соответствующими оценочными смыслами:

Путин: западные партнеры подставились с санкциями (URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2133672>); **Президент России Владимир Путин комментируя в ходе ПМЭФ причины украинского кризиса, заявил, что западные партнёры РФ «впали в эйфорию»** (<http://www.segodaya.ru/news/162210>); **Нервничают чего-то европейские партнеры... Шибутные какие-то стали! Вот раньше было хорошо и душевно... Бродил по Европе запущенный Марксом призрак коммунизма, вызывая своими стенаниями у довольного обывателя лишь легкую усмешку...** (URL: <http://vegchel.ru/index.php?newsid=11147>).

Проблема словарной фиксации динамических процессов, происходящих в лексической системе (идеологизация/деидеологизация, актуализация/архаизация семантики слова и др.) является одной из активно обсуждаемых в последнее время, но не имеет однозначного решения. Общий словарь, в отличие

от словарей новой лексики, естественным образом отстает от быстро меняющейся языковой ситуации, включая многократно подтвержденные речевой практикой языковые факты. Современные активные процессы остаются за пределами традиционных словарей. Это является одной из причин, объясняющих необходимость разработки специальных лексикографических ресурсов, которые носят открытый характер и могут быстро реагировать на происходящие в языке изменения.

Таким образом, современная лексикографическая ситуация объясняет актуальность и значимость создания базы данных, отражающей прагматический словарь русского языка с учетом динамических процессов в этом лексическом фрагменте, и дает возможность осмыслить варианты лексикографирования разнородной прагматической семантики.

Электронный ресурс включает две составляющие части: во-первых, это словарные данные из авторитетных толковых словарей, во-вторых, описание семной структуры лексического значения, содержащего денотативный и прагматический макрокомпоненты. Таким образом, объяснительный потенциал базы данных позволяет обобщить имеющийся положительный опыт лексикографирования изучаемого словарного фрагмента.

Поиск в базе данных осуществляется с использованием разных «входов», обусловленных задачами пользователя: от леммы (к данным разных толковых словарей и далее – к результатам семантико-прагматического исследования этого слова); от конкретного словаря; от прагматической характеристики (например, от специальной пометы или словарного комментария); от стилистической пометы слова.

Анализ российских и европейских словарных традиций в семантизации прагматически маркированного слова позволяет определить принципы лексикографического описания особой лексической зоны языковой системы (способы толкования прагматической семантики, комментирующие пометы, адекватный иллюстративный материал). Результаты лексикографического анализа дают возможность рассмотреть ряд проблем теоретической и практической лексикографии: во-первых, как соотносится заданная авторами словарей семантика помет с их реальным функционированием (например, полифункциональная помета «разг.» зачастую несет информацию не только о стилистическом статусе слова, но и о его эмоционально-оценочных коннотациях; помета «устарелое» характеризует не только и не столько историческую перспективу языковой единицы, «вышедшей или выходящей из употребления»¹², но и идеологический компонент в семантике, к примеру, религиозной лексики; во-вторых, каким образом осуществляется распределение семантической и прагматической информации о слове по разным зонам словарной статьи, как соотносится семантика пометы, толкование и иллюстративный материал.

Поскольку в традиционной лексикографии до конца не разработаны способы подачи прагматической информации о слове, предлагаемая база данных не только суммирует наиболее ценный словарный опыт, но и предлагает дополнения и уточнения к существующей системе помет и расширяет/обновляет иллюстративный материал и вводит специальный комментарий (разрабатывая специальные

словарные формулы), касающийся особенностей семантики и употребления слова.

При работе с базой данных слово, введенное в строку поиска, приводит пользователя к данным ТСУ–1935, ТСОШ–1999, МАС, БАС, Толкового словаря русского языка конца XX века Г. Н. Складчиковой и Большого толкового словаря русского языка С. А. Кузнецова¹³. Эти данные одинаково важны как для моделирования будущей словарной статьи прагматически маркированного слова, так и для практики перевода, обучения русскому языку и экспертированию текста.

Каждое семантико-прагматическое исследование начинается с анализа лексикографической ситуации: выявление способов семантизации прагматической семантики в словарях разных типов; сопоставление традиций представления прагматически маркированного слова в отечественной и зарубежной лексикографии. Подготовке и осмыслению принципов составления нового словаря также предшествует углубленное изучение лексикографического контекста. Подобный сопоставительный анализ классических толковых словарей, предпринятый в 1980-е гг. в Новосибирском государственном университете, оказывается сегодня вновь востребованным в лексикологии и лексикографии, однако разработчики были сосредоточены на описании только эмотивно-оценочного слова. Электронная база данных существенно расширяет исследовательское поле, представляя лексику с относительно полным спектром прагматических смыслов в их соотношении друг с другом.

В качестве примера рассмотрим фрагмент электронной базы данных – метафорическое значение энтонима *клоп*. Лексема *клоп*

¹² Ушаков Д. Н. Как пользоваться словарем // Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ, 1935. – Т. 1. – С. XXI–LXXVI (ТСУ–1935).

¹³ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норит, 1998.

представлена во всех словарях, включенных в базу, кроме словаря Г. Н. Складневской. Общее прямое значение «Небольшое насекомое-паразит с неприятным запахом, питающееся кровью человека, животных или соком растений» с некоторыми вариациями представлено во всех толковых словарях. В метафорическом значении энтонима *клоп*, истолкованном и проиллюстрированном словарями почти одинаково (авторы БАС, МАС, ТСОШ используют толкование, пометы и иллюстративный материал, адекватно представленные в словаре Д. Н. Ушакова), актуализированы эмотивно-оценочные и возрастные характеристики: **ребенок, малыш (разг. фам. шутл.)**. – Ему захотелось **приласкать** мальчика. «Подика сюда, **клоп**», – сказал он. Чехов (ТСУ–1935); **Шутл. О маленьком ребенке**. (Беляеву) захотелось **приласкать** мальчика.

– Подика сюда, **клоп!** – сказал он.

Чех. Житейск. мелочь. – А ты-то **какой вырос!** – **обрадовался** Быков, **обнимающая** Ваню. – Когда я с тобой расстался, ты совсем **клопом** был. Саян.

Небо и земля (БАС); **Разг. шутл. О маленьком ребенке, малыше**. Ему захотелось **приласкать** мальчика. – Подика сюда, **клоп!** – сказал он. Чехов, Житейская мелочь. – А ты-то **какой вырос!** – Когда я с тобой расстался, ты совсем **клопом** был. Саянов, Небо и земля (МАС); **Шутл. О маленьком ребёнке, малыше**. Мальчик у неё **маленький, клоп** ещё совсем (ТСОШ–1999).

Словари солидарны в описании возрастного компонента, связанного с положительным отношением к объекту характеристики (шутливое): контексты описывают эмоционально-оценочное отношение говорящего как

ласковое и радостное (*обрадовался, приласкать, обнимать*). Кроме того, иллюстративный материал подтверждает/уточняет, что характеристика относится к лицу мужского пола (мальчик). Данные толковых словарей подтверждают и материалы из Национального корпуса русского языка:

Вот помню Васяку Мизгиря, уже старик был, а я клоп совсем (В. Личутин. Любостай. 1987); ... *В батьку пошел... Такой, пони-маешь, клоп, а соображает...* (С. Довлатов. Компромисс. 1981–1984); *В этот день Гошка шел по школьному двору, и какой-то клоп пролетел мимо него и очумело заорал: «Но пасаран!»* (М. Анчаров. Этот синий апрель. 1967).

Эта словарная информация представлена в первой, констатирующей, части базы данных.

Вторая составляющая электронного ресурса включает результаты специального исследования прагматически маркированной лексики, содержащей идеологический, национально-культурный, гендерный, социальный, возрастной и эмотивно-оценочный компоненты в значении слова. Комплексный анализ лексических единиц способствует более точному и последовательному описанию их многомерной семантики, выявлению микрокомпонентов, входящих в прагматический макрокомпонент, моделированию структуры прагматического значения.

В исследовании прагматической семантики слова используются материалы Национального корпуса русского языка¹⁴.

Моделирование структуры прагматического макрокомпонента включает выявление и определение статуса его составляющих и

¹⁴ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 17.07.2016 г.).

описание содержательных характеристик микрокомпонентов (гендерного, идеологического, национально-культурного, эмотивно-оценочного, социального и др.) в их соотношении друг с другом и с денотативным компонентом. Эти результаты являются значимыми для дальнейшего развития полевой теории лексического значения. Определение вариативного потенциала микрокомпонентов прагматической зоны значения в разных коммуникативных ситуациях дополняет и уточняет представление семасиологов о коммуникативной модели лексического значения слова (с опорой на разные типы лексикографических источников и материалы Национального корпуса русского языка).

Метафорический потенциал анализируемого энтомина *клоп* не исчерпывается теми эмотивно-оценочными значениями, которые представлены в толковых словарях. Отметим, однако, что семантизация значения «о маленьком ребенке» (шутливое) вполне удовлетворительна и имплицитно демонстрирует, кроме всех прочих прагматических компонентов, и такую составляющую, как национально-культурный компонент, т. е. специфическую семантическую единицу, свойственную русской системе энтоминимов. Национально-культурный компонент – это смысловой элемент, который выявляется особо сложно и требует дополнительного сопоставительного исследования (исключения составляют лексические единицы, обычно отмеченные всеми учебными пособиями, которые называют специфически

русские реалии, не характерные для других стран: *дача, самовар, борщ, степь, чум* и др.) [19]. Метафорические единицы, отражающие логические и мифологические особенности мышления говорящих, конечно, являются тем языковым материалом, который актуализирует национально-культурную специфику языка. «Уникальность метафоры заключается в том, что она может выступать как функциональная единица трех пространств: когнитивного, культурного и лингвистического» [20, с. 46; 21].

Действительно, энтоминим *клоп*, представляется меньше всего подходящим для ласковой и шутливой номинации малыша. Именно этот факт делает вполне мотивированной проверку семантического объема метафоры в других языках. Русско-французские и русско-итальянские переводные словари, следуя толковым словарям, отмечают у русской метафоры значение «о малыше»: 1) клоп – *punaise*; травяной клоп – *punaise des bois*; *pentatome*; 2) (о малыше) *marmot, bout d'homme*; *marmot* 1. мальчуган; кроха *les marmots* – детишки, ребятишки¹⁵; клоп 1) *cimice* 2) (о ребенке) *marmocchio, piccoletto*¹⁶

Французско-русские и итальянско-русские словари фиксируют иные метафорические значения: *punaise* 1. Клоп; *un matelas plain de ~s*; \diamond *plat comme une ~* угодливый, ползающий на брюхе (перед I); *une ~ de sacristie* святоша, ханжа¹⁷.

Punaise 1) клоп; 2) кнопка (канцелярская); *punais ust.* плохо пахнущий, с дурным запахом¹⁸.

¹⁵ Большой русско-французский словарь / Щерба Л. В., Матусевич М. И., Воронцова Т. П. и др. 200 тыс. слов и словосочетаний. «Русский язык-Медиа», 2004. Режим доступа: АBBYU Lingvo. Электронный словарь. Вып.: 14.0.0.390.2008 АBBYU

¹⁶ Новый большой русско-итальянский словарь / Канестри А. Б. 220 тыс. слов и словосочетаний. «Русский

язык-Медиа», 2006. Режим доступа: АBBYU Lingvo. Электронный словарь. Вып.: 14.0.0.390.2008 АBBYU

¹⁷ Французско-русский словарь активного типа / под ред. В. Г. Гака и Ж. Триомфа. – 2-е изд., доп. – М.: Русский язык, 1998. – 1055 с. (Г–Т). – С. 809.

¹⁸ Французско-русский словарь / сост. К. А. Ганшина. – 6-е изд., исправл. и доп. – М.: Советская энциклопедия, 1971. – 911 с.

Толковые словари европейских языков также не отмечают значение «о малыше», характерное для русской метафорической системы: *bug* <...> 4. (sl) *big bug, important person*. 5. (sl) *defect; snag; (source of) malfunctioning, eg in a computer*. 6. *Small hidden microphone* <...>¹⁹.

Punaise <...> 2. *Petit clou à tête plate et ronde, à pointe courte servant à fixer des feuilles de papier sur une surface; Punaise de sacristie; Punaise! Exclamation de surprise, de dépit* <...>²⁰.

Лексема *клоп* (*cimice*) в итальянском языке, в отличие от русского, также не имеет переносного значения «маленький ребенок»: для характеристики маленького человека или ребёнка используются лексема *pulce* (блоха). Например: *Ma la pulce argentina, 23 anni, un metro e 69 e due palloni d'oro, è assai ingorda* <...> *Meno pulce degli altri, 1.75 per 69 chili, anche se detto "El Guaje"(il bimbo) è lesto e mobile, ha in testa lo spazio del campo, recita a memoria gli schemi e non dimentica un verso* (MVP, le pulci atomiche del gol: attavvo che spraventa l'Europa. La Repubblica.it. 2011) – *Но аргентинская блоха, 23 года, ростом 1 метр и 69 – и два золотых мяча, очень жадный* <...>. *А второй футболист – не такая же блоха, как первый, 1.75 при 69 кг, даже если говорит “Эль Гуаје (ребенок) – быстрый и подвижный, у него в голове - всё пространство поля, повторяет на память схемы и не забывает направление”*. В данном контексте номинация *pulce* использована для указания на «низкий рост» футболиста, о чем свидетельствует тот факт, что другой игрок, более высокий, чем он, определяется в контексте как *не такая уж блоха*. Кроме того, здесь (даже

если словари не указывают эту разницу) номинация *pulce* употреблена для того, чтобы актуализировать молодой возраст игрока, противопоставляя молодость присущим игроку способностям и достигнутому успеху [22].

В китайском языке также не обнаруживается у энтомонима метафорического значения о маленьком ребёнке²¹.

Лексикографический и дискурсивный анализ показывает национально-культурную специфику исследуемой энтомологической метафоры и метафорической картины мира в целом. Результаты подобных сопоставительных исследований находят отражение в структуре базы данных прагматически маркированных лексических единиц.

Привлечение нового и более широкого текстового материала позволяет внести в лексикографическую интерпретацию энтомонима существенные дополнения и уточнения.

Во-первых, примеры из современных текстов не только подтверждают наличие упомянутого метафорического значения, но и свидетельствуют о развитии семантико-прагматической зоны слова: метафора *клоп*, варьирует эмотивную оценку от ласковой и шуточной до фамильярной и презрительно-пренебрежительной:

Бичуган, чучмек, обрубок, <...>, бройлер, клоп, шкет, шмокодявка, шкалик, недоструганный, задохлик, спиногрыз, каранет засмарканный, карлсон, малявка внепапочная, заусенец, шпингалет, крепьши бухенвальдский, а ну – вон оба отсюда!!! (Н. Коляда. Мы едем, едем, едем в далекие коая... 1995).

Кроме того, характеристика, нейтрализуя гендерную составляющую, применяется

¹⁹ Oxford advanced learner's dictionary of current English / A. S. Hornby. – Oxford University Press, 1974.

²⁰ Le nouveau petit Robert. Nouvelle édition du Petit Robert de Paul Robert. Dictionnaires le Robert. – Paris, 2002.

²¹ Авторы выражают благодарность О. С. Шойдиной за предоставленные материалы по китайскому языку.

не только к маленькому мальчику, но и к маленькой девочке:

Из ее носа на губу вытекла прозрачная сопля. – Ну? – строго спросил он. – Клоп, отвечай – кто тут нарисован? Она шмыгнула, втягивая соплю, и сказала: – Обака... – Как же – облако? (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы. 1980–2006).

Во-вторых, наиболее частотными в разных типах дискурсов, по данным Национального корпуса русского языка, являются сугубо отрицательные значения, характеризующие взрослого человека (мужчину) и его социальный статус.

• О ничтожном, презираемом человеке, стоящем на более низкой социальной позиции, по мнению собеседника (социальный компонент + гендерный компонент (о мужчинах) + эмоциональная оценка):

– Внучка моя! Тебе? – Фархадов задохнулся. – Ты же... клоп, тля. Жалкий клерчишка! Нищий. Сколько у тебя есть денег?

(С. Данилюк. Бизнес-класс. 2003); Я снова не ничтожество, не клоп, не пылинка – а автор картины, лучшей картины 343-го номера (В. Славкин. Картина. 1982); А рядом – Мишкевич. Ну тот... тот дорвался. Раздулся, как клоп, и торжествовал. У Мишкевича, при обычном нормальном мужском сложении и росте, не лицо, а какое-то крохотное недоличико. Ничтожность была выражена во всем облике этого человека не как отсутствие чего-либо, а как некая особое, присущее ему свойство – вроде шестого пальца или бородавки. Этакое дополнительное качество: ничтожность (Л. Чуковская. Почерк. 1980–1994).

• О презираемом, ненавидимом человеке (эмоциональная оценка + бранное):

Машинист заметил Колю и дружески кивнул ему из будки. «У, дрянь воню-

чая, древесный клоп!» – с ненавистью подумал Коля, высунул машинисту язык и погрозил ему кулаком (Б. Пастернак. Доктор Живаго. 1945–1955).

• О людях ничтожных, презираемых; расово, национально и идеологически чуждых:

Там он, конечно, постарался нарочью забыть, что совсем недавно талантливо описывал, как "гусеницы "тигров" храбрых войск СС давят азиатских недочеловеков, как клопов..." (М. Карпов. Список Визенталя // «Совершенно секретно». 2003.05.05).

• О людях, стремящихся жить за счет других, «кровопийцах»:

При этом всегда находится изрядное число клопов-дармоедов, которые горазды призывать-толкать людей на героическое или безрассудное...; Пусть пьет чужую кровь, как комар или клоп... Мама не засмеялась, хотя Майке показалось очень смешно: человек-клоп (Л. Матвеева. Пролётка. 1987).

Следующий шаг в механизме метафоризации дает переносное значение «тот, кто питается чужой кровью» применительно к абстрактным понятиям-олицетворениям – страх, живучий, как клоп, высасывающий кровь-жизнь человека: *Я вот свой страх затащил из старой халупы, керосином его выморить в себе пытался, а он, чо твой клоп, живуч... Да к тому же страх этот – хитрый клоп и, когда крови напьется, добреньким сверчком прикидывается – вроде бы верещит в щели, и тебе уютно (Е. Евтушенко. Ягодные места. 1982).*

• О внешних характеристиках человека:

Он отшатнулся и стал на глазах наливать кровь. Как клоп. – Я вас предупреждал, майор (Б. Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт. 1998).

Приведенные контексты являются вполне типичными и регулярно встречаются в

корпусе, демонстрируя развитие метафорической семантики энтонима.

База данных строится таким образом, чтобы, с одной стороны, показать лексикографическую традицию в отражении прагматической семантики слова, с другой стороны, выявить динамические особенности этого актуального для разных типов дискурсов словарного фрагмента. Результаты оказываются существенными и для современной теории дискурса. Исследование роли формально-содержательных признаков прагматически маркированной лексики в организации разных типов дискурсов (эмотивно-оценочного, самоидентификационного, конфликтного; дискурса отдельной языковой личности и др.) способствует уточнению и детализации существующей типологии дискурсов.

База данных прагматически маркированной лексики сопровождается разными видами лингвистически релевантной информации и позволяет решать принципиально новые за-

дачи: представление прагматической семантики в словарях разных типов (разработка лексикографической схемы прагматически маркированного слова, системы комментирующих помет и формирование корпуса иллюстраций, адекватно отражающих прагматическую семантику). Кроме того, электронный ресурс в существенной мере расширяет «доказательные возможности» лексикографических источников при выполнении лингвистической экспертизы, а также будет полезен в практике перевода и реконструкции фрагментов национальной картины мира.

Электронная база данных является своего рода подготовительным этапом для создания толкового многофункционального словаря русской прагматически маркированной лексики. Создание специального электронного словаря предполагает в первую очередь разработку лексикографических схем для семантизации разнородного прагматически значимого материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Кустова Г. И.** Семантическая разметка в электронных корпусах и электронных словарях // Корпусная лингвистика – 2011: Труды международной конференции. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. университет, 2011. – С. 234–242.
2. **Плунгян В. А., Рахилина Е. В.** Из корпусных наблюдений над лексикой: о семантической эволюции и лексических маркерах // *Revue des études slaves*. – 2012. – Т. 83, № 2–3. – С. 499–533.
3. **Инструментарий русистики: корпусные подходы** / отв. ред. А. Мустайоки. – Slavica Helsingiensia. – Хельсинки: Университет Хельсинки, 2008. – Вып. 34. – 371 с.
4. **Беликов В. И., Копылов Н. Ю., Пиперски А. Ч., Селегей В. П., Шаров С. А.** Корпус как язык: от масштабируемости к дифференциальной полноте // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции Диалог (2013). – 2013. – Т. 1, Вып. 12 (19). – С. 84–95.
5. **McEnery T., Hardie A.** *Corpus linguistics: Method, theory and practice*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 292 p.
6. **McEnery T., Wilson A.** *Corpus Linguistics: An Introduction*. – 2nd edition. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001. – 235 p.
7. **Резанова З. И., Шиляев К. С.** Этнонимы «русин», «русинский» в русской речи: корпусное исследование // *Русин*. – 2015. – № 1 (39). – С. 239–255.
8. **Bloomfield L.** *Language*. – London: George Allen & Unwin LTD, 1973. – 566 p.
9. **Greimas A. J.** *Sémantique structural*. – Paris: Presses universitaires de France, 1986. – 325 p.

10. Семантическая структура слова: сборник научных статей / под ред. А. А. Леонтьева. – М.: Наука, 1971. – 216 с.
11. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 138 с.
12. Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. – М.: ИЯ АН СССР, 1988. – С. 3–22.
13. Складеревская Г. Н. Прагматика и лексикография // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М.: Наука, 1995. – С. 63–71.
14. Складеревская Г. Н. К вопросу о прагматической информации в толковом словаре: возможны ли прагматические пометы? // Лингвистическая прагматика в словаре. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 1997. – С. 6–13.
15. Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Словари активного типа: объем лексикографической информации и способы ее представления // Слова и словари: Сборник научных статей, посвященных профессору В. Д. Черняк. – СПб.: Свое издательство, 2015. – С. 156–165.
16. Лукьянова Н. А. Экспрессивность в системе, словаре и речи // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 157–178.
17. Новосёлова О. А., Храмова Л. Н. Образная лексика диалектного употребления: приёмы лексикографической интерпретации // Слово. Высказывание. Текст / под ред. И. П. Матхановой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2009. – С. 241–248.
18. Langacker R. An Interview with Ronald Langacker, by Jozsef Andor // Acta Linguistica Hungarica. Cognitive Grammar: The State of the Art and Related Issues. – 2005. – Vol. 52 (4). – P. 343.
19. Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Язык городского пространства: словарь, карта, текст. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 240 с.
20. Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). – М.: Гнозис, 2005. – 472 с.
21. Pinto M. A., Danesi M. La metafora fra processi cognitivi e processi comunicativi. – Roma: Bulzoni, 1992. – 200 p.
22. Мусси В. Энтимологические звуковые и зрительные метафоры в русском и итальянском языках // Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение / под ред. И. П. Матхановой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – С. 182–189.

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.06](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.06)

Elena Yurievna Bulygina, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of Modern Russian Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

Scopus Author ID: [56895875000](https://scopus.com/authid/detail.url?authorID=56895875000)

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-5191-7896>

E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

Tatiana Aleksandrovna Tripolskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor of Modern Russian Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

Scopus Author ID: [56896035600](https://scopus.com/authid/detail.url?authorID=56896035600)

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-0820-0325>

E-mail: tr_tatiana@mail.ru

A DATABASE OF PRAGMATICALLY MARKED LEXICAL ITEMS OF THE RUSSIAN LANGUAGE: THE CONTENT, PRINCIPLES OF DESCRIPTION, AND POSSIBILITY OF USING

Abstract

Among the most significant current issues in the field of structural, systematic and communicative description of lexical meanings are identifying pragmatically marked lexical items, classification of various micro-components comprising the larger structure of the pragmatic macro-component within the lexical meaning, and examining their communicative potential. The solution of these theoretical problems is considered as a necessary condition of creating appropriate models for lexicographic description and typology of Pragmatically Marked Lexicon within active type dictionaries or/ and in special computer databases.

In the present project the attention is drawn to such essential problems of Pragmatic Semantics as the “speaker – language sign” interrelations. The problem that demands a combined systematic, structural and communicative approach is description of lexical meanings. There are certain pragmatically marked elements of human lexicon that should be revealed and described systematically.

The project explores the integral model of lexical meaning, including pragmatic macro components; describes the structure, content, variable potential and implementation of pragmatic semantics in different types of discourse; analyzes the ways how pragmatic semantics can be lexicographically presented in dictionaries of different types; develops the concept of lexicographical interpretation of pragmatically labeled items within the Russian lexical system.

The applied component of the project is creating a computer database of pragmatically marked vocabulary, available for a wide range of users: researchers, linguistic experts, interpreters and teachers of the Russian language. The described computer database of pragmatically marked vocabulary is based on the Russian and international experience in corpus and computational linguistics.

Keywords

Pragmatic macrocomponent, dynamic processes, Russian pragmatically marked lexicon database

REFERENCES

1. Kustova G. I. Semantic markup in electronic corpuses and electronic dictionaries. *Corpus Linguistics – 2011*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2011, pp. 234–242. (In Russian)

2. Plungian V. A., Rachilina E. V. Some observations on vocabulary: the evolution of the semantic and lexical markers. *Journal of Slavic Studies*. 2012, vol. 83, no. 2–3, pp. 499–533. (In Russian)
3. 3. *Tools of Russian Studies: Corps approaches*. Ed. Mustajoki A. Slavica Helsingiensia. Helsinki, Helsinki University Publ., 2008, vol. 34, 371 p. (In Russian)
4. Belikov V. I., Kopylov N. Yu., Piperski A. Ch., Selegey V. P., sharov S. A. Corpus as a language: from scalability to differential completeness. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. International conference «Dialogue» (2013). 2013, vol. 1, issue 12 (19), pp. 84–95. (In Russian)
5. McEnery T., Hardie A. *Corpus linguistics: Method, theory and practice*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2012, 292 p.
6. McEnery T., Wilson A. *Corpus Linguistics: An Introduction*. 2nd edition. Edinburgh, Edinburgh University Press Publ., 2001, 235 p.
7. Rezanova Z. I., Shilyaev K. S. Ethnonyms "Rusin", "Ruthenian" in Russian speech: corpus study. *Rusin*. 2015, no. 1 (39), pp. 239–255. (In Russian)
8. Bloomfield L. *Language*. London, George Allen & Unwin LTD Publ., 1973, 566 p.
9. Greimas A. J. *Structural semantics*. Paris, France Universities Presses Publ., 1986, 325 p. (In French)
10. *The semantic structure of the word*. Ed. A. A. Leontiev. Moscow, Nauka Publ., 1971, 216 p. (In Russian)
11. Sternin I. A. *The lexical meaning of the word in communication*. Voronezh, Voronezh University Press Publ., 1985, 138 p. (In Russian)
12. Apresyan Yu. D. Pragmatic information for explanatory dictionary. *Pragmatics and problems in-tensionality*. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1987, pp. 3–22. (In Russian)
13. Sklyarevskaya G. N. Pragmatics and lexicography. *Language – system. Language – text. Language – the ability*. Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. 63–71. (In Russian)
14. Sklyarevskaya G. N. On the question of pragmatic information in the Dictionary: are pragmatic litters? *Linguistic pragmatics in the dictionary*. St. Petersburg, Institute of Linguistic Studies of Russian Academy of Sciences Publ., 1997, pp. 6–13. (In Russian)
15. Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A. Dictionaries active type: content of the lexicographical information and ways of presentation. *Words and Dictionaries*. Coll. scientific articles dedicated to Professor V. D. Chernyak. St-Petersburg, Svoyo izdatelstvo Publ., 2015, pp. 156–165. (In Russian)
16. Lukyanova N. A. The expressiveness in the system, in the dictionary and in speech. *The human factor in language. Language mechanisms expressivity*. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 157–178. (In Russian)
17. Novoselova O. A., Hramtsova L. N. The figurative use of dialect vocabulary: lexicographical methods of interpretation. *Word. Discourse. Text*. Ed. I. P. Matkhanova. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2009, pp. 241–248. (In Russian)
18. Langacker R. An Interview with Ronald Langacker, by Jozsef Andor. *Acta Linguistica Hungarica. Cognitive Grammar: The State of the Art and Related Issues*. 2005, vol. 52 (4), pp. 343.
19. Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A. *Language of urban space: dictionaries, maps, text*. Moscow, Slavic Culture Languages Publ., 2015, 240 p.
20. Privalova I. V. *Interculture and verbal sign (Lingvokognitivnye foundations of intercultural communication)*. Moscow, Gnosis Publ., 2005, 472 p.
21. Pinto M. A., Danesi M. *The metaphor from cognitive to the communicative processes*. Rome, Bulzoni Publ., 1992, 200 p. (In Italian)
22. Mussi V. Sound and visual insect metaphors in the Russian and Italian languages. *Problems interpretative linguistics: the types of perceptions and linguistic realization*. Ed. I. P. Matkhanova. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2013, pp. 182–189. (In Russian)

© Н. А. Мишанкина, Е. А. Панасенко

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.07](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.07)

УДК 81'33 + 81'27

БАЗА ДАННЫХ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ

Н. А. Мишанкина, Е. А. Панасенко (Томск, Россия)

В статье рассматриваются этапы и проблемы концептуального проектирования базы данных метафорической терминологии, ранее не выступавшей объектом подобного описания. Лингвистические базы данных – активно развивающееся в последние десятилетия направление лингвистики, но работа в этой области далека от завершения. Цель статьи – определение принципов концептуального проектирования базы данных метафорической терминологии.

Представленный в статье проект является междисциплинарным, т. к. основан на синтезе методологических направлений и методов: теории концептуальной метафоры в исследовании метафорической терминологии и теории концептуального проектирования реляционных БД при формировании концептуальной структуры лингвистического ресурса. В статье представлены результаты:

1. Обоснована концептуальная структура базы данных метафорической терминологии, разработанная на основании: спектра задач, на решение которых направлено ее создание; анализа предметной области (метафорическая терминология различных научных областей: научно-технической – геологическая, нефтегазовая терминология, информационные технологии, гуманитарной сферы – терминосистемы психологии, лингвистики, философии, социологии, естественных наук – медицина, биология, экология); данных, представленных в работах по исследованию метафорической концептуализации в терминосистемах.

2. Определены ядерные и периферийные объекты предметной области и связи между ними, на основании чего сформирована инфологическая схема проектируемой БД.

3. Определены атрибуты объектов и сформирована даталогическая схема реляционной базы данных. Разработанная структура первоначально реализована с использованием реляционной СУБД Microsoft Access.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта N 15-04-00302 «Метафорическая концептуализация в формировании терминосистем: гносеологические универсалии русской научной картины мира».

Мишанкина Наталья Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, Институт международного образования и языковой коммуникации, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, профессор кафедры гуманитарных проблем информатики, Томский государственный университет.
E-mail: mna@tpu.ru

Панасенко Елена Александровна – аспирант кафедры русского языка как иностранного, Институт международного образования и языковой коммуникации, Национальный исследовательский Томский политехнический университет.
E-mail: panilena@sibmail.com

Ключевые слова: концептуальное проектирование, лингвистическая база данных, научный дискурс, метафорическая терминология, концептуальная метафора, гносеологическая функция.

Актуальность предлагаемого исследовательского проекта обусловлена целым рядом теоретических и прикладных проблем современной лингвистики, связанных с поиском способов сбора, хранения и обработки лингвистических данных, разработкой методик и технологий их представления, релевантных для построения функциональной модели языка. В этой связи лингвистика активно обращается к технологиям работы с информацией: базам данных, технологиям информационного поиска и аккумулирующим предыдущие технологии создания лингвистических корпусов.

Одной из наиболее последовательно применяемых в лингвистике представляется технология **баз данных** (БД), позволяющая создавать структурированные массивы данных, хранимые и управляемые с применением компьютерных устройств, используемые для создания и функционирования эффективных информационных систем. Предпосылки для применения этой технологии в лингвистике связаны с решением таких задач как: поиск способов фиксации и сохранения языковых данных, их структурирования и первичного анализа, как единиц языковых уровней (грамматиконы, словари, фонетические базы данных) так и целостных текстов и фрагментов дискурсов; организации доступа к этим материалам широкого круга исследователей; поиска новых методов обработки материала для получения новых результатов; верификации результатов исследования за счет обращения к

материалу большего объема. В современной лингвистике компьютерное представление информации на основе технологии БД используется в самых разных областях: в типологических и сравнительных, фонетических, лексических, грамматических исследованиях; лексикографии; семантических исследованиях, включая составление тезаурусов; в компьютерной лингвистике и для решения прикладных лингвистических задач (лингводидактических, автоматизированного перевода, автоматического распознавания и синтеза речи)¹ [1–2]. В России работа над лингвистическими ресурсами была начата в связи с созданием Машинного фонда русского языка.

В настоящий период развития этой технологии в сфере лингвистики можно говорить о двух основных типах БД: 1) в полнотекстовых представлены целостные тексты, относящиеся к какой-либо дискурсивной сфере. Примером такого ресурса может выступить БД «Среднеобский фольклор» (<http://mion.tsu.ru/song>), созданная в рамках проекта развития информационной системы «Межрегиональные исследования в общественных науках», а также этот вид БД применяется при создании лингвистических корпусов; 2) лингвистические БД фактографического типа, содержащие структурированную информацию о лингвистических единицах различного рода. Сегодня целый ряд отечественных и зарубежных исследовательских проектов направлен на разработки в об-

¹ Асиновский А. С., Архипова Е. А., Богданова Н. В. и др. Полевая лингвистическая практика. Ч. 1. Теоретические основы и методика сбора лингвистических данных для представления их в речевом кор-

пусе русского языка: уч.-метод. пособие. – СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2007. – 141 с.; Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: уч. пособие. – М.: Корона Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.

ласти компьютерной лексикографии при создании словарей специальной и терминологической лексики. К таковым, например, относятся: «Хронологический морфемно-словообразовательный словарь русского языка», база фонетических данных, БД по русским прилагательным *EDGE*², «Языки мира» [2], БД морфологически и фонетически «отмеченных» лексем из дидактических текстов, предназначенных для детей 4–5 лет, на чешском, словацком и польском языках [3], БД сравнений украинского поэтического языка второй половины XX в. [4], БД латинской лексики простонародья из текстов латинских надписей отдельных частей европейских провинций Римской империи [5], БД китайских метафор-имен существительных [6–7], БД по морфологии ижорских эпических песен [8], БД грамматически-информативных предложений для лингвистических и вычислительных исследований [9], БД специальной лексики белорусского языка³, БД по топонимике Ингерманландии [10] и др.

Обилие и разнообразие исследовательских проектов показывает, что работа в этой области далека от завершения. Полагаем, что особые теоретические перспективы связаны с использованием технологии БД в исследовании лингвокогнитивной деятельности. И здесь также можно говорить о двух направлениях исследований. Первое связано с принципами моделирования лингвистических тезаурусов и БД. В ряде работ⁴ ставится вопрос о перспективах использования естественно языковой

категоризации в логико-лингвистическом концептуальном моделировании [11]. В настоящее время существует два подхода в создании банков данных: а) построение алгебро-логических баз данных; б) построение языковых моделей предметных областей. Как правило, в решении прикладных задач профессиональными программистами доминирует первый подход, но Р. Ю. Кобрин отмечает, что лингвистическое моделирование может выступать в качестве основы концептуального. В частности, такую задачу автор решает на материале лингвистического анализа терминологии, устанавливая систему семантических отношений в рамках заданной области⁵.

Второе направление связано с поиском методов описания лексической семантики для представления в БД, что позволяет получать данные о способах концептуализации действительности в том или ином языке, в том числе в научном, в рамках различных терминосистем. Особый интерес вызывают с метафорические аспекты концептуализации в связи с ее гносеологическим потенциалом.

Гносеологический потенциал метафорической концептуализации изучается с XX в., но до сих пор не осуществлено последовательное системное описание метафорической терминологии в аспекте когнитивного моделирования. В работах [12–15] показано, что роль метафоры в научном познании актуализируется за счет ее гносеологической функции при формировании гипотетической модели исследуемого объекта.

² Асиновский А. С., Архипова Е. А., Богданова Н. В. и др. Указ. соч.

³ Мицкевич О. С. Лингвистическая база данных (ЛБД) специальной лексики белорусского языка с точки зрения потенциальных пользователей // Прикладная лингвистика в науке и образовании: сб. трудов VI Международной научной конференции, 5–7

апреля 2012 г., Санкт-Петербург. – СПб.: Книжный дом, 2012. – С. 203–206.

⁴ Марчук Ю. Н. Компьютерная лингвистика: учебное пособие. – М.: АСТ: Восток - Запад, 2007. – 317 с.

⁵ Кобрин Р. Ю. Лингвистическое описание терминологии как база концептуального моделирования в информационных системах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1989. – 42 с.

Термин выступает базовой единицей концептуализации и структурирования научной области, в метафорических фрагментах терминосистем получает отражение гносеологическая функция метафорического моделирования. Формирующееся в настоящее время когнитивное терминоведение⁶ постулирует в качестве ключевой идеи тезис о том, что семантическая организация термина обусловлена ассоциативно-образным переосмыслением общезыковой информации, запечатленной в языковом сознании, при этом национальная специфичность информационно-терминологической сферы конкретного национального языка, обусловленной унифицированными терминообразующими средствами, свойственными данному языку [15–17].

Результаты исследования метафорической терминологии [15, 17–18] показывают, что при формировании русских терминосистем гносеологические процессы базируются на общегносеологических процессах в целом и в силу этого в научной сфере функционируют гносеологические универсалии – метафорические модели, регулярно участвующие в познавательных актах. Проведенный анализ метафорических моделей концептуализации в различных научных областях: научно-технической отрасли (нефтегазовая терминология, информационные технологии), гуманитарной сферы (терминосистемы психологии, лингвистики), естественных наук (медицина и биология) позволил выявить целый ряд универсальных метафорических структур: *Дерево*: *дерево графов*; *древовидные ветвящиеся сосуды*; *дерево формальных выводов*. *Кора*: *земная кора*; *кора головного мозга*. *Ядро*: *ядерная семя*; *ядро клетки*; *ядерная катаракта*; *ядро атома*. *Поле*: *поле зрения*; *феноменальное*

поле; *поле наблюдения*, *векторное поле скоростей*. *Вершина*: *вершины иерархий*, *вершина графа*. *Поток*: *поток ассоциаций*, *поток частиц*, *поток генов*. *Тело*: *тело знака*; *мозолистое тело*. *Сеть*: *сетка фиброзная*; *сетчатка глаза*, *нейронные сети*, *семантические сети*, *разностная сетка*; *коммуникационные*, *электрические*, *телефонные и т.п. сети*.

Полагаем, что задача выявления и систематизации этих моделей может быть эффективно решена с применением технологии БД. База данных метафорической терминологии позволит выявить подобные универсальные метафорические структуры в терминосистемах различных дисциплин и позволяет решать ряд теоретических и прикладных задач, связанных с выявлением и описанием гносеологических процессов в русском научном дискурсе, решением задач терминоведения и терминографии.

Отметим, что в литературе представлены проекты создания БД, отражающих метафорические фрагменты различных дискурсов и языков. В частности, следует назвать БД русской политической метафоры, послужившей основой для «Словаря политической метафоры» [19], существуют активно развивающиеся проекты зарубежных исследователей по описанию концептуальной метафоры. Такие как, например, БД концептуальных метафор итальянского языка [20] или БД массовой метафоры, создаваемая на материале французского и немецкого языков [21].

Однако метафорические фрагменты терминосистем различных дисциплин еще не были отражены в единой БД. В этой связи цель настоящей работы – определение принципов концептуального проектирования базы данных русской метафорической терминологии.

⁶ Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: уч. пособие. – М.: Флинта-наука, 2011. – 224 с.

Междисциплинарность предлагаемого проекта предполагает синтез двух базовых методологических направлений и, соответственно, методов. В качестве базовой методологической теории в исследовании метафорической терминологии принимается теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа, т. к. процесс метафорической концептуализации при формировании терминов определяется как сложная ментальная операция, включающая универсальные метафорические модели. В основу процесса положена процедура обработки знаниевых структур – фреймов, соотносимых на основе аналогии [22]. Описанию систем концептуальных метафор посвящено значительно количество работ зарубежных и российских лингвистов [23–27]. Методика такого описания ранее не была четко эксплицирована, что вызывало последовательную критику, однако в работах российских лингвистов-метафорологов [25, 27] была предложена система методических приемов выявления концептуальной метафоры. Коротко охарактеризуем ее: концептуальная метафора реализуется в системе метафорических моделей, получающих отражение в системе лексических метафор, которые и выступают объектом анализа. Процедура анализа выглядит следующим образом: 1) метафорические единицы подвергаются процедуре компонентного анализа – проводится сопоставление прямого (исходного словарного) и переносного (текстового) значения слова, в результате чего определяются понятийные области, к которым могут быть отнесены исходное и результативное (терминологическое) значение; 2) метод метафорического моделирования привлекается для выявления метафорических моделей, а также целостных знаниевых структур (фреймов),

опорных для формирования представлений об объекте научного описания.

Второе методологическое основание – технологии концептуального проектирования реляционных БД⁷, включающие следующие этапы: 1) определение спектра информационных задач, на решение которых ориентирован создаваемый ресурс; 2) анализ предметной области и формирование ее инфологической схемы в соответствии со спектром задач (выявление базовых информационных сущностей и связей между ними); 3) формирование дата-логической схемы предметной области в формате реляционной БД. Описанная методология отражена в системе приемов, которую можно обозначить как метод концептуального проектирования структуры БД. В качестве инструмента апробации результатов процесса проектирования использовалась реляционная СУБД *Microsoft Access*.

Эмпирическим материалом послужили терминологические словари следующих научных областей: биология, геология, информатика, лингвистика, медицина, психология, социология, философия, экология. Общее количество проанализированных источников – 65, количество выявленных метафорических терминологических единиц – около 2 000 единиц.

Представим результаты концептуального проектирования в соответствии с названными выше этапами.

Проектируемая БД метафорической терминологии ориентирована на решение основной задачи – выявление универсальных метафорических моделей, отражающих гносеологические универсалии, концептуальные метафоры, являющиеся ключевыми для русского научного дискурса. Кроме того, проектируемая БД позволит решить ряд частных задач:

⁷ Советов Б. Я., Цехановский В. В., Чертовской В. Д. Базы данных: теория и практика – М.: Юрайт, 2012. – 463 с.

- определить границы метафорического фрагмента отражаемых научных областей;
- определить область функционирования и степень уникальности/универсальности метафорического термина;
- описать отдельный метафорической термин как полисемантическую единицу и выявить случаи его некодифицированного семантического варьирования;
- выявить лексические единицы национального языка, наиболее востребованные в терминообразовании;
- определить степень вовлеченности той или иной метафорической модели (фреймовой структуры) в процессы терминообразования;
- выявить случаи терминологической омонимии и провести разграничение метафорического термина и термина-омонима.

Следующий этап проектирования – анализ предметной области. В нашем случае – это система метафорической терминологии таких научных областей как: геология, информатика, медицина и биология, психология, лингвистика, философия и социология. Отметим, что при создании лингвистических информационных ресурсов, кроме информационных потребностей, которым должна удовлетворять проектируемая БД, следует учитывать и то, что в качестве предметной области здесь выступает фрагмент языковой системы, поэтому при формировании структуры необходимо учитывать уже разработанные в лингвистике описания и классификации. Поэтому мы обращались к работам, объектом исследования в которых выступала метафорическая терминология.

Концептуальное проектирование базы данных метафорической терминологии связано с решением следующих задач: 1) определением фрагментов метафорических терминов в разных терминосистемах; 2) выявлением по-

нятийных областей и фреймовых структур, регулярно выступающих в качестве исходных при образовании терминов; 3) определением регулярных концептуальных метафорических моделей. В этой связи полагаем, что в анализируемой предметной области в соответствии с ключевой задачей БД можно выделить три типа базовых объектов-сущностей: 1) лексическая единица, на основании семантики которой формируется терминологическое понятие; 2) метафорический термин той или иной предметной области; 3) метафорическая модель как устойчивая схема соотнесения понятийных областей, участвующих в терминообразовании. Эти предметные сущности формируют следующую концептуальную структуру (рис. 1).

Центром БД является объект-сущность «Лексическая единица», она объединяет все вспомогательные объекты, которые представляют собой данные о метафорических терминах в различных предметных областях, что отражается в названиях. Каждый объект (метафорический термин) связан с центральной таблицей, т. к. мы рассматриваем метафорические термины как семантические производные от лексических единиц национального языка. Третья предметная сущность – метафорическая модель также связана с каждой из вспомогательных, но она является дополнительной, т. к. проведенный анализ выявил ограниченную систему моделей.

Система связей между объектами-сущностями отражена в инфологической схеме в виде линий их соединяющих. Каждая из вспомогательных таблиц связана с центральной («Лексическая единица») и вспомогательной («Метафорическая модель»).

Следующим этапом проектирования является построение даталогической схемы БД, представляющей из себя систему таблиц, поля которых отображают атрибуты описываемых объектов. Каждый объект БД описан через

собственную систему атрибутов, поэтому структуры центральной и вспомогательной таблиц различаются. Сложность параметризации семантики единиц естественного языка отмечают почти все исследователи. Отечественные и зарубежные работы в области семантики предлагают широкий спектр методик

и приемов, но полное описание плана содержания языковых единиц остается проблемой, которая не решена по сей день. Тем не менее, традиционная лексикографическая практика позволяет опираться на разработанные и апробированные образцы.

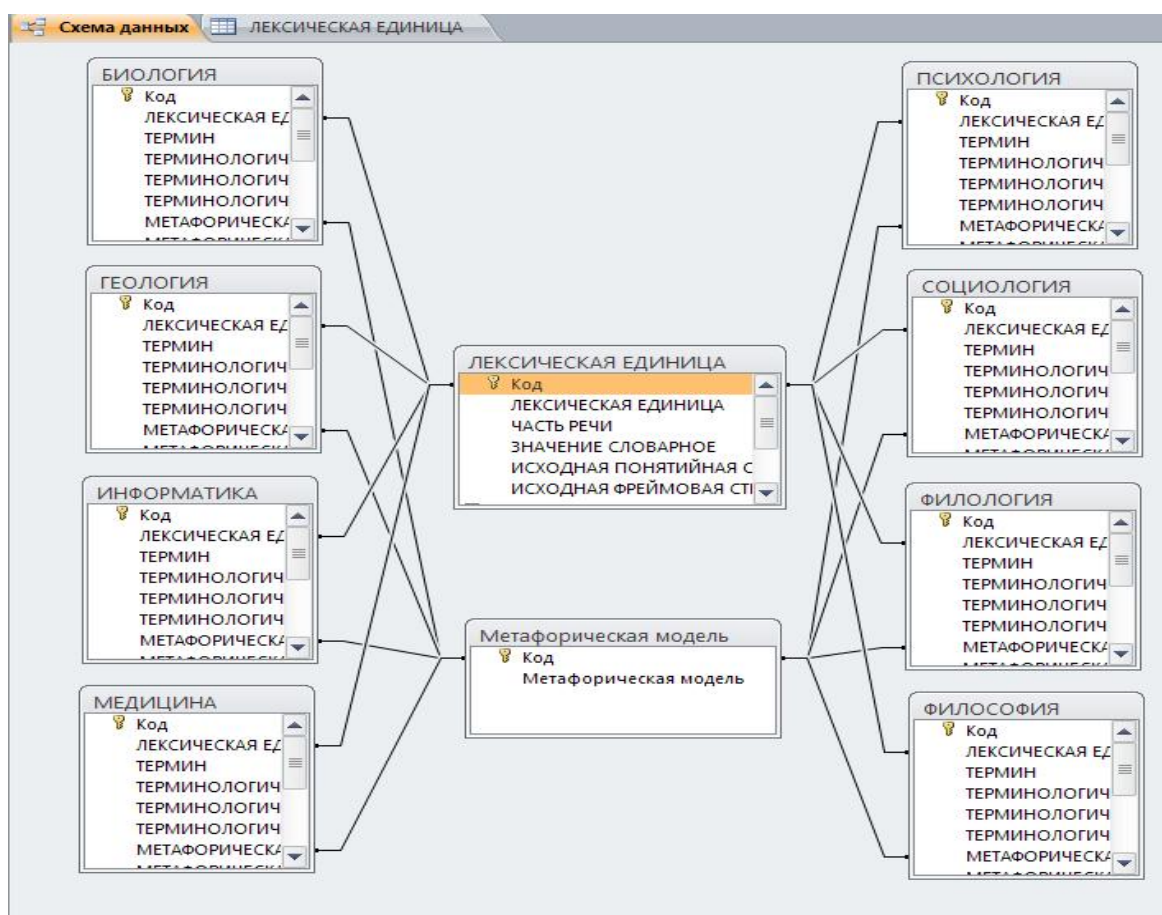

Рис. 1. Схема данных БД метафорической терминологии

Fig. 1. Datasheet DB metaphorical terminology

Структура центральной таблицы представлена на рис. 2. В данном случае в качестве атрибутов выступают грамматические и семантические параметры отдельных лексических единиц.

Как и в традиционной словарной статье, при формировании параметров атрибуции единицы в БД выделяются следующие: собственно ЛЕ, грамматическая информация –

принадлежность к определенной части речи; словарное значение единицы. Но, кроме того, исходя из задач БД, в качестве атрибутов определяется исходная понятийная область и исходная фреймовая структура. В данном случае нами был принят подход, предложенный в БД русской политической метафоры.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА	
Имя поля	Тип данных
Код	Счетчик
ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА	Текстовый
ЧАСТЬ РЕЧИ	Текстовый
ЗНАЧЕНИЕ СЛОВАРНОЕ	Текстовый
ИСХОДНАЯ ПОНЯТИЙНАЯ ОБ.	Текстовый
ИСХОДНАЯ ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА	Текстовый
ГРАФИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ	Вложение

Рис. 2. Структура таблицы «Лексическая единица»

Fig. 2. The structure of the table "Lexical unit"

Современные системы управления базами данных дополнены возможностями интеграции мультимедийных объектов. Это позволяет включить в БД данные другого типа: графические, аудио- или видеоматериалы, наглядно демонстрирующие денотативную составляющую семантики, что, в случае с исследованием метафорической концептуализации, играет весьма значительную роль, т. к. далеко не всегда терминологическое значение, зафиксированное в словаре, имеет общие эксплицированные семантические компоненты с

исходным значением лексической единицы. Поэтому кроме названной вербальной и концептуальной информации мы посчитали необходимым включить дополнительные графические данные, наглядно представляющие денотативный компонент семантики.

Структура вспомогательных таблиц, описывающих метафорическую терминологию исследуемых научных областей, тождественна (рис. 3).

БИОЛОГИЯ	
Имя поля	Тип данных
Код	Счетчик
ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА	Числовой
ТЕРМИН	Текстовый
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ	Текстовый
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОНЯТИЙНАЯ ОБ.	Текстовый
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА	Текстовый
МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ	Числовой
МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ПОДМОДЕЛЬ	Текстовый
ДИСЦИПЛИНАРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ	Текстовый
КОНТЕКСТ	Текстовый
ИСТОЧНИК	Текстовый
ГРАФИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ	Вложение

Рис. 3. Структура вспомогательных таблиц

Fig. 3. The structure of the auxiliary tables

Вспомогательные таблицы описывают большее количество атрибутов и, соответственно, содержат больший объем информа-

ции. Кроме естественно предполагаемых полей, содержащих собственно метафорический термин и его значение, в таблице содержатся

поля, описывающие концептуальные параметры: терминологическую понятийную область (сфера-мишень в терминологии Дж. Лаккоффа) и терминологическую фреймовую структуру. Помимо этого в таблицу включены поля для описания метафорической модели (устойчивой схемы соотнесения исходной и терминологической понятийных областей) и метафорической подмодели (соотнесение фреймовых структур).

Мы посчитали необходимым включить в таблицу информацию о контекстах употребления термина, а также информацию, уточняющую дисциплинарную область функционирования термина. Включено в ряд атрибутов и графическое изображение объекта, номинируемого термином, что позволит сопоставить не только словарные описания семантики, но и внешний вид метафорически отождествляемых объектов.

Таблица «Метафорическая модель» выполняет роль вспомогательной по отношению к таблицам, отражающим метафорическую терминологию (рис. 3).

Полагаем, что представленная структура впоследствии может быть уточнена, т. к. формальное описание процессов и результата метафорической концептуализации представляет значительную трудность. Кроме того, проблема, требующая дальнейшего разрешения – разработка унифицированной системы обозначения понятийных областей и фреймовых структур для обеспечения эффективности поиска и выборки информации из БД.

В работе И. М. Кобозевой⁸ обозначена проблема, связанная с формализацией параметров метафорической единицы при представлении ее в БД русской политической метафоры. Автор справедливо отмечает, что ограничение, налагаемое формальным описанием противоречит минимальным требованиям к репрезентации метафоры, т. к. предполагает ограниченное множество фреймовых структур и ограниченный метаязык представления знаний. В статье предложено решение проблемы, которое мы постараемся учесть при разработке системы обозначений. Но в то же время отметим, что сам наш объект описания – терминология – представляет собой более строгую систему, чем общенациональный язык в целом, в том числе в аспекте метафоризации.

Подводя итог, отметим, что решение задачи создания лингвистических информационных ресурсов может рассматриваться как актуальная задача, с одной стороны, прикладной, а с другой – теоретической лингвистики. Ресурс, объединяющий данные о процессах метафорической концептуализации в различных научных областях, позволит получать данные о составе и объеме метафорических фрагментов терминосистемы, их концептуальной специфике и структуре, о функционирующих в данной сфере метафорических моделях. Полагаем, что ресурс подобного рода будет востребован и в учебном процессе: как лексикографический источник в преподавании курсов «Лексикография», «Лексикология», «Лингвокультурология», «Языковая картина мира», «Русский язык как иностранный» и др.

⁸ Кобозева И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода [Электронный

ресурс] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – 2002. – URL: <http://www.dialog-21.ru/en/digest/2002/articles/kobozeva>. (дата обращения 07.07.2016).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Герд А. С.** Прикладная лингвистика: монография. – СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2005. – 268 с.
2. **Ярославцева Е. И.** Грамматикон и база данных «Языки мира» // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики: Сб. мат-лов семинара «Актуальные проблемы прикладной лингвистики / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания; отв. ред. А. И. Новиков. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 339–357.
3. **Garabík R., Caravolas M., Kessler B., Höflerová E., Masterson J., Mikulajová M., Szczerbiński M., Wierchoń P.** A cross-linguistic database of children's printed words in three Slavic languages' // Computer Treatment of Slavic and East European Languages: Fourth International Seminar, Bratislava, Slovakia, 25–27 October 2007: Proceedings / Eds. J. Levická, R. Garabík. – Bratislava: Tribun, 2007. – P. 51–64.
4. **Makovetska-Gudz Yu. A.** The linguistic database of Ukrainian similes // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. Філологічні науки. – 2008. – № 2. – С. 238–242.
5. **Adamik B.** Computerized Historical Linguistic Database of the Latin Inscriptions of the Imperial Age // From Polites to Magos: Studia György Németh sexagenario dedicata / Ed. Szabó Ádám. – Budapest; Debrecen: University of Debrecen Department of Ancient History, 2016. – P. 13–27. (Hungarian Polis Studies)
6. **Zhimin Wang, Shiwen Yu, Zhifang Sui.** The Chinese Noun Metaphors Knowledge Base and its Use in the Recognition of Metaphors // IEEE/WIC/ACM International Conference on Web Intelligence and Intelligent Agent Technology (WI-IAT). – IEEE, 2010. – P. 186–189. DOI: <http://dx.doi.org/10.1109/WI-IAT.2010.168>
7. **Lei Wang, Shiwen Yu, Zhimin Wang, Weiguang Qu, Houfeng Wang.** A Study on Metaphors in Idioms Based on Chinese Idiom Knowledge Base // Chinese Lexical Semantics. – 2014. – Vol. 8922. – P. 434–440. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-3-319-14331-6_43
8. **Николаев И. С.** Исследовательская база данных по морфологии ижорских эпических песен: терминология, модели и реализация // Структурная и прикладная лингвистика. – 2010. – № 8. – С. 233–242.
9. **Hongzhi Xu, Helen Kaiyun Chen, Chu-Ren Huang, Qin Lu, Tin-Shing Chiu, Dingxu Shi.** A Grammar-informed Corpus-based Sentence Database for Linguistic and Computational Studies // Proceedings of International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC) / Eds. N. Calzolari, Kh. Choukri, T. Declerck, M. Uğur Doğan, B. Maegaard, J. Mariani, A. Moreno, J. Odijk, S. Piperidis. – Istanbul, Turkey, 2012. – P. 3140–3144.
10. **Николаев И. С.** Географическая терминология в базе данных по топонимике Ингерманландии // Структурная и прикладная лингвистика. – 2015. – № 11. – С. 161–167.
11. **Никитина С. Е.** Семантический анализ языка науки: на материале лингвистики: монография. – 2-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 146 с.
12. **Ankersmit F.** History and Topology: The Rise and Fall of Metaphora. – Berkeley-Los Angeles-Oxford: University of California Press, 1994. – 244 p.
13. **Гусев С. С.** Наука и метафора: монография. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984. – 150 с.
14. **Володина М. Н.** Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация: монография. – М.: Изд-во Московского университета, 2000. – 128 с.

15. **Резанова З. И.** Пространственные метафоры в лингвистическом тексте // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте: коллективная монография / под ред. З. И. Резановой. – Томск: UFO-Plus, 2007. – С. 326–357.
16. **Лейчик В. М.** Терминоведение: предмет, методы, структура: монография. – М.: URSS, 2009. – 256 с.
17. **Деева А. И.** Специфика метафорического фрагмента русской нефтегазовой терминосистемы // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 387. – С. 15–21.
18. **Рахимова А. Р.** Параметр «глубина» в научном психологическом дискурсе // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 4. – С. 170–181.
19. **Баранов А. Н., Караулов Ю. Н.** Словарь русской политической метафоры. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 330 с.
20. **Alonge A.** Italian Metaphor Database: una base di dati sulle metafore in italiano per sistemi di Trattamento Automatico del Linguaggio // Prospettive nello studio del lessico italiano / Ed. Cresti E. – Firenze: Atti SILFI, 2006. – FUP: Vol I. – pp. 253–257.
21. **Lönneker-Rodman B.** The Hamburg Metaphor Database project: issues in resource creation // Language Resources and Evaluation. – № 42 (3). – 2008. – P. 293–318. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10579-008-9073-9>.
22. **Lakoff G., Johnson M.** Metaphors We Live by. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 193 p.
23. **Kovecses Z.** Metaphor – A Practical Introduction. – New York: Oxford University Press, 2010. – 396 p.
24. **Кульчицкая Л. В.** Парадигмальная и дискурсивная метафора в науке: когнитивный подход // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2012. – № 2. – С. 119–125.
25. **Резанова З. И.** Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – Т. 9, № 1. – С. 26–43.
26. **Седов А. Е.** Метафоры в генетике // Вестник Российской академии наук. – 2000. – Том 70, № 6. – С. 526–534.
27. **Чудинов А. П.** Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.08](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.08)

Natalia Aleksandrovna Mishankina, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian as a Foreign Language, Institute of International Education and Language Communication, Tomsk Polytechnic University, Professor of Department of Humanitarian Problems of Informatics, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-9669-9228>

E mail: mna@tpu.ru

Elena Aleksandrovna Panasenko, Post-Graduate Student Department of Russian as a Foreign Language, Institute of International Education and Language Communication, Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-1983-1731>

E mail: panilena@sibmail.com

THE METAPHORICAL TERMINOLOGY DATABASE: CONCEPTUAL DESIGN

Abstract

This paper presents stages and problems of conceptual design of metaphorical terminology database never before being the subject of description. The linguistic databases have been developing rapidly for the past decades but their development has not been completed. The purpose of the article is to define the principles of conceptual design of metaphorical terminology database.

The interdisciplinary project presented in the paper is based on the system of methodologic research areas and methods: the theory of conceptual metaphors in research of metaphorical terminology and the theory of conceptual design of relational databases in the process of formation of linguistic resource conceptual structure. The paper presents and explains 1) the conceptual structure of metaphorical terminology database developed from: a range of problems which are solved by this database; the analysis of research areas (metaphorical terminology of various scientific fields: scientific-and-technological – geologic, oil-gas terminology, information technologies, humanitarian – term systems of psychology, linguistics, philosophy, sociology, natural science - medicine, biology, ecology); data represented in works on research of metaphorical conceptualization in term systems. 2) Core and peripheral objects of scientific fields and relations between them are identified on the basis of which infological scheme of the database is formed. 3) The objects' attributes are identified and datalogical scheme of relational database is formed. The developed structure is originally realized with the use of relational DBMS Microsoft Access.

Keywords

Conceptual design, linguistic database, scientific discourse, metaphorical terminology, conceptual metaphor, gnoseological function.

REFERENCES

1. Gerd A. S. *Applied linguistics*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2005, 268 p. (In Russian).
2. Yaroslavtseva E. I. Grammar and databases “World languages”. *Scripta linguisticae applicatae. Issues of applied linguistics*. Moscow, Azbukovnik Publ., 2001, pp. 339–357. (In Russian)

3. Garabík R., Caravolas M., Kessler B., Höflerová E., Masterson J., Mikulajová M., Szczerbiński M., Wierzchoń P. A cross-linguistic database of children's printed words in three Slavic languages'. *Computer Treatment of Slavic and East European Languages: Fourth International Seminar, Bratislava, Slovakia, 25–27 October 2007: Proceedings*. Eds. J. Levická, R. Garabík. Bratislava, Tribun Publ., 2007, pp. 51–64.
4. Makovetska-Gudz Yu. A. The linguistic database of Ukrainian similes, *Bulletin of Lesya Ukrainka Eastern European National University*. 2008, no. 2, pp. 238–242.
5. Adamik B. Computerized Historical Linguistic Database of the Latin Inscriptions of the Imperial Age. *From Polites to Magos: Studia György Németh sexagenario dedicate*. Ed. Szabó Ádám. Budapest, Debrecen, University of Debrecen Department of Ancient History Publ., 2016, pp. 13–27.
6. Zhimin Wang, Shiwen Yu, Zhifang Sui. The Chinese Noun Metaphors Knowledge Base and its Use in the Recognition of Metaphors. *IEEE/WIC/ACM International Conference on Web Intelligence and Intelligent Agent Technology (WI-IAT)*. IEEE, 2010, pp. 186–189. DOI: <http://dx.doi.org/10.1109/WI-IAT.2010.168>.
7. Lei Wang, Shiwen Yu, Zhimin Wang, Weiguang Qu, Houfeng Wang. A Study on Metaphors in Idioms Based on Chinese Idiom Knowledge Base. *Chinese Lexical Semantics*. 2014, vol. 8922, pp. 434–440. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-3-319-14331-6_43.
8. Nikolaev I. S. The research database of morphology of Ingrian epic songs: terminology, models and realization. *Structural and applied linguistics*. 2010, no. 8, pp. 233–242. (In Russian)
9. Hongzhi Xu, Helen Kaiyun Chen, Chu-Ren Huang, Qin Lu, Tin-Shing Chiu, Dingxu Shi. A Grammar-informed Corpus-based Sentence Database for Linguistic and Computational Studies. *Proceedings of International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC)*. Eds. N. Calzolari, Kh. Choukri, T. Declerck, M. Uğur Doğan, B. Maegaard, J. Mariani, A. Moreno, J. Odijk, S. Piperidis. Istanbul, 2012, pp. 3140–3144.
10. Nikolaev I. S. Geographic terminology in Ingria toponymy database. *Structural and applied linguistics*. 2015, no. 11, pp. 161–167. (In Russian)
11. Nikitina S. E. *Semantic analysis of language of science: a case study of linguistics*. 2nd ed. Moscow, Librikom Publ., 2010, 146 p. (In Russian)
12. Ankersmit F. *History and Topology: The Rise and Fall of Metaphora*. Berkeley-Los Angeles-Oxford, University of California Press Publ., 1994, 244 p.
13. Gusev S. S. *Science and metaphor*. Leningrad, Leningrad University Publ., 1984, 150 p. (In Russian)
14. Volodina M. N. *Cognitive-informational nature of a term and terminological nomination*. Moscow, Moscow University Publ., 2000, 128 p. (In Russian)
15. Rezanova Z. I. Spatial metaphors in linguistic texts. *Russian worldviews: spatial models in language and text*. Ed. Z. I. Rezanova. Tomsk, UFO-Plus Publ., 2007, pp. 326–357. (In Russian)
16. Leychik V. M. *Science of terminology: subject, methods, structure*. Moscow, URSS Publ., 2009, 256 p. (In Russian)
17. Deeva A. I. Specificity of a metaphorical fragment of Russian oil and gas terminological system. *Tomsk State University Journal*. 2014, no. 387, pp. 15–21. (In Russian)
18. Rakhimova A. R. The parameter “depth” in the scientific psychological discourse. *Siberian Philological Journal*. 2015, no. 4, pp. 170–181. (In Russian)
19. Baranov A. N., Karaulov Y. N. *The dictionary of Russian political metaphor*. Moscow, Pomovsky & Partners Publ., 1994, 330 p. (In Russian)
20. Alonge A. The Italian Metaphor Database. *Proceedings of the Fifth International Conference on Language Resources and Evaluation. LREC*, 2006, pp. 455–460.

21. Lönneker-Rodman B. The Hamburg Metaphor Database project: issues in resource creation. *Language Resources and Evaluation*. 2008, vol. 42 (3), pp. 293–318. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10579-008-9073-9>.
22. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago, University of Chicago Press Publ., 1980, 193 p.
23. Kovecses Z. *Metaphor – A Practical Introduction*. New York, Oxford University Press Publ., 2010, 396 p.
24. Koulchitskaya L. V. Paradigm and discourse metaphors: a cognitive approach to metaphor in science. *Russian journal of linguistics: Vestnik RUDN*. 2012, no. 2, pp. 119–125. (In Russian)
25. Rezanova Z. I. Metaphorical segment of Russian linguistic picture of the world: ideas, methods, solutions. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2010, vol. 9, no. 1, pp. 26–43. (In Russian)
26. Sedov A. E. Metaphors in genetics. *Bulletin of Russian Academy of science*. 2000, vol. 70, no. 6, pp. 526–534. (In Russian)
27. Chudinov A. P. *Russia in metaphorical mirror: cognitive research of political metaphor (1991–2000)*. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2001, 238 p. (In Russian)

© В. А. Ефремов

DOI: 10.15293/2226-3365.1606.08

УДК 811.161.1

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И РУССКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ*

В. А. Ефремов (Санкт-Петербург, Россия)

В статье демонстрируются различные способы и пути гендерно ориентированного лингвистического анализа словарной статьи, направленного прежде всего на обнаружение в ней гендерных стереотипов и асимметрий. Цель данного исследования – эксплицировать разнообразные способы прямой или скрытой трансляции элементов концептуализации гендерной составляющей языковой картины мира в лексикографическом тексте как трансляторе определенной лингвокультуры. В ходе анализа с опорой на современные теории социальной когниции и гендерных стереотипов выявляются разные способы функционирования стереотипов в продукте лексикографической деятельности: через систему помет, иллюстративный материал, отбор лексем, традицию дефинирования. С помощью сопоставительного лексикографического анализа статей мужик и баба, представленных в базовых толковых словарях русского языка XVIII–XXI вв., проводится анализ гендерных стереотипов русской лингвокультуры в диахроническом аспекте: анализ изменений в филиации, семантизации, стилистической маркировке тех или иных значений этноспецифических ядерных вербализаторов концептов «мужчина» и «женщина» позволяет проследить как сохранение, так и трансформации представлений о гендерном устройстве российского общества. В заключение делается вывод о том, что, следуя той или иной традиции в толковании ключевых слов культуры и языковой картины мира, лексикографы не всегда ощущают гендерные стереотипы, характеризовавшие предшествующие эпохи и отразившие картину мира иного по гендерноролевой структуре общества. Глубинные причины сохранения подобных гендерных стереотипов – это, во-первых, несовпадение между когнитивной и языковой картинами мира и, во-вторых, сама диалектическая природа соотношения постоянного и изменяющегося в языке, его констант и трансформаций.

Ключевые слова: стереотип, концептуализация, гендерный стереотип, лексикография, лексемы «мужик» и «баба».

Как известно, в широкий научный обиход термин «стереотип» ввел американский общественный деятель и журналист У. Липп-

манн, который в работе «Общественное мнение» (1922) определил стереотипы как «образы в нашем сознании (*the pictures in our*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательских проектов № 15-04-00122 («Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты») и № 15-04-00318 («Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей»).

Ефремов Валерий Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
E-mail: valef@mail.ru

heads)», спасающие человека от сложности окружающего мира. «Стереотипы, – писал У. Липпманн, – это предвзятые мнения, которые решительно управляют всем процессом восприятия. Они маркируют определенные объекты как знакомые или незнакомые, так что едва знакомые кажутся хорошо известными, а незнакомые – глубоко чуждыми. Они возбуждаются знаками, которые могут варьировать от истинного индекса до неопределенной аналогии»¹. Все дальнейшие дефиниции стереотипа как языкового, философского, социального, этнографического, психологического, когнитивного или культурно-поведенческого явления так или иначе опираются на ставшую классической концепцию У. Липпманна, описавшего базовые характеристики данного феномена: устойчивость, ригидность, консерватизм, оценочность, экономичность, эмоциональность, традиционность, гипертрофированность (тенденциозность).

В работах современных психологов и социологов можно выделить два основных подхода к гендерным стереотипам, которые имеют прямое отношение к собственно лингвистическим исследованиям. Первый, социокультурный, утверждает, что «гендерные стереотипы – это стандартизированные представления о моделях поведения и чертах характера, соответствующие понятиям “мужское” и “женское”» [10, с. 16]. При таком подходе гендерные стереотипы анализируются как наиболее яркие и эффективные механизмы формирования традиционного гендерного поведения и социальных ролей (ср., например, коммуникацию родителей и детей, в которой гендерные стереотипы представлены наиболее ярко: *Мальчики не плачут! Нельзя быть такой гряз-*

нулей – ты же девочка! и т. д.). Второй, когнитивно-психологический, подход определяет гендерные стереотипы как «психологические и поведенческие характеристики, традиционно приписываемые мужчинам либо женщинам» [5, с. 351]. Основное отличие между данными подходами заключается в том, что в первом случае в генезисе и природе гендерной стереотипии основную роль играет культура, а во втором – психология личности.

Современная гендерная лингвистика в качестве постулата принимает тот факт, что в любом развитом языке можно найти примеры гендерных асимметрий (нетождественные представления и оценки ‘мужского’ и ‘женского’ в лингвокультурном пространстве) и гендерных стереотипов. Под последними понимают упрощающие и обобщающие эмоционально окрашенные суждения о «типичных» представителях разных гендеров. В лингвокультурном пространстве гендерные стереотипы могут существовать как эксплицитно (например, характеризующие пословицы типа «Волос долог, да ум короток», «Баба с возу – кобыле легче», «Все блондинки дуры»), так и имплицитно (например, разного рода грамматические и словообразовательные запреты, ограничения на лексическую сочетаемость типа **миловидный мужчина*, **кокетливый мачо*, **нахрапистая барышня*, **башковитая девушка* и мн. др.).

Лингвистическое исследование гендерной стереотипии удобнее вести именно на базе когнитивно ориентированного направления, потому что связь между языковыми механизмами концептуализации представлений о гендерной составляющей картины мира и вербализованными гендерными стереотипами более очевидна.

¹ Lippmann W. Public Opinion. – N.Y., 1922. – URL: <http://xroads.virginia.edu/~Hyper/Lippman/contents.html> (accessed 20.08.2016).

В последнее время для того чтобы разграничить индивидуальный и социальный (обусловленный во многом этнолингвистической спецификой) процессы познания окружающей действительности, в ряде работ западных этнопсихологов, когнитологов и лингвистов вопросы концептуализации связывают с так называемой «социальной когницией» (*social cognition*), под которой понимают совокупность процессов в сознании индивидуума, протекающих под влиянием внешних факторов, связанных с результатами деятельности социума.

Так, в исследованиях австралийского ученого Ф. Шарифьяна соотношение ментального и лингвистического представлено следующим образом: «Язык служит в качестве «банка памяти» для культурных концептуализаций его носителей, как в прошлом, так и в будущем» [6, с. 105]. При таком подходе социальная когниция рассматривается как «сложная адаптивная система», а концептуализация – как способ толкования людьми, принадлежащими различным культурным группам, собственного опыта и разнообразных точек зрения на мир. При этом Ф. Шарифьян подчеркивает, что культурная концептуализация существует в первую очередь благодаря языку: «лексические элементы человеческих языков следует рассматривать как способы «схватывания» и хранения культурных концептуализаций» [6, с. 109].

Одновременно бурное развитие собственно гендерной лингвистики привело к тому, что как для западной, так и для отечественной науки сверхактуальным аспектом современной гендерной лингвистики становится гендерный анализ разнообразных текстовых источников, на первый взгляд, весьма далеких от гендерной проблематики, например, школьных учебников или хрестоматий по

детской литературе [1], законодательных актов [4], справочниках [3] и научных энциклопедий [7]. К числу таких, внешне гендерно нейтральных текстов, анализ которых может вскрыть значимые для данной языковой культуры гендерные нюансы, необходимо отнести и лексикографические источники. Представляется, что анализ словарей (в первую очередь, толковых) позволяет по-новому взглянуть на основную проблему современных гендерных исследований – «какие роли, нормы, ценности предписывает общество мужчинам и женщинам через системы социализации, разделения труда, культурные ценности и символы» [9, с. 9]. Анализ лексикографических источников с точки зрения гендерного подхода дает возможность получить информацию о том, какие социальные и психологические нормы и предписания для мужчин и женщин фиксируются в справочном материале, как осмысляются в них концепты «мужественность» и «женственность», как выстраивается сам образ мужчины и женщины, с какими фрагментами мира и тематическими областями языковой картины мира связаны представления о маскулинности и феминности.

К сожалению, до сих пор исследования отечественных лексикографических источников в аспекте экспликации в них гендерной агональности и гендерных противоречий практически не проводятся. Из богатого корпуса разнообразных по жанру работ, написанных в русле российской гендерной лингвистики, данный аспект анализа представлен в материалах доклада А. А. Попова [15], анализирующего гендерную сочетаемость устойчивых сравнений, в краткой статье Е. А. Пименова [14], во многом ошибочно интерпретирующего сочетаемость ряда глаголов по гендерному признаку, и в кандидатской диссертации О. В. Вишняковой «Лингвокультурологическое описание гендера в лексикографии»

(Ярославль, 2006), эксплицирующей гендерные асимметрии славянской мифологии по данным энциклопедических справочников.

Гендерные стереотипы, эксплицитно или имплицитно присутствующие в результатах деятельности лексикографов, весьма разнообразны. В качестве примеров можно привести следующие способы отражения гендерных представлений в (мета)языковой деятельности авторов и составителей словарей:

1. Наличие в толковых словарях пометы *Жен. к.*, сопровождающей номинации профессий, рода деятельности, чинов, при отсутствии параллельной пометы *Муж. к.* (ср. **Писательница** *Жен. к.* писатель; **Морячка**. *Разг.* 1. К моряк (2 зн.). *Советы бывалой морячки*. 2. Жена моряка². Более того, в современных толковых словарях русского языка в принципе не используются гендерно толерантные способы подачи подобного рода номинаций, например: **Писательница**. Женщина-писатель. **Морячка**. 2. Женщина-моряк. (Существует, правда, и иной, более описательный способ толкования, используемый, например, в словаре Н. П. Колесникова: **Морячка**. 2. Женщина, связанная с морем, хорошо знающая его, опытная в морском деле. **Писательница**. Женщина, профессионально занимающаяся литературной деятельностью)³.

2. Отражение в иллюстративном материале словарных статей стереотипов патриархального сознания. Например, речения на слово *пол*, приводимые большинством русских толковых словарей, суть не что иное, как четкая вербальная фиксация древнейших стереотипов: *Прекрасный, нежный пол* (о женщинах). *Сильный пол* (о мужчинах). *Слабый пол* (о женщинах). Нередко сама иллюстрация может

эксплицировать не только употребление гендерно окрашенного слова, но и своего рода метаязыковые знания о нем и связанных с ним стереотипах: **Баба**. 4. *Разг. презр.* О слабом, нерешительном мужчине, мальчике. [Паратов:] *Если мужчина заплачет, так его бабой назовут; а эта кличка для мужчины хуже всего, что только может изобрести ум человеческий*. А. Островский, *Бесприданница*⁴.

3. Выбор в качестве иллюстративного материала к словам, обозначающим положительные черты человека, таких цитат из художественных текстов, в которых в качестве носителя этих характеристик предстает исключительно мужчина. Доказательством могут служить примеры гендерных асимметрий в зоне иллюстрации следующих словарных статей:

Мудрый. 1. Одаренный большим умом и обладающий знанием жизни, опытом. **Мудрый человек**. **Мудрый полководец**. \diamond *Актер, дающий жизнь во всем ее неизмеримом разнообразии, – не потешник и скоморох, а мудрый художник, знающий, сильный и нужный всем*. Южин-Сумбатов, О Щепкине⁵;

Сообразительный. Быстро схватывающий основное, существенное в чем-л., понятливый, находчивый. *Теперь, когда все собрались за одним столом, места для многих не хватит*. **Сообразительный Яшка** нашел выход: – он приволок несколько длинных и широких досок, подставили под них чурбаны, и получился порядочный стол. Саянов, Лена. || Свидетельствующий о понятливости, находчивости. *Это был очень складный, красивый мальчуган лет десяти, с умным, сообразительным личиком*. Павленко, *Степное солнце*⁶.

² Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.

³ Колесников Н. П. Толковый словарь названий женщин. – М.: АСТ, Астрель, 2002. – 608 с.

⁴ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Наука, 1981–1984. – Т. 1. – С. 53.

⁵ Там же. Т. 2. – С. 308.

⁶ Там же. Т. 4. – С. 195.

(См. также иллюстрации в толковых словарях русского языка к таким словам, обозначающим положительные черты человеческого характера и поведения, как *деятельный, доброжелательный, инициативный, опытный, толковый* и многие другие);

4. Фиксация новых гендерных стереотипов, появление которых связано с трансформациями в социокультурной действительности последних лет. В качестве частного косвенного доказательства актуализации гендерных вопросов в современном лингвокультурном пространстве можно привести тот факт, что в толковом словаре под ред. С. А. Кузнецова зарегистрированы 19 дериватов от слова *секс*, в то время как в «Словаре русского языка» их всего 6 (4 из которых – термины). Проблема взаимоотношений полов и новых форм выражения сексуальности привели к появлению таких слов и реалий, как, например, калькированное заимствование **Секс-бомба**. «*Шутл.* О женщине, подчеркивающей в своей внешности чувственную страсть, вызывающей сильное чувственное влечение»⁷.

Отдельного внимания заслуживает анализ традиции русского лексикографирования ядерных вербализаторов концептов *мужчина* и *женщина*, который позволяет выявить сопутствующие им как постоянные, так и переходящие гендерные стереотипы. Осознавая «многомерность» концепта [8, с. 16–17] и, следовательно, широту возможных путей его лингвистических исследований [11], остановимся лишь на некоторых аспектах традиции и способах описания ядерных лексем в отечественной толковой лексикографии, на примере слов *мужик* и *баба*.

(Справедливости ради надо сказать, что гендерные стереотипы пышным цветом расцветают не только на страницах толковых словарей, но и в таких, во многом лишенных лексикографической традиции источниках, как идеографические словари. Так, например, в «Идеографическом словаре русского языка» О. С. Баранова описание понятия ‘мужчина’ внутренне самостоятельно и детализовано (например, через раздел «мужская внешность»), а раздел «женщина» просто включен внутрь кластера «личность», наряду с другими.)

В истории русского языка диминутивный по сути своей дериват от корня *муж* – **мужик** – возникает XV в.: одна из первых достоверных письменных фиксаций встречается в «Хожении за три моря» (1466–1472) Афанасия Никитина. Как отмечают этимологи, первоначально диминутивный характер этого слова имеет прямую отнесенность к социальным стереотипам средневековой эпохи и «объясняется тем, что людей, более низких в правовом отношении, обозначали как несовершеннолетних»⁸. Более того, в западославянских языках словом *мужик* называли маленького человека, карлика или несовершеннолетнего⁹. Исторические словари русского языка отмечают, что на протяжении трех веков эта лексема употреблялась в трех значениях: ‘простолудин, крестьянин’, ‘мужчина’ и ‘супруг’.

Однако «Словарь Академии Российской», отражая состояние современного ему языка, фиксирует лишь одно, исторически первое и стилистически нейтральное, значение слова *мужик* – ‘крестьянин, житель сельской’. Можно утверждать, что именно это, еще раз подчеркнем, лишенное какой-либо

⁷ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. – С. 1171.

⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Терра, 2004. – Т. 2. – С. 671.

⁹ Холодная В. Г. Мужик // Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре / Д. А. Баранов и др. СПб.: Искусство–СПБ, 2005. – С. 372.

оценки значение и было основным на протяжении всего XIX и начала XX вв.

Словарь В. И. Даля, помимо основных значений 'мужчина простолюдин, человек низшего сословия; крестьянин', приводит и 'человек необразованный, невоспитанный, грубый'. Однако для выражения последнего значения в XIX в. уже существовало одноокоренное, псковское по происхождению, слово *мужлан*, которое встречается, например, уже в «Рославле» М. Н. Загоскина (1832), хотя и не зафиксировано в «Словаре русского языка XVIII в.». Подобное приращение значения также отражает социальный стереотип: человек, находящийся на более низкой ступени социальной лестницы, груб, неотесан, невоспитан.

Однако социокультурные трансформации, которые имели место в России начала XX в., привели к значительным изменениям в языковой картине мира русскоговорящего человека, что не могло не отразиться и на судьбе слов, выражающих архетипические концепты человеческого сознания. Так, уже первый толковый словарь советской эпохи фиксирует иную филиацию и стилистическую маркированность лексемы: «**Мужик**. 1. В устах "господ" (прежде), а также в крестьянском быту – крестьянин. 2. В том же языке "господ" – грубый, невоспитанный человек вообще (*разг. пренебр. устар.*). 3. Мужчина (*обл. и простореч. фам.*). 4. Муж (*обл.*)»¹⁰. С одной стороны, казалось бы, словарь новой эпохи возвращает слову *мужик* всю полноту семантического содержания (см. приведенные выше данные исторических словарей). С другой стороны, именно в словаре под ред. Д. Н. Ушакова предпринята попытка путем идеологического окрашивания (ограничительная помета «в устах (языке) "господ"») маркировать данное

слово, а значит, и само понятие (!), как чуждое новой реальности, как допустимое лишь во внелитературной речи, отражением чего и становятся словарные пометы. Так с помощью помет и элементов дефиниций лексикографы транслируют новые гендерные (и шире – социальные) стереотипы.

Следует отметить, что подобного рода лексико-системные отношения *мужчины* и *мужика* – базовых слов, обозначающих мужчину *per se*, – не могли не отразиться и на использовании одноименных фатических средств языка. Так, наиболее информативный толковый словарь русского речевого этикета отражает появление неупотребительных до революции обращений типа:

Мужик. *Прост.* 1. Грубовато-фамильярное обращение к незнакомому мужчине (обычно к бедно одетому, неопрятному на вид), равному или низшему по положению. 2. Обиходное обращение жены к мужу (чаще в сельской местности).

Мужчина. *Прост.* Преимущественно женское обращение к незнакомому мужчине (обычно на улице, в общественных местах). До революции – малоупотребительное. /.../ В сочетании с «Вы»-формами получило широкое распространение в городском просторечии в советский период¹¹.

Таким образом, в начале советской эпохи существования русского языка сформировалась важная для языковой картины мира уже не просто социальная, как в XIX в., а социокультурная оппозиция двух типов маскулинности, двух полюсов мужского поведения – *мужчина* и *мужик*. Первый тип приобретает черты идеального, положительного и правильного; второй – черты отрицательного и маргина-

¹⁰ Толковый словарь русского языка / под ред.

Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» и др., 1935–1940. – Т. 2. – Стлб. 274–275.

¹¹ Балакай А. Г. Толковый словарь русского речевого этикета. – М.: Астрель, 2004. – С. 266–267.

нального. Эти два типа маскулинного поведения получают свою полную лексикографическую интерпретацию и отражают сформированность новой системы гендерных стереотипов.

Пожалуй, самые интересные семантические и прагматические трансформации из ядерных вербализаторов, обозначающих мужчин и женщин, пережило слово *баба*, которое ни в XIX в., ни ранее не имело такой сильной пейоративной оценки, которая появилась у него в XX в.

В первом толковом словаре русского языка, «Словаре Академии Российской», ни пометы, ни дефиниции не содержат никаких указаний на пейоративную окраску слова *баба*, что соответствует патриархальной языковой картине мира и отражает сугубо номинативный, почти лишенный коннотативного ореола характер данной номинации:

Баба Сл. 1) Мать отцова или материна. *Воспоминаніе пріемля о сущей въ тебе нелицемерной вере, яже вселися прежде в бабу твою Лоиду.* 2. Тим. I.5. 2) Повивальная бабка. *Рече Царь Египетскій бабамъ Еврейскимъ.* Исх. I.15. 3) Пожилая женщина вообще.

Баба, в общенародномъ употребленіи значить вообще женщину низкаго состоянія. *Баба крестьянская*¹².

Словарь В. И. Даля также не фиксирует никаких отрицательных коннотаций слова *баба* (за исключением одного значения, о чем ниже) и также вписывает эту лексему в патриархальную, крестьянскую картину мира (см. выделенный авторский комментарий к третьему значению): «**Баба**. Замужняя женщина низших сословий, особенно после первых лет, когда она была *молодкою*, *молодицею*, или вдова. || Мать отцова или материна, жена деда,

более употреб. умалит. *бабка*, *бабушка* и пр. || Жена; **крестьянин редко иначе назовет в глаза жену свою**, разве хозяйкою. || Повитуха, повивальная бабка, приемница; также более употреб. *бабка*, *бабушка*, *баушка*»¹³.

Русская языковая картина мира XX в. претерпевает значительные трансформации, и словарь отображает, а в некоторых случаях и навязывает те изменения и нововведения, которые появляются не только у идеологически значимых пластов лексики, но и у таких базовых слов культуры. В толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова трансформация семантического и прагматического компонентов лексемы *баба* выглядит следующим образом:

Баба¹. 1. В устах "господ" (прежде) и в крестьянском быту – замужняя крестьянка; *противоп.* девка. *Долго он не мог распознать, какого пола была фигура – баба или мужик.* Ггль. *Всех баб и девок согнали на барщину. Рядом дышит перепуганная баба, дочь толкается, топчут сыновья* (описание избы). Бзмнскй. 2. Жена (*простореч.*). *Без бабы остался, сам хозяйничает.* 3. Вообще женщина (*разг. вульг.*). *Вздорная б. Здоровенная б. У меня есть ум, и меня ценят бабы.* М. Грькй. 4. *перен.* Мужчина робкого нрава, слабый, нерешительный (*разг.-презрит.*). *Он такая баба, всякому в обиду дается*¹⁴.

Эмоционально-экспрессивные пометы (все значения, кроме первого, маркированы) и идеологический компонент толкования эксплицируют некий прагматический сдвиг, который изменяет и концептуальную значимость слова *баба*: утрачивая статус ядерного вербализатора концепта «женщина», оно сдвигается к периферии и сужает сферу употребления.

¹² Словарь Академии Российской 1789 – 1794. – Т. 1. – М.: МГИ им. Е. Дашковой, 2001. – Стлб. 65–66.

¹³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Терра, 1998. – Т. 1. – С. 32.

¹⁴ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» и др., 1935–1940. – Т. 1. – Стлб. 73.

Остальные толковые словари XX в. продолжают традиции словаря под ред. Д. Н. Ушакова и развивают тенденцию «огрубления» слова и отчуждения его на периферию языковой картины мира:

Баба 1. *Прост.* Замужняя крестьянка. *Парни толпились отдельно, кучками, а бабы и девки теснились по обе стороны от мужиков.* Гладк. Лихая година. *В домах распахиваются окна, выглядывают бабы и старухи деревенские.* Астафьев, Последн. поклон.

2. *Прост.* Жена. – *Баба у меня – жена то есть, – простая тоже.* Тург. Несчастливая. – *А у тебя есть баба? – Ну, есть жена, – ответил толстый.* Пришв. Кащ. цепь.

3. *Прост.* Женщина (обычно с оттенком пренебрежительности или фамильярного одобрения). *Базаров тоже обратил внимание на Одинцову. – Что это за фигура?.. На остальных баб не похожа.* Тург. Отцы и дети. *Он с раздражением подумал о Ксении: есть у девочки мать, здоровая, еще молодая баба, а ребенка пришлось навязать на шею старой больной женщине.* Симон. Двадцать дней без войны. – *А если война? Что тогда с этих женщин? Слезы лить да помирать? В той войне нам наполовину бабы помогли победить.* Распутин, Последн. срок. ◊ В сравн. [Иоанн:] **Я говорю с тобой, как с мужем, ты же, как баба, отвечаешь.** А.К.Толст. Смерть Иоанна Грозн. // Простая, необразованная женщина. *Комната моя дрянная, скверная, на краю города. Служанка моя – деревенская баба, старая, злая от глупости.* Дост. Зап. Из подполья. ~ **Базарная баба.** См. Базарный.

4. *Перен. Прост. Пренебр.* О робком, нерешительном мужчине, юноше (обычно в функции сказуемого). (Паратов:) **Если мужчина заплачет, так его бабой назовут, а эта**

кличка для мужчины хуже всего. А.Остр. Бесприданница. – *Николай остался (в тылу) потому, что баба, а я за бабой быть замужем не могу.* Симон. Солдат. не рожд. ◊ **Бранно.** – *Не хотел меня начальник в унтер-офицеры представлять. «Какой ты, говорит, унтер-офицер, – баба ты!».* Корол. Чудная¹⁵.

(Отметим, что впервые в русской лексикографии выделил и описал как самостоятельное последнее значение также В. И. Даль: «**Бранно.** Мужчину зовут бабою. *Эка баба, что нюни распустил? Он такая баба, что всякому в обиду дается, вялый, дрянной, робкий, неуправный*». Одновременно в этой же словарной статье находим одну из архетипических и присущих всем андроцентрическим языкам гендерных асимметрий: «Применение мужского обозначения к референту-женщине допустимо и повышает ее статус. Наоборот, номинация мужчины женским обозначением несет в себе негативную оценку» [12, с. 40].)

Во-первых, обращает на себя внимание окончательное закрепление «сниженного» характера лексемы: все основные значения отнесены к просторечию. Во-вторых, максимально редуцируется закрепленность слова за патриархальной («крестьянской») картиной мира (впрочем, иллюстративный материал второго, третьего и пятого значений сохраняет реликты «языковой памяти»). В-третьих, словарь эксплицирует гендерные стереотипы, которые раньше не актуализировались столь явно (см. выделенные иллюстрации ко второму и четвертому значениям). С точки зрения феминистской лингвистики единственная задача такого рода актуализаций – демонстрация слабости и вторичности женского начала.

Кстати, в такого рода снижении одной из базовых номинаций женщины в русском

¹⁵ Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич. – СПб.: Наука, 2004. – Т. 1. – С. 323.

языке нет ничего этноспецифичного. Аналогичную «трагическую судьбу» (семантические и прагматические трансформации) номинаций женщин в английском языке в свое время обыграл американский поэт и филолог Уиллард Р. Эпси, который как-то заметил: «Само слово *woman* ('женщина') в некоторых кругах стало бранным; *lady* ('леди') заняло то место, где *woman* была сто лет назад; существовавшее на протяжении двух тысячелетий латинское *carus* ('дорогая') переродилась в *whore* ('шлюха'). *Courtesan* ('куртизанка') был когда-то дамой на суде; *wench* ('девка') - любовью молодой девушкой. /.../ *Дамы* – теперь сленговое выражение с сомнительной подоплекой; *мадам* заставляет нас думать о ком-то, кто работает в публичном доме, а *королева* стала гомосексуалистом» [2, с. 285]. Интересно, что последние три семантические метаморфозы значений произошли не только в английском, но и в русском языке: первые два в виде заимствований из французского, последнее – в виде семантической кальки в гей-сленге.

Вместе с тем следует отметить, что, пожалуй, единственным современным контекстом, помимо речи сельских жителей, в котором слова *мужик* и *баба* продолжает сохранять свое первоначальное номинативное и эмоционально нейтральное значение, остаются работы по этнографии русской деревни (например, коллективная монография [13]).

Итак, проанализировав лексикографическую судьбу семантических и прагматических сдвигов в структуре таких ядерных вербализаторов концептов «мужчина» и «женщина», как *мужик* и *баба*, можно прийти к выводу: в XX в. происходило снижение обоих образов как грубых, относящихся к реалиям либо деревенской, либо мещанской реальности.

Следовательно, проведенный анализ лексикографического материала позволяет не

только эксплицировать семантические признаки и сопутствующие гендерные стереотипы тех или иных лексем, но и вскрыть гендерные стереотипы коллективного мышления лексикографов. Весьма показательно, что к аналогичным выводам о влиянии гендерных стереотипов мышления ученых на конструируемые ими концепции и исследование материала приходят и специалисты в области общественных наук: «Традиционная наука описывала разницу в статусах, ролях и иных аспектах жизни мужчин и женщин и находила обоснования «взаимодополнительности» основных половых ролей. Таким образом, традиционная наука служила патриархатной идеологии – идеологии, обосновывавшей превосходство мужчин» [16, с. 18].

Кроме того, можно утверждать, что в некоторых случаях, осознанно или неосознанно следуя той или иной традиции в толковании базовых, ключевых слов культуры и языковой картины мира, лексикографы не всегда ощущают те гендерные стереотипы, которые «просвечивают» сквозь определения, данные их предшественниками, жившими в ином по социально- и гендерно-иерархической структуре обществе. С одной стороны, казалось бы, сама неизменность денотативного плана данных лексем обуславливает отсутствие необходимости изменений в дефинициях ядерных номинаций мужчин и женщин. С другой стороны, подобного рода дефиниции (а еще в большей степени – иллюстративная зона словарной статьи) очень часто транслируют гендерно не толерантные и вообще противоречащие аксиологическим нормам современной культуры представления патриархального сознания о мужчинах и женщинах. Быть может, глубинной причиной возникновения такого рода ситуации является сама диалектическая природа соотношения постоянного и изменяющегося в языке, его констант и трансформаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Egbo B.** Language Education and Gender // Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed. Keith Brown. – N.Y.: Elsevier, 2006. – P. 400–404.
2. **Goldenson R., Anderson K.** The Wordsworth Dictionary of Sex. –Wordsworth Reference, Ware: Wordsworth Editions, 1994. – 320 p.
3. **Grigoryan A.** On Gender Aspect in Lexicography // Essays on Lexicon, Lexicography, Terminography in Russian, Americanan Culture / Ed. O. Karpova and F. Kartashkova. – Cambrige: Cambridge Scolaship Partnering, 2007. – pp. 5–11.
4. **Hellinger M.** Sexist Language // Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed. Keith Brown. – N.Y.: Elsevier, 2006. – P. 265–272.
5. **Matsumoto D., Juang L.** Culture and Psychology. – 5th ed. – N.Y.: Cengage, 2012. – 544 p.
6. **Sharifian F.** On collective cognition and language // Language and social cognition / Ed. H. Pishwa. – B.; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2009. – P. 104–120.
7. **Talbot M.** Gender and Language // Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed. Keith Brown. – N. Y.: Elsevier, 2006. – P. 740–741.
8. **Воркачев С. Г.** Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
9. **Воронина О. А.** Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // Общественные науки и современность. – 2000. – № 4. – С. 9–20.
10. **Воронина О. А., Клименкова Т. А.** Гендер и культура // Женщины и социальная политика (гендерный аспект) / отв. ред. З. А. Хоткина. – М.: ИСПЭН РАН, 1992. – С. 10–22.
11. **Ефремов В. А.** «Мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. – 184 с.
12. **Кирилина А. В.** Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 180 с.
13. **Баранов Д. А., Баранова О. Г., Зимина Т. А., Мадлевская Е. Л.** Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. – СПб.: Искусство–СПБ, 2005. – 688 с.
14. **Пименов Е. А.** Что могут делать мужчины и женщины, а что не могут: Опыт типологии некоторых гендерных характеристик // Mentalität. Konzept. Gender / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000. – S. 196–203.
15. **Попов А. А.** К проблеме отражения гендерного аспекта в лексикографии // Гендерный фактор в языке и коммуникации. – М.: МГЛУ, 1999. – С. 60–62.
16. **Пушкарева Н. Л.** Что такое гендер? (характеристика основных концепций) // Гендерная теория и историческое знание / отв. ред. А. А. Павлов, В. А. Семенов. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. – С. 8–20.

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.08](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.08)

Valerii Anatolievich Efremov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-0247-706X>

E-mail: valef@mail.ru

GENDER STEREOTYPES AND RUSSIAN LEXICOGRAPHY

Abstract

The article is devoted to different ways of gender linguistic analysis of a vocabulary entry that is directed to find gender stereotypes and asymmetries in it. The target goal of the research is to reveal different means of direct or indirect transmission of elements, which conceptualize gender aspects of the linguistic view of the world in the lexicographic text as a culture translator. In the course of the analysis supported by modern social cognition and gender stereotypes theories miscellaneous ways of stereotypes' functioning in the lexicographic texts are identified. The stereotypes might appear in the field of label system, supporting data, word selection, or explanatory tradition. The comparative lexicographic analysis of мужик (muzhik) and баба (baba) in basic Russian dictionaries of 18th – 21st centuries provides gender stereotypes of the Russian linguoculture consideration in diachronic aspect. The analysis of changes in filiation, semantization or stylistical marking of some ethnospecific basic concept 'man' and 'woman' verbalizers' meanings allows to see transformation along with preservation of beliefs on the gender organization of the Russian society. In conclusion, lexicographers do not always perceive gender stereotypes, which used to characterize previous centuries and reveal worldview of a different society according to its gender roles structure, because of this or that tradition in explanation of basic cultural words and the linguistic view of the world. The underlying reasons for preserving these stereotypes are as follows: firstly, it is incongruity of cognitive and linguistic views of the world, secondly, it is dialectic nature of correlation between constants and transformations in the language.

Keywords

Stereotype, conceptualization, gender stereotype, lexicography, words muzhik and baba.

REFERENCES

1. Egbo B. Language Education and Gender. *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Ed. Keith Brown. N.Y., Elsevier Publ., 2006, pp. 400–404.
2. Goldenson R., Anderson K. *The Wordsworth Dictionary of Sex*. Wordsworth Reference, Ware, Wordsworth Editions Publ., 1994, 320 p.
3. Grigoryan A. On Gender Aspect in Lexicography. *Essays on Lexicon, Lexicography, Terminography in Russian, American Culture*. Ed. O. Karpova and F. Kartashkova. Cambridge, Cambridge Scolaship Partnering Publ., 2007, pp. 5–11.
4. Hellinger M. Sexist Language. *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Ed. Keith Brown. N. Y., Elsevier Publ., 2006, pp. 265–272.
5. Matsumoto D., Juang L. *Culture and Psychology*. 5-th ed. N. Y., Cengage Publ., 2012, 544 pp.
6. Sharifian F. On collective cognition and language. *Language and social cognition*. Ed. H. Pishwa. B., N. Y., Mouton de Gruyter Publ., 2009, pp. 104–120.

7. Talbot M. Gender and Language. *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Ed. Keith Brown. N. Y., Elsevier Publ., 2006, pp. 740–741.
8. Vorkachev S. G. *Love as a linguocultural concept*. Moscow, Gnozis Publ., 2007, 288 p. (In Russian)
9. Voronina O. A. Sociocultural determinants of gender theory development in Russia and in the West. *Social sciences and modern age*. 2000, no. 4, pp. 9–20. (In Russian)
10. Voronina O. A., Klimenkova T. A. Gender and culture. *Women and social policy (gender aspect)*. Ed. Z. A. Khotkina. Moscow, ISPEhN RAN Publ., 1992, pp. 10–22. (In Russian)
11. Efremov V. A. “Man” and “woman” in the Russian linguistic view of the world. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2009, 184 p. (In Russian)
12. Kirilina A. V. *Gender: linguistic aspects*. Moscow, Institut Sotsiologii RAN Publ., 1999, 180 p. (In Russian)
13. Baranov D. A. Baranova O. G., Zimina T. A., Madlevskaya E. L. *Muzhik and baba: mannish and womanish in the Russian traditional culture*. St. Petersburg, Iskusstvo–SPB Publ., 2005, 688 p. (In Russian)
14. Pimenov E. A. What can men and women do and what cannot? Essay on classification of some gender characteristics. *Mentality. Concept. Gender*. Ed. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. Landau, Empirische Pädagogik Publ., 2000, pp. 196–203. (In Russian)
15. Popov A. A. To the point of reflection of gender aspect in lexicography. *Gender aspect in language and communication*. Moscow, MGLU Publ., 1999, pp. 60–62. (In Russian)
16. Pushkareva N. L. What is gender? (characteristics of the main concepts). *Gender theory and historical knowledge*. Eds. Pavlov A. A., Semenov V. A. Syktyvkar, SyktGU Publ., 2005, pp. 8–20. (In Russian)

© Е. Г. Басалаева

DOI: 10.15293/2226-3365.1606.09

УДК 81'373+81'384

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ МАКРОКОМПОНЕНТ И СПОСОБЫ ЕГО СЕМАНТИЗАЦИИ В ЭЛЕКТРОННОЙ БАЗЕ ДАННЫХ*

Е. Г. Басалаева (Новосибирск, Россия)

В статье описывается устройство электронной базы данных «Прагматически маркированная лексика русского языка», определяется структура прагматического компонента значения слова и средства его представления в словаре. Автором отмечается, что в настоящее время существуют различные подходы к определению места, объема прагматического компонента в структуре лексического значения. Исходя из этого, по-разному решается вопрос о приемах и принципах лексикографирования лексем, относящихся к разряду прагматически маркированных. Поэтому важнейшими задачами исследования являются определение специфики прагматических смыслов и поиск путей их отражения в словарях разных типов. В частности автором, с опорой на труды ведущих лингвистических школ, рассматривается следующая структура прагматического макрокомпонента: эмоциональная оценка, социально-статусный, идеологический, гендерный, возрастной, национально-культурный компоненты; описываются способы представления этой информации в толковых словарях, предлагается система помет. Одним из путей систематизации выявленных прагматических показателей является создание электронной базы данных прагматически маркированных фрагментов лексической системы языка. Автором представлены принципы, лежащие в основе создаваемой базы данных: критерии отбора языковых единиц; их лексикографическая интерпретация в существующих толковых словарях; процессы семного и семантического варьирования в разных типах дискурсов; характеристика прагматического компонента семантики, представленного с помощью разработанной системы помет, разных типов лексикографического комментария. Преимущество создаваемой базы данных видится в возможности представить полную информацию о прагматически маркированном слове и его динамике, а также осуществлять поиск по любому параметру базы, тем самым выявлять различные группы лексики, объединенные теми или иными прагматическими смыслами. База ориентирована на широкий круг пользователей: исследователей, лингвистов-экспертов, переводчиков и преподавателей русского языка, в том числе как неродного и иностранного.

Ключевые слова: лексическое значение, структура прагматического макрокомпонента, база данных прагматически маркированной лексики.

*Работа выполнена при финансовой поддержке грантов РГНФ: проект 15-04-00122а «Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты»; проект 15-14-54001 «Конфликтный текст в зеркале лингвистической экспертизы».

Басалаева Елена Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории языка и межкультурной коммуникации, Новосибирский государственный педагогический университет.
E-mail: lana.bas@mail.ru

Настоящая статья выполнена в русле активно разрабатываемых в современной лингвистике вопросов, касающихся содержания лексического значения в целом и его прагматической зоны в частности. Целью является описание принципов создания разрабатываемой в Новосибирском государственном педагогическом университете базы данных прагматически маркированной лексики.

В современной лингвистике сложились различные подходы к пониманию структуры лексического значения и способам его фиксации в словарях разных типов. Наиболее дискуссионным оказывается вопрос о такой составляющей значения, как прагматический компонент, статус которого неоднозначен и варьируется от добавочных, ситуативно формируемых «надобъективных» смысловых оттенков [1–4] до неотъемлемого и обязательного набора семантических элементов в структуре лексического значения [5; 6]; он «содержит информацию об отношении человека, использующего данное слово, к обозначаемому словом объекту или к адресату сообщения, а также специфическую для данной лексемы информацию о тех речевых действиях, которые можно осуществлять с ее помощью»¹.

В связи с этим особую значимость приобретает проблема моделирования прагматического компонента, описание и лексикографическая интерпретация его составляющих.

Важную роль в осмыслении прагматического макрокомпонента играют работы Г. Н. Скляревской [5; 7], которая представляет лексическое значение в виде системы концентрических кругов. Так, внутренний круг означает денотативное ядро, за которым следует периферия денотата и потенциальные семы, а затем – «ряд концентрических кругов,

содержащих прагматическую информацию о слове, – разнородный набор коннотаций (социальных, исторических, культурных, эмотивных, экспрессивных и т. д.), который также представляет собой не аморфное образование, а иерархически организованную систему с разными уровнями, в разной степени удаленными от денотативного ядра индивидуальными и ситуативными семантическими компонентами, поскольку отражают «ассоциации некоторой части языкового коллектива и могут реализоваться только при определенных обстоятельствах (к ним относятся в первую очередь идеологические прагматические компоненты)» [7].

Такая разнородность прагматических смыслов требует как отдельного изучения каждого микрокомпонента, так и поиска путей их отражения в словарях.

По справедливому замечанию Ю. Н. Караулова, «мировая лексикографическая практика не знает универсального словаря, который объединил бы в своем составе все параметры, всю информацию о данной языковой структуре, её функционировании»². Тем не менее попытки синтезировать накопленный за последние годы опыт в моделировании прагматического компонента в семантике слова не прекращаются.

На наш взгляд, одним из инструментов, направленных на решение спорных вопросов прагматической семантики, является компьютерная база данных прагматически маркированной лексики, разрабатываемая коллективом Новосибирского государственного педагогического университета. Интерфейс словаря написан на языке *PHP* в связке с системой управления базами данных (*СУБД MySQL*).

¹ Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 87.

² Караулов Ю. Н. Частотный словарь семантических множителей. – М., 1980. – С. 66.

Для комфортной работы со словарем на разных платформах (ПК, планшет, телефон) использована каскадная таблица стилей (CSS) *bootstrap*, а также *Java script*.

Создание базы данных требует жесткую организацию и высокий уровень формализации описания элементов. Поэтому созданию указанного электронного продукта предшествовала работа, направленная на выработку критериев отбора прагматически нагруженного языкового материала и построение зон лингвистически релевантной информации. Кроме того, разработчиками учитывалось, что в качестве инструментов для пользователя должны выступить не только заголовочные единицы (леммы), но и элементы прагматической характеристики слов, что до настоящего времени не было представлено в существующих, в том числе и электронных, словарях. Для этого необходима разработка системы лексикографических помет, круг которых был бы достаточно ограничен, с одной стороны, и максимально информативен, с другой. Еще одним преимуществом создаваемой базы данных можно назвать ее способность пополняться, тем самым фиксировать динамические процессы в области денотативного и прагматического содержания слова, отражать быстро меняющуюся языковую ситуацию.

Итак, представим кратко устройство разрабатываемой базы данных. Демонстрационная версия включает около 50 единиц, репрезентирующих разные прагматические особен-

ности слова. Они представлены в виде словника на главной странице базы в алфавитном порядке. Каждое слово содержит гиперссылку, отсылающую к странице с собственно описанием особенностей лексемы. На главной же странице размещена инструкция, как пользоваться базой, а также необходимый для пользователя инструментарий: поисковая строка и возможные варианты поисковых элементов.

С точки зрения содержания база условно делится на две части. В первой части представлен лексикографический портрет прагматически маркированных слов, основанный на словарных толкованиях наиболее авторитетных словарей русского языка³. Вторая часть (собственно «Словарь прагматически маркированной лексики») представляет собой подробное описание прагматической зоны значения слова, включающей такие компоненты, как эмоциональная оценка, идеологический компонент, гендерный компонент, социально-статусный компонент, возрастной компонент, национально-культурный компонент. Моделирование этого фрагмента базы опирается как на сведения словарей, так и на контекстуальный анализ лексем (основанный на данных Национального корпуса русского языка⁴), демонстрирующий устойчивые и частотные синтагматические связи. В некоторых случаях подобный анализ фиксирует формирование прагматического компонента значения, хотя данные толковых словарей этого не отражают. Поэтому база позволяет дать целостное пред-

³ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ, 1935–1940 (ТСУ); Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965 (БАС); Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984 (МАС); Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999 (ТСОШ); Толковый

словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / гл. ред. Г. Н. Скляревская. – СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1998; Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норит, 1998.

⁴ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: www.ruscorpora.ru, свободный (далее НКРЯ).

ставление о слове, динамике развития его семантической структуры и устройстве прагматического макрокомпонента. К примеру, в толковых словарях не фиксируется переносное значение слова *осина* «Лиственное дерево из семейства ивовых», хотя современное сло-

воупотребление позволяет говорить о появлении нового оценочного значения «О глупом человеке»: *Ах ты, осина ты такая глупая... тварь неблагодарная!* (НКРЯ). Следовательно, в базе данных данная динамика будет продемонстрирована (табл. 1).

Таблица 1

Схематичная организация базы данных

Table 1

Schematic organization of the database

СЛОВО	Словарь 1	Словарь 2	Словарь прагматически маркированной лексики	Примеры из НКРЯ	Прагматический компонент					
					эмоциональная оценка	идеологический	гендерный	социально-статусный	возрастной	национально-культурный
	значение 1	значение 1	–							
	–	значение 2	значение 2	пример	помета ⁵	помета	помета	помета	помета	комментарий
	–	–	значение 3	пример	помета	помета	помета	помета	помета	комментарий
				пример	помета	помета	помета	помета	помета	комментарий

Исследователями неоднократно отмечалось, что прагматически значимая информация может включаться в различные зоны словарной статьи в толковых словарях (в дефиниции, пометах, иллюстративном материале).

База данных же требует единообразия в квалификации этой информации. Поэтому каждый прагматический микрокомпонент

должен получить более или менее однотипную характеристику, чтобы стать в том числе способом поиска нужных сведений.

Однако унификация показателей представляет большую сложность. Поэтому для каждого прагматического смысла разрабатывается свой способ фиксации.

⁵ Заполняется при наличии

Так, ведущим средством демонстрации наличия в значении слова **эмотивно-оценочного компонента** является помета. На сегодняшний день лексикографами выработана достаточно разнообразная система помет, позволяющая зафиксировать самые разные смыслы, связанные с эмоциональной и аксиологической концептуализацией действительности. Обстоятельный обзор существующих экспрессивных и семантико-словообразовательных помет в академических толковых словарях русского языка представлен в монографии [8]. Авторами последовательно выявляется весь спектр помет, используемых в лексикографических источниках с 1891 года по настоящее время. Их можно свести к следующим: *бран.*, *вульг.*, *высок.*, *грубо*, *ирон.*, *ласк.*, *неодобр.*, *презрит.*, *одобр.*, *почтит.*, *пренебр.*, *укор.*, *шутл./с оттенком шутливости*, *уничж.*, *ритор.*, *торж.* Представляется, что данный список может быть расширен за счет включения таких помет, как порицательное (*порицат.*), снисходительное (*снисходит.*), презрительно-пренебрежительное (*презрит.-пренебрежит.*), возмущенное (*возмуц.*), насмешливое (*насмешл.*), вызывающие опасение (*опасн.*) что в целом дает возможность представить богатство эмотивно-оценочных смыслов.

Тем не менее учеными отмечается достаточная непоследовательность в использовании помет в толковых словарях. Например, М. А. Тихоновой отмечается, что значения слова *чистоплюй* в Словаре русского языка: в 4 т. под ред. А. П. Евгеньевой сопровождается пометой *Презр.*; в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой

– *Неодобр.*; в Толковом словаре русского языка: в 4 т. под ред. Д. Н. Ушакова – *Пренебр.* [9, с. 353].

На наш взгляд, это может быть свидетельством того, что квалификация эмотивно-оценочного компонента, с одной стороны, является достаточно субъективной и обусловлена позицией исследователя-лингвиста. С другой стороны, эмоциональная оценка обладает подвижностью, вариативностью, нередко является ситуативно обусловленной.

Поэтому база данных дает возможность пользователю увидеть самые разные процессы: во-первых, проследить за способами лексикографирования слова в толковых словарях, во-вторых, увидеть динамику прагматического потенциала слов, когда лексема, сохраняя общую денотативную составляющую и нередко оценочный вектор, в контексте реализует различные актуальные смыслы. Например, слово *чучело* в значении «О некрасивом, безобразном, несуразном, нелепо, смешно одетом человеке» в ТСУ⁶ маркируется как бранное, в ТСОШ⁷ как пренебрежительное, а в словаре С. А. Кузнецова⁸ как презрительное. На наш взгляд, в разных контекстах все эти оценочные смыслы могут быть присущи слову (табл. 2).

Как видим, база представляет весь спектр прагматически значимой оценочной информации, и пользователю, таким образом, становится доступной информация о возможных вариантах семного варьирования. Все указанные выше пометы в целом включаются в соответствующую зону базы данных, в виде списка предъявляются пользователю в начале

⁶ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 4. С – Ящурный. – Стб. 1308–1309.

⁷ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 879.

⁸ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норит, 1998. – С. 1487.

работы и становятся инструментом для поиска. Следовательно, искомый эмотивно-оценочный компонент будет эксплицирован либо в толковании академического словаря, либо в

толковании прагматически маркированного значения слова, современное употребление которого свидетельствует о развитии или варьировании прагматической зоны.

Таблица 2

Отображение информации в базе данных

Table 2

Information displaying in the database

Слово	Словарь прагматически маркированной лексики	Примеры из НКРЯ	Эмоциональная оценка
Чучело	Перен. О некрасивом, безобразном, несуразном, нелепо, смешно одетом человеке.	- Погляди на себя, чучело! Распустёха! А потом плачем, что мужья на других заглядываются! (М.Рощин. Муж и жена снимут комнату);	Порицат.
		Хмырев внимательно оглядывает Дениса, его мятую рубашку, его большие красные руки с не очень чистыми ногтями.- Что это за чучело? - спрашивает он. (Ю.Трифонов. Утоление жажды);	Неодобрит.
		Чучело ты сибирское! Поглядите на него! Усохнуть! (М.Рощин. Валентин и Валентина)	Ирон.
		Она кричала и кричала, не останавливаясь ни на минуту, корчилась, извивалась на постели, билась, словно в судорогах, с пеной у рта и брызгая слюной. Медсестра оторопело смотрела на вопившее существо. В такой квартире, отделанной, как дворец, в пышном барочном стиле, ожидаешь встретить кого угодно, но только не подобное чучело (В. Валеева. Скорая помощь)	Презрит.

Относительно унифицировано и единообразно можно представить в базе сведения о наличии *гендерного* или *возрастного* компонента. Так, лексикографы пользуются в данных случаях, помимо собственно толкования, комментирующими пометами, типа *о женщине; о девушке; о девочке; о мужчине; о юноше; о мальчике; о старом человеке; о ребенке* и под., а также иллюстративным материалом. Как видим, нередко два типа прагматической информации соединяются в одном сло-

варном показателе, например, *о молодой женщине; о молодом человеке*. Иногда маркируется и ситуация общения, когда употребление единицы оказывается обусловлено гендерными или возрастными особенностями говорящих, например, *в детской речи*. Таким образом, задача перед составителями базы данных состоит в выявлении данных компонентов, которые не всегда являются лексикографически закрепленными. Ср. лексема *проказничать* в значении «Совершать проказы, шалить», ни-

как прагматически не маркируемая в толковых словарях, тем не менее номинирует действие, свойственное преимущественно детям: *Они много играли, были организаторами всей детворы нашего двора, много проказничали* (А. С. Макаренко. Книга для родителей). Нивелирование возрастного компонента происходит тогда, когда наблюдается семное варьирование и слово реализуется в значении «Вести себя легкомысленно». Ср.: *Седьмой десяток, а поди еще как проказничает!* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина). Таким образом, все семантические нюансы находят отражение в базе данных в виде соответствующих показателей.

Сложнее обстоит дело с тем, каким способом и в какой части словарной статьи отражать статусный, идеологический и национально-культурный компоненты.

В лексикографической практике обычно эту информацию вводят с помощью помет (например, *заграничное, устарелое*), словарного комментария (типа *в буржуазных странах*) и иллюстративного материала. Структурирование же этих сведений в различных зонах базы данных требует поиска более или менее формализованных характеристик, эксплицирующих прагматическую информацию.

Так, говоря о **статусном компоненте** значения как одной из разновидностей социального компонента в целом, исследователи пишут о разных типах соотношения социальных ролей участников коммуникации. Например, Л. В. Крысин [10] закономерно выделяет две группы слов: 1) с так называемой асимметрией социальных ролей участников ситуации (*верховодить, нахлобучка* и под.); 2) называющих асимметричные ролевые отношения (*одноклассник, напарник* и пр.). По мнению исследователя, «место указанной информации – в пресуппозитивной части толкований». Тем не

менее, представляется, что социально значимая информация может быть сформулирована в виде специальных показателей, например, указывающих на статусный вектор – *гоноративный* (возвышение адресата) и *гумилиативный* (принижение говорящего) [11, с. 3–4]. Кроме того, как показывает языковой материал, в современном дискурсе некоторые номинации лиц осложняются дополнительными смыслами социального характера, например, такие лексемы, как *врач, учитель* и пр., не только называют лицо по профессии, но и указывают на его место в социальной иерархии, в данном случае отнесение к представителям интеллигенции. Ср.: *Речь идёт о российской интеллигенции: инженер, врач, т. е. они работают, никого не эксплуатируют, а враги....* (Наши дети: Подростки). Кроме того, нередко вместе с этим актуализируются и социальные оценки, стереотипы, связанные с престижностью/непрестижностью профессии в зависимости от коммуникативных установок и социальных ожиданий. Так, М. А. Лаппо отмечает, что, например, «тексты-самоописания учителей, представленные на конкурс “Я – учитель”, отличаются пафосом необычайной роли этой профессии в обществе», в то время как «тексты, не имеющие такого пафоса, порождаются либо в неофициальной ситуации – в разговорах учителей, обсуждающих свою работу, низкую зарплату, высокую нагрузку и т. п., либо со стороны людей, имеющих определенные ожидания от учителя, понимающих, что справиться с ними в нынешней жизни сложно и поэтому заранее принижающих статус профессии учителя» [12, с. 42–43]. Представляется, что эта информация, имеющая прагматический характер, также должна найти отражение в базе данных в виде таких комментариев, как *принадлежность к социальной группе, высокая/низкая социальная оценка*, которые, как правило, отсутствуют в толковых словарях.

Не менее сложен для лексикографирования **идеологический компонент** значения. Лингвистами отмечается, что в словарях по-разному отражаются и формируется идеологическая картина мира социума, т. е. оказывается идеологическое давление на адресата словаря. Так, как пишут Е. Ю. Булыгина и Т. А. Трипольская, семантизация идеологического содержания в словарях представляется неравномерно в разных зонах словарной статьи: в толковании, пометах, иллюстративном материале, т. е. является эксплицитной или имплицитной [13, с. 63]. Поэтому формализация идеологического компонента в базе данных требует выработки определенных критериев. В первую очередь информация идеологического характера представлена в пометах и комментариях, например, *заграничное, устарелое, чуждый политическому строю, в других/буржуазных странах* и под. Иными словами, так или иначе мы видим актуализацию вектора «свой – иной – чужой», который наиболее свойственен политической, конфессиональной лексике, номинациям лиц по национальным, расовым, этническим признакам, территориальным, сексуальной ориентации и пр. Представляется, что именно эта характеристика на первом этапе должна найти отражение в базе данных в таких показателях, как например, *религиозное: чужой/иной/свой, политическое: чужой/иной/свой, национальное: чужой/иной/свой, территориально: чужой/иной/свой, социальное: чужой/иной/свой* и под. Преимущество базы данных видится в том, что она способна отразить динамику, модификацию содержательных компонентов «свойственности – чуждости». Например, как пишет Е. В. Кишина, современное российское общество в публицистических текстах последних лет (по сравнению с советскими) предстаёт как социально гетерогенное и расчленинное по различным признакам [14, с. 51],

поэтому идеологически меняется содержание таких номинаций, как *союзник, партнер, коллега* и под.; наблюдается усиление этнической самоидентификации, что выражается в выделении группы «русских людей, россиян» и «иностранцев» [14] и пр.

Наконец, одним из наиболее сложно выявляемых и лексикографически интерпретируемых в толковых словарях является **национально-культурный компонент**. По мнению В. Н. Телия [15], можно выделить два типа культурно-маркированных единиц в номинативном составе языка:

– единицы, в которых культурно значимая информация воплощается в денотативном аспекте значения (слова, обозначающие реалии материальной культуры или концепты духовной и социальной культуры). Интегрируясь в содержание языковой единицы и реализуя те или иные семантические категории, первичные культурные коннотации вызывают в сжатой и синтезированной форме ту ценностную информацию об объекте, которая известна о нем в данном коллективе (язык как инструмент классификации и интерпретации реальности конструирует общее понимание того, как устроен или должен быть устроен мир [16, с. 17]).

– единицы, в которых культурно значимая информация выражается в коннотативном аспекте значения (образно-мотивированное основание единицы). Эти вторичные коннотации развиваются на базе первичных под воздействием смыслопорождающей силы знаков культуры [17, с. 158].

В рамках лингвистики, лингвострановедения, лингвокультурологии и теории перевода для обозначения единиц, отражающих национальные особенности культуры народонаосителя конкретного языка, разработано

множество терминов: реалии, фоновая лексика, лакуны, безэквивалентная лексика и др.⁹ Как правило, выявление национально-культурного компонента требует детального сопоставительного исследования, особенно если речь идет не о сугубо национальных явлениях (типа *вигвам*, *юрта* и под.), а об образных, метафорических наименованиях, отражающих национальную специфику мышления.

Таким образом, различие в природе национально-культурной специфики требует разных способов ее отражения в базе данных.

По мнению ученых, это гетерогенный семантический компонент, в котором выделяются обобщенные семы «этническая принадлежность», «локальность», «историческая отнесенность», «общественно-политическая деятельность», «социокультурные сведения», «конфессиональная принадлежность» [18]. Исходя из этого, в словарях можно выявить маркеры каждого из названных показателей (Ср.: табл. 3).

Таблица 3

Маркеры показателей

Table 3

Markers of the indicators

этническая принадлежность	БАЙГА ж. <i>Национальная игра у народов Средней Азии и Казахстана, Башкирии, Южной Сибири</i> , включающая в себя конные состязания, борьбу, стрельбу в цель и т. п. (ТСОШ)
локальность	БАКАЛА'ВР, а, м. [латин. <i>baccalaureus</i>]. Младшая ученая степень в нек-рых иностранных государствах и в старину в <i>России</i> (ТСУ).
историческая отнесенность	ДЕКАБРИ'СТ, а, м. (истор.). Участник <i>восстания 14 декабря 1825 года в России</i> (ТСУ)
общественно-политическая деятельность	ИНТЕРНАЦИОНАЛ [тэ], -а, м. 1. Крупное международное объединение. <i>Первый Интернационал</i> (первая массовая международная организация пролетариата, основанная К. Марксом и Ф. Энгельсом и существовавшая с 1864 по 1876 г.). <...> (ТСОШ)
социокультурные сведения	ЮРЬЕВ ДЕНЬ – в старое время на Руси: осенний праздник святого Георгия (Юрия), в день к-рого крепостным разрешалось переходить от одного помещика к другому, — право, отменённое в конце 16 в.; теперь (разговорное шутовое) ~ о коротком периоде полного освобождения от всяких обязательств; вот тебе, бабушка, и Юрьев день! (разговорное шутовое) — возглас по поводу какой-нибудь неприятной неожиданности (ТСОШ).
конфессиональная принадлежность	ИНДУЛЬГЕНЦИЯ, -и, ж. У <i>католиков</i> : отпущение грехов, а также грамота о таком отпущении, выдаваемая за особую плату церковью от имени папы римского (ТСОШ)

⁹ Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.; Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. – М.: Международные

отношения, 1980. – 344 с.; Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.; Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Истоки, 2003. – 60 с.

Как видим, в словарях используются разнообразные маркеры национально-культурной специфики. Кроме того, они встречаются не только в толковании лексемы, но и в иллюстративном материале, страноведческих пометках и пр. Однако при этом далеко не все национально-культурное своеобразие лексики находит отражение в лексикографических источниках, особенно если речь идет о переносных значениях. Специальные исследования свидетельствуют о том, что эти особенности выявляются путем:

– изучения ассоциативного потенциала лексики, который представляет собой набор признаков, свойственных, по мнению представителей той или иной культуры, определенному денотату и закреплённых в языке. Например, *береза* очень часто в сознании носителей языка связывается именно с Россией и оценивается как один из ее символов (ср. данные Русского ассоциативного словаря: реакции на стимул Россия: мать (8), матушка (5), лес (1), березка (1); реакции на стимул родина – мать (65), береза (1), березка (1), березки (1), березы (1), зелень (1), лес = поле = речка (1), поля = леса = реки (1), природа (1));

– сопоставительного анализа сематического объема метафорических наименований в разных языках, мотивационной базы образной номинации (от полного пересечения до лакунарности). См., например, [19–24].

Включение национально-культурной информации в создаваемую базу данных позволит ее пользователю не только актуализировать фоновые знания, но и увидеть специфику, своеобразие ментальных процессов нации и их отражения в языке. Однако возникают трудности в способах представления этой информации в базе данных, которая должна быть вынесена в отдельный блок. Разнообразие смыслов не позволяет ввести ограниченный список параметров описания национально-культурного компонента. В связи с этим затруднительно использовать этот параметр в качестве поисковой единицы. Поэтому на данном этапе разработки базы указанный прагматический компонент представляется в виде лексикографического комментария, включающего информацию о национальных особенностях лексемы (табл. 4).

Таблица 4

Прагматический компонент в виде лексикографического комментария

Table 4

National-cultural component in the form of the lexicographical comment

Слово	Словарь прагматически маркированной лексики	Национально-культурный компонент
Цаца	О высокомерном человеке, который мнит себя выше других, важничает	звукоподражание в славянских языках, значение о человеке реализуется только в русском языке (ср. в польском <i>sacko bezdeluszka</i>)

Резюмируя сказанное, можно представить следующие прагматические показатели, выделенные в семантике исследуемых лексем, послужившие поисковыми элементами в описываемой базе данных:

1) оценочные: *бран., вульг., высок., грубо, ирон., ласк., неодобр., презрит., одобр., почтит., пренебр., укор., ритор., торж., шутл./ с оттенком шутливости, уничиж., порицат., снисходит., презрит.-пренебрежит., возмуц., насмешл., опасн.*);

2) гендерные: *о женщине; о девушке; о девочке; о мужчине; о юноше; о мальчике; о старом человеке; о ребенке;*

3) возрастные: *о взрослом, о ребенке, о пожилom человеке, о молодом мужчине, о молодой женщине, о пожилom мужчине, о пожилой женщине, о девочке, о мальчике;*

4) статусные: *гоноративный компонент (возвышение адресата), глумилативный (принижение говорящего); принадлежность к социальной группе, высокая/низкая социальная оценка;*

5) идеологические: *религиозное: чужой/иной/свой, политическое: чужой/иной/свой, национальное: чужой/иной/свой, территориально: чужой/иной/свой, социальное: чужой/иной/свой;*

6) национально-культурный: *различные типы комментариев (локальный, этнический, конфессиональный, социокультурный, общественно-политический, исторический и др.).*

Открытость базы данных позволяет не только вводить новый языковой материал, но и расширять список помет прагматического

характера, а также самих составляющих данной зоны лексического значения, тем самым развивать представление о структуре прагматического компонента и способах его репрезентации.

Таким образом, создаваемая база данных дает возможность относительно полно представить лексикографический портрет прагматически маркированного слова и отразить узловые значения и случаи актуального семного и семантического варьирования, наличие и взаимодействие прагматических микрокомпонентов, их динамику, проявляющуюся в современной коммуникации. Пользователь базы может осуществлять поиск по любому параметру базы, тем самым выявлять различные группы лексики, объединенные теми или иными прагматическими смыслами, отслеживать семантические изменения и контекстуальное варьирование. Поэтому предлагаемая база данных имеет значение не только для изучения прагматически маркированной лексики, но и для ее использования в практике лингвистического экспертирования, перевода и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики. Вступительная статья // Новое в зарубежной лингвистике / отв. ред. Е. В. Падучева. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 21–38.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
3. Клаус Г. Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка. – М.: Прогресс, 1967. – 215 с.
4. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: Изд-во МГУ, 1969. – 192 с.
5. Складьяревская Г. Н. К вопросу о прагматической информации в толковом словаре: возможны ли прагматические пометы? // Лингвистическая прагматика в словаре: виды реализации и способы описания / отв. ред. Г. Н. Складьяревская. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 1997. – С. 6–13.
6. Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. – 166 с.
7. Складьяревская Г. Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. – 2001. – № 6. – С. 177–202.

8. **Круглов В. М., Истратий В. В., Гамирова Д. Р., Каплан Е. Д.** Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка / отв. ред. В. М. Круглов. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 442 с.
9. **Тихонова М. А.** Оценочная лексика русского языка: проблемы лексикографирования // Вестник Московского государственного университета печати имени Ивана Федорова. – 2015. – № 2. – С. 352–358.
10. **Крысин Л. В.** Социальные ограничения в семантике и сочетаемости слова // Семиотика и информатика. – 1986. – Вып. 28. – С. 34–54.
11. **Карасик В. И.** Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
12. **Лаппо М. А.** Прагматический потенциал лексем, обозначающих лиц по роду занятий: динамический аспект (на примере лексемы «Учитель») // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 2. – С. 37–49.
13. **Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А.** Деидеологизация словарного описания религиозного слова в русской лексикографической традиции // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14, № 2. – С. 61–67.
14. **Кишина Е. В.** Смысловая модель категории «своё – чужое» на уровне политического дискурса // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2009. – № 1. – С. 47–52.
15. **Телия В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
16. **Fowler R.** Linguistic Criticism. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 272 p.
17. **Иванова С. В., Чанышева З. З.** Семантика и прагматика языкового знака как драйверы культуранности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. – 2014. – № 4. – С. 154–166.
18. **Кохан Н. А.** К вопросу о структуре национально-культурного компонента семантики безэквивалентных лексических единиц в современном английском языке // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2009. – № 10–2. – С. 224–233.
19. **Гутман Е. А., Литвин Ф. А., Черемисина М. И.** Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков) // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 144–165
20. **Мусси В.** Глагольная метафора в русском и итальянском языках (на материале русских и итальянских глаголов с «энтомологическим» значением) // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 167–176.
21. **Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А.** Национально-культурный компонент в семантике наименований насекомых в русском и итальянском языках // Образы Италии в русской словесности XVIII–XX вв. / отв. ред. О. Б. Лебедева, Н. Е. Меднис. – Томск: Изд-во ТГУ, 2009. – С. 261–270.
22. **Dobrzynska T.** Translating Metaphor: Problems of Meaning // Journal of Pragmatics. – 1995. – Vol. 24, Issue 6. – P. 595–604. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/0378-2166\(95\)00022-K](http://dx.doi.org/10.1016/0378-2166(95)00022-K)
23. **Rezanova Z., Khlebnikova A.** Gender Metaphors in Russian and English Linguocultures: A Comparative Study // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 215. – P. 273–278. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.634>
24. **Schäffner C.** Metaphor and translation: some implications of a cognitive approach // Journal of Pragmatics. – 2004. – Vol. 36, Issue 7. – P. 1253–1269. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2003.10.012>

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.09](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.09)

Elena Gennadjevna Basalaeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Theory of Language and Intercultural Communication, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-2830-0294>
E-mail: lena.bas@mail.ru

THE PRAGMATIC COMPONENT AND WAYS OF ITS SEMANTIZATION IN THE ELECTRONIC DATABASE

Abstract

The article describes the structure of the electronic database "Pragmatically marked vocabulary of the Russian language", identifies the structure of the pragmatic component of the word and the means of its representation in the dictionary. The author notes that nowadays, there are different approaches to identifying the place, the volume of the pragmatic component within the structure of the lexical meaning. On this basis, the question of the methods and principles of lexicography of lexemes belonging to the category of pragmatically marked is solved differently. Therefore, the most important objectives of the study are to identify the peculiarities of the pragmatic meanings and find their reflection in the dictionaries of various types. In particular, the author, on the basis of the works of the leading language schools, considers the following structure of the pragmatic macrocomponent: emotional assessment, social status, ideology, gender and age, ethnic and cultural components. The ways of presenting this information in dictionaries are described, the system of markers is suggested. One of the ways to systematize the identified pragmatic indicators is to create an electronic database of pragmatically marked fragments of the language lexical system. The author presents the principles the database being created is based on: the selection criteria of language units; their lexicographical interpretation in the existing dictionaries; processes of seme and semantic variation in different types of discourse; characterization of pragmatic semantic component represented by a developed system of markers, the different types of lexicographical commentary. The advantage of the database being created is seen in the possibility to provide full information about a pragmatically marked word and its dynamics, as well as possibility to search in database by any parameter, thereby identifying the different language groups, united by certain pragmatic meaning. The database focuses on a wide range of users: researchers, linguistic experts, interpreters and teachers of Russian as a second, foreign and native language.

Keywords

Lexical meaning, the structure of pragmatic macrocomponent, the database of pragmatically marked vocabulary.

REFERENCES

1. Arutjunova N. D., Paducheva E. V. Origins, problems and pragmatic categories. Introductory article. *New in foreign linguistics*. Ed. E.V. Paducheva. Moscow, Progress Publ., 1985, Vol. 16. The linguistic pragmatics, pp. 21–38 (In Russian).
2. Apresyan Yu. D. *Pragmatic infonnation for explanatory dictionary*. Apresyan Yu. Integral description of language and systematic lexicography. Selected works, vol. 2, Moscow, Russian Language Culture Publ., 1995, 766 p. (In Russian).
3. Klaus G. *The power of a word. Epistemological and pragmatic analysis of language*. Moscow, Progress Publ., 1967, 215 p. (In Russian).

4. Komlev N. G. *Content structure components of the word*. Moscow, MSU Publ., 1969, 192 p. (In Russian).
5. Sklyarevskaya G. N. About pragmatic information in the Dictionary: are pragmatic litters? *Linguistic pragmatics in the dictionary: types of implementation and ways describe*. Ed. G. N. Sklyarevskaya St. Petersburg, Institute of Linguistic Studies RAS Publ., 1997, pp. 6–13. (In Russian).
6. Tripolskaya T. A. *Emotive-evaluative discourse: cognitive and pragmatic aspects*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 1999, 166 p. (In Russian).
7. Sklyarevskaya G. N. Word in a changing world: Russian language of the early XXI century: state, problems and prospects. *Studies in Slavonic languages*. 2001, no. 6, pp. 177–202. (In Russian)
8. Kruglov V. M., Istratij V. V., Gamirova D. R., Kaplan E. D. *Regulatory and usage labels in academic explanatory dictionary of the Russian language* Ed. V. M. Kruglov. St. Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2015, 442 p. (In Russian).
9. Tihonova M. A. Evaluation vocabulary of Russian language: lexicografications issues. *Vestnik Moscow State University of Printing Arts by Ivan Fedorov*. 2015, no. 2, pp. 352–358 (In Russian).
10. Krysin L. V. Social restrictions on semantics and combinability of words. *Semiotics and informatics*. 1986, vol. 28, pp. 34–54. (In Russian).
11. Karasik V. I. *The language of social status*. Moscow, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences Publ.; Volgograd State Pedagogical University Publ., 1992, 330 p. (In Russian).
12. Lappo M. A. Pragmatic potential of lexemes designating persons by professions: the dynamic aspect. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2014, no. 2, pp. 37–49 (In Russian).
13. Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A. "De-ideoloization" of dictionary entries of religious words in traditional and modern Russian lexicography. *Vestnik Novosibirsk State University. History and Philology*. 2015, vol. 14, no. 2, pp. 61–67. (In Russian)
14. Kishina Ye. V. Meaning model of the category «own - strange» at the level of political discourse. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2009, no. 1, pp. 47–52 (In Russian).
15. Telija V. N. *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and lingvokulturological aspects*. Moscow, School Russian Culture Languages Publ., 1996, 288 pp. (In Russian).
16. Fowler R. *Linguistic Criticism*. Oxford, Oxford University Press Publ., 1996, 272 p
17. Ivanova S. V., Chanysheva Z. Z. Semantics and Pragmatics of a Linguistic Sign as Cultural Information Drivers. *Russian journal of linguistics: Vestnik RUDN*. 2014, no. 4, pp. 154–166 (In Russian).
18. Kohan N. A. To the question of national-cultural component structure in semantics of non-equivalent lexical units in modern English. *Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2009, no. 10-2, pp. 224–233 (In Russian).
19. Gutman E. A., Litvin F. A., Cheremisina M. I. Comparative analysis of zoomorphic features. *National-cultural specificity of verbal behavior*. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 144–165 (In Russian).
20. Mussi V. Verbal metaphor in the Russian and the Italian language (based on Russian and Italian verbs with an «entomological» meaning). *Siberian Philological Journal*. 2012, no. 3, pp. 167–176. (In Russian).
21. Bulygina E. Yu., Tripolskaja T. A. National- cultural component in the semantics of names of insects in Russian and Italian. *Images of Italy in the Russian literature of XVIII–XX*. Tomsk, TSU Publ., 2009, pp. 261–270 (In Russian).
22. Dobrzynska T. Translating Metaphor: Problems of Meaning. *Journal of Pragmatics*. 1995, no. 24, Issue 6, pp. 595–604. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/0378-2166\(95\)00022-K](http://dx.doi.org/10.1016/0378-2166(95)00022-K).
23. Rezanova Z., Khlebnikova A. Gender Metaphors in Russian and English Linguocultures: A Comparative Study. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015, vol. 215, pp. 273–278. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.634>
24. Schäffner C. Metaphor and translation: some implications of a cognitive approach. *Journal of Pragmatics*. 2004, vol. 36, no. 7, pp. 1253–1269. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2003.10.012>

© Б. Ю. Норман, А. М. Плотникова

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.10](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.10)

УДК 811.161.1

КОНСТРУКЦИИ С МЕСТОИМЕНИЕМ *МЫ*: ФОРМИРОВАНИЕ АКТУАЛЬНОЙ ИЛИ ОККАЗИОНАЛЬНОЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Б. Ю. Норман (Минск, Республика Беларусь), А. М. Плотникова (Екатеринбург, Россия)

В статье на материале русского языка рассматриваются языковые аспекты создания социального автопортрета говорящего через его отнесение к множеству лиц, с которыми он себя объединяет. Анализируются синтаксические конструкции с семантикой таксономической или оценочной характеристики, построенные по модели «Мы – N», где N – существительное или местоимение-существительное. С опорой на данные идеографических словарей выявлены наименования совокупностей лиц в русском языке, показаны некоторые различия между собирательными именами и формами множественного числа. Наиболее типичным способом коллективной самопрезентации является использование в качестве предикатов слов, называющих социальный индекс, т. е. профессиональную, религиозную, политическую и другую принадлежность лица к социальным группам. Например: мы писатели, мы ученые, мы православные, мы пролетариат, мы крестьянство. В формулах самоидентификации местоимение мы служит средством выражения коллективистской идеи, подавляя отдельность его членов и фиксируя целостность того множества, которому приписывается индекс мы.

Репертуар лексических единиц, используемых для коллективной идентификации, характеризуется функциональным разнообразием, что обусловлено множеством социальных ролей, которые выполняет человек, будучи членом различных макро- и микроструктур. Каждая из рассмотренных в статье пяти моделей связана со стратегиями речевого поведения, при которых идентификация с группой лиц направлена на конструирование личностно-значимых целей, ценностей, убеждений.

Особое внимание уделяется таким конструкциям, в которых самоидентификация используется для создания речевой маски, особого художественного образа. Анализируются

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005)

Норман Борис Юстинович – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь; ведущий научный сотрудник Проблемной лаборатории компьютерной лексикографии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Е-mail: boris.norman@gmail.com

Плотникова Анна Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Е-mail: annamp@yandex.ru

метафорические выражения, позволяющие создать уникальные характеристики идентичности. Будучи с формальной точки зрения конструкциями со значением коллективной самоидентификации, содержательно такие конструкции служат средством самоидентификации говорящего, его интенции быть включенным в некий коллектив.

Ключевые слова: местоимение *мы*, семантика, прагматика, синтаксические конструкции, идентичность, социальный статус

Интеграция человека в сложную систему социальных отношений предполагает обмен информацией, установление и поддержание контакта, оценивание себя и социальных групп с точки зрения отдельных поступков, образа жизни, профессиональной принадлежности, отношения к собственности и социального статуса. Человек, являясь членом различных общественных структур, характеризует себя, прибегая к формулам самоидентификации и вписывая себя в социально близкий ему круг лиц. Например: «*Я, Д-503, строитель Интеграла, – я только один из математиков Единого государства*» (Е. Замятин).

Особенностью выражения коллективной идентичности является наличие эталонного морфологического средства – личного местоимения *мы*, которое используется для акцентирования того множества лиц, к которому человек относит себя.

Семантико-грамматическим и коммуникативно-прагматическим особенностям местоимения *мы* посвящена обширная научная литература. Не углубляясь в проблематику, связанную с использованием этого местоимения, отметим, что наибольшие споры вызывает категория числа применительно к местоимениям *я* и *мы*. Размышления о составляющих местоимения *мы* приводят к выводу о том, что «семантическая сложность *мы* в русском языке обусловлена как неопределенностью второй составляющей “совокупного субъекта” (“не-я”), так и возможностью различного долевого участия партнеров в рамках этого субъекта» [10, с. 233]. Идея о доле-

участии других субъектов коммуникации получает развитие в работе И. Ю. Граневой, которая систематизирует коммуникативно-прагматические типы употреблений *мы* [2].

В академическом дискурсе известно преподавательское и научное *мы*, в политическом дискурсе – партийное *мы*, в общении врача с пациентом применяется докторское участливо-совокупное *мы*, в рекламных текстах – рекламное *мы*. Все эти и другие употребления *мы* служат сигналами интерактивности, реализуемой местоимением. Употребления местоимения *мы* и его английского аналога *we* как средств диалогизации и включения адресата в некое сообщество попадают в поле зрения зарубежных и отечественных исследований (см.: P. Bull, A. Fetzer [12], A. De Fina [13], I. Fortanet [14], M. Handford [15], O. Krapivkina [16]).

В межличностном общении *мы* служит средством регуляции текущих отношений, как в примере (1):

(1) –...*Дом это часть человека.*

– *Мы это понимаем.*

Мельников назвал себя на «мы». Вероника знала, что решать будет он, но Мельников пожелал сделать вид, что от него ничего не зависит, вернее, не все зависит только от него (В. Токарева).

Примеры различного семантического наполнения местоимения *мы* убедительно свидетельствуют о диффузности, «размытости» его содержания, которую хорошо иллюстрируют примеры (2) и (3) из романа «Таинственная страсть» В. Аксенова. Говорящий более или менее определенно формирует для

себя этот коллективный субъект, но для слушающего остальная часть этого *мы* совершенно неясна, и она требует уточнения:

(2) – *Хороший парень, – улыбнулся Роберт. [...] – Мы все к нему очень хорошо относимся.*

– *Кто это «мы»? – вдруг с некоторой зловецинкой спросил МДДМ.*

– *Ну, наша компания.*

– *Ваша старая компания?*

(3) *Однажды Юрченко его спросил:*

– *Вот ты все время говоришь «мы вступаем... мы развалимся, если...», скажи, кого ты имеешь в виду под «мы»?*

– *Под «мы» я имею в виду Советский Союз, – ответил он.*

Приведенные примеры демонстрируют, каким мощным инструментом манипуляции может быть местоимение *мы*: оно представляет собой в языке своего рода «джокер», т. е. карту, которая может принимать любое значение, какое захочется игроку (говорящему). И понятно, что по ряду причин адресат может не доискиваться, что за вторая составляющая (кроме «я») в этом *мы* – иногда ему проще «по умолчанию» согласиться с говорящим, преследующим свои иллюкутивные цели. И вот тогда-то адресат речи попадает в идеологический капкан. Стоит отметить, что, хотя манипулятивный потенциал этого местоимения как инструмента формирования идеологии тоталитаризма, а также средства формирования демагогического дискурса достаточно хорошо описан, современная речевая практика свидетельствует о том, что ресурсы высказываний с местоимением *мы* настолько обширны, что исследовательский интерес к этому местоимению и его прагматическому потенциалу не угасает.

В рамках данной статьи сосредоточимся на специфике употребления местоимения *мы*

в конструкциях со значением социальной самоидентификации и самопрезентации. В таких употреблениях дейктическая функция этого местоимения может быть ослаблена, т. к. оно отсылает не к непосредственным участникам коммуникации, а к некоему множеству людей, которое в отдельных случаях (обычно в политических текстах) может и не включать в себя субъект «я». Например, Н. И. Бухарин, по своему происхождению и социальному статусу не относящийся ни к рабочим, ни к крестьянам, пишет: «Начиная с 1924 года мы, рабочий класс и крестьянство прежней царской России, начали довольно быстро вылезать из ужасной разрухи, стали залечивать тяжелые раны, стали изживать неурядицу и беспорядок, царившие в прошлые годы».

Для ограничения текстовых фрагментов *мы* применим формальный критерий, рассматривая только те контексты, которые содержат форму *мы* во всех его падежах и по своим логико-синтаксическим особенностям либо являются предложениями таксономической и оценочной характеристики с именным предикатом (например, *мы учёные*), либо представляют собой конструкции с синтаксической аппликацией, которые обычно трактуются в грамматиках как обособленные приложения («*Нам, ученым, хорошо там, где есть условия заниматься наукой*», Д. Гранин).

При систематизации материала рассматривается взаимодействие семантики местоимения *мы* с номинациями совокупностей лиц. В качестве предикатов в таких предложениях выступают имена отдельных субъектов в форме множественного числа существительных, а также наименования совокупностей (*семья, бригада, правительство* и др.). А. В. Румянцева выделяет три семантических типа языкового представления людских множеств:

- собирательные совокупности (*крестьянство*);
- коллективные совокупности (*семья*);
- актуально-ситуативные совокупности (*толпа*).

Исследовательница утверждает признак дискретности, свойственный наименованиям совокупностей лиц: «На дискретность множества могут указывать наличие у производной номинации внутренней формы (*студент – студенчество*), парадигматические отношения с номинацией лица (*электорат – избиратель; семья – отец, мать, дети*), а также синтагматические связи номинации людского множества и контекст в целом»¹.

В то же время в языке существуют такие наименования совокупностей лиц, которые противоречат дискретности, представляют множество как однородную массу (*рабочая сила, все прогрессивное человечество, братство советских народов, верхи и низы, политические элиты, средний класс, потерянное поколение*). Такое множество представляет собой «сращенное» единство, допускающее лишь виртуальное вычленение составляющих его частей с невозможностью счета. Эти устойчивые словесные комплексы, сближающиеся с фразеологическими единицами, почти не отражены в лексикографических источниках и трудно поддаются систематизации по причине постоянного обновления состава класса.

Сопоставляя имена совокупностей и имена отдельных объектов в форме множественного числа, О. Н. Ляшевская пишет: «...Совокупности сохраняют идею ‘много X’ в более чистом виде, не накладывая ограничения на целостность времени-места, на особое предназначение объекта. <...> замена имени совокупности на множественное число имени отдельного объекта возможна далеко не всегда. Основное требование к такой замене – однородность обозначаемых совокупностью лиц или предметов, ср. *Российское офицерство поддерживает реформы ≈ Российские офицеры поддерживают реформы*» [8, с. 164].

В конструкциях со значением самоидентификации смысловые различия между формами множественного числа конкретных имен и собирательными существительными носят еще и ценностный характер: собирательное имя в силу обобщенного его значения предполагает, что говорящий подчеркивает категориальную значимость группы, её корпоративный характер, ср.: «*Мы интеллигенция, фермент, который должен соединить рабочих и крестьян в одну силу*» (М. Горький).

Из БТСРС² были выявлены все лексические классы единиц (729 единиц), называющих совокупности лиц, т. е. приспособленные для выражения идеи совместно существующих, действующих, функционирующих субъектов.

Значительная часть этих единиц служит для обозначения наций и народов (281) и со-

¹ Румянцева А. В. Комплексный анализ способов выражения множеств лиц в современном русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. С. 10.
Rumyantseva A. V. Comprehensive Analysis of the Ways of Expressing Collectivity in the Russian Language. Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation. Moscow, 2007. (In Russian)

² БТСРС – Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс, 2005. – 864 с.
Great Explanatory Dictionary of Russian Nouns: Ideographical description. Synonyms. Antonyms (Ed.) L. G. Babenko. Moscow, AST-Press Publ., 2005. – 864 p. (In Russian)

циальных отношений (185). Остальные распределяются по денотативным сферам: военная служба (58), политика (36), управление (31), религия (25), родственные и семейные отношения (24), искусство (20), производство (19), спорт (18), по десять и менее единиц включают сферы науки, права, медицины, образования, средств массовой информации, сельского хозяйства.

Более дробная классификация имен, называющих совокупности лиц и отражающих сложность социальной стратификации общества, содержится в РСС³, где, в отличие от БТСРС, совокупности лиц выделены в самостоятельную тематическую область. Например, все имена, характеризующие совокупности лиц, связанных социальными отношениями, в этом словаре делятся на постоянные и временно созданные объединения, высшие и низшие слои общества и другие подтипы.

Словари не ставят перед собой задачу отобразить новые лексические единицы, которые обозначают лиц, связанных некими социальными функциями. Например: *креативный класс*, *офисный планктон* и др. Эти языковые единицы чувствительны к социальным изменениям в обществе: еще недавно употребительные в политической коммуникации *белоленточники* и *болото* для обозначения оппозиционеров, *ватники* и *уралвагонзавод* для характеристики рабочих, поддерживающих официальную политику, постепенно теряют свои позиции, на смену им приходят новые номинации групп. Поэтому репертуар лексических единиц, называющих имена совокупностей, оказывается в текстах реально шире того, что зафиксирован в лексикографических источниках.

Сосредоточившись только на конструкции «Мы – N», где N – имя, характеризующее группу лиц по социальному статусу (понимание социального статуса представлено в работах В. И. Карасика [4], И. Е. Кима [5], Л. П. Крысина [6]), сформулируем определенные закономерности, диктующие распределение конструкций со значением коллективной самоидентификации по семантико-прагматическим и частным синтаксическим моделям:

1. N – слово, называющее социальный индекс (профессиональную, религиозную, политическую и другую принадлежность лица к социальным группам). Это наиболее типичный способ коллективной самопрезентации, при котором в качестве предиката выступают как словоформы множественного числа (*мы писатели*, *мы ученые*, *мы православные*, *мы коммунисты*), так и собирательные имена (*мы пролетариат*, *мы крестьянство*, *мы офицерство*, *мы публика*). В этом случае местоимение *мы* включает в себя говорящего и некую корпоративно обобщенную группу лиц, относительно которой В. В. Химик пишет: «В то время как собственно корпорация лиц, к которой относит себя говорящий (“мы”), обычно достаточно определена, её количественный состав, круг объединяемых лиц, за исключением обязательной инклюзии говорящего, не всегда достаточно ясен. В силу этого рассматриваемый вариант авторского “мы” нередко отличается известной неопределенностью, “алгебраичностью” семантики. <...> В результате употребление этих средств в диалогической речи иногда создает некоторый коммуникативный дискомфорт – возможность различного толкования воспринимаемыми лицами инклюзивного мы (кто ещё, кроме говорящего?)» [11, с. 47–48].

³ РСС – Русский семантический словарь / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. 762 с.

Russian Semantic Dictionary / Ed. By N. Y. Shvedova. Volume 2. 762 p. (In Russian)

Иллюстрацией последнего тезиса может стать следующий пример:

Новый русский спрашивает своего служащего:

– *Какой сегодня день?*

– *Сегодня у нас вторник, – отвечает тот.*

– *То есть как это «у нас»? – удивляется новый русский. – С каких это пор вы стали моим компаньоном?*

(Сборник «Анекдоты и байки про новых русских»).

В функции самоидентификации в метонимическом значении способны выступать наименования организаций и учреждений (*мы администрация, мы школа, мы университет*). Метонимические обозначения используются также для называния временных социальных ролей. Например: «*В общем я поняла, что это мне напоминает – «Титаник» в миниатюре. Мы-то не утонем, мы первый класс, у нас заплачено за шлюпки*» (Т. Толстая). Однако временно созданные объединения, такие как *делегация, жюри, команда, комиссия, президиум, экспедиция*, для формул самоидентификации применяются нечасто. Вероятно, коллективное самосознание склонно оперировать постоянными социальными ролями, отражая систему общественных отношений.

Подтверждением этому являются частотные данные, которые приводит О. Н. Ляшевская, рассматривая грамматические профили существительных, предрасположенных к образованию «коллективов»: «В именах лиц примерно с равным успехом представлены формы единственного и множественного числа. Однако в отдельных лексических группах наблюдается большой разброс. Имена родства в основном встречаются в форме ед.

числа, имена профессий показывают, распределение, близкое к среднему», максимальна представленность форм множественного числа у этнонимов [9, с. 327]. Приводимые в данной работе статистические показатели свидетельствуют о том, что названия профессий чаще используются как имя класса (*железнодорожники, предприниматели, военнослужащие геологи, социологи* и т. п.), однако единственность свойственна названиям руководителей (*режиссер, дирижер, продюсер*) и названиям профессий в области сервиса (*домработница, няня, таксист, повар*) [9, с. 333–334].

2. N – слово, характеризующее возрастную и гендерную принадлежность. В функции предиката могут выступать как формы множественного числа («*Мы, женщины, повелительницы котлов, изобретательницы каш...*», Н. Заболоцкий), так и собирательные имена («*Сугробов навалило выше домов, и мы, детвора, катались на лыжах с крыши, проезжая мимо дымящихся печных труб*», А. Ким).

Признак возраста и пола, казалось бы, не связан с социально значимой ситуацией, требующей коллективной рефлексии, хотя, безусловно, для личной самопрезентации эти признаки могут быть актуальны. По данным Национального корпуса русского языка⁴, обнаруживается специфика в распределении имен коллективной гендерной идентичности: 373 контекста на конструкцию «мы женщины» и всего 89 «мы мужчины» при почти равном соотношении аналогичных конструкций с местоимением *я*. Женщинам более свойствен коллективный образ мышления и поступков. Примечательно, что в формулах коллективной идентичности женщины приписывают себе преимущественно самоуничижи-

⁴ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/>

тельные характеристики: *глупые, слабые, неопытные, мелочные, болтливые, капризные, доверчивые, трусливые*, однако действия, выступающие в качестве самохарактеристик, расходятся с этим стереотипом. Например: «*Пережито многое... И многое впереди. Но я в нас верю. Мы снова прикроем, закроем, спасем и утешим – теплом и любовью, верой и верностью*» (М. Метлицкая).

Специалистами по русской разговорной речи отмечается склонность к использованию местоимения *мы* для речевого поведения женщин [3]. Это эмоциональное *мы*, маркирующее объединение со своими детьми, мужем, родителями, подругами и ровесниками, обнаруживается даже в женских мемуарных текстах, которые, казалось бы, должны транслировать личный, индивидуальный опыт человека. Использование *мы* повышает значимость сказанного, переводя личный опыт женщины в опыт поколения.

3. N – имя, характеризующее этническую, а также региональную принадлежность лица. Например: «*Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, С раскосыми и жадными очами!*» (А. Блок).

Тема этнического самоопределения и существования автостереотипов (представлений о своей этнической общности) осмыслена в литературе по психологии, социологии, этнолингвистике, теории межкультурной коммуникации. Рассматривалась она и на материале высказываний со значением самоидентификации и самопрезентации [7, с. 110–134]. Отметим конфликтный потенциал таких конструкций, служащих средством выражения гиперидентичности, т. е. представления о своей этнической общности как о лучшей, эталонной, следствием чего является враждебное отношение ко всем представителям «чужой» этнической общности.

Однако безусловный патриотический смысл реализуют высказывания, в которых говорящий связывает свою судьбу с судьбой города, региона, страны: «*Одною небывалою борьбой, одной неповторимою судьбой, мы все отмечены. Мы – ленинградцы*» (О. Берггольц); «*И нам по нраву наше имя: Да, мы Москва. Да, мы – Сибирь*» (А. Твардовский). Если в первом примере обозначена принадлежность лица к множеству, то во втором топоним выступает способом особой категоризации мира, когда каждый гражданин страны причастен к тому великому, что происходит в Москве или Сибири.

Большей семантической сложностью характеризуются конструкции с компонентом «народ», в которых реализована идея единства. Например: «*Мы – народ сверхъестественной живучести и настолько причудливо талантливый, что умеем выводить пользу даже из общественно-хозяйственных катастроф*» (В. Пьецух). В результате поиска контекстов в Национальном корпусе русского языка, соответствующих модели «мы – народ А», где А – это прилагательное, обнаруживаются следующие употребления (распределены по степени убывания): *мы – народ темный, терпеливый, бедный, русский, простой, маленький, дикий, вольный, легкий, покладистый, чрезмерный, хлебосольный*. При ином порядке компонентов, когда прилагательное находится в препозиции к слову «народ», возникают предложения, в которых отчетливо выражается идеологический смысл: *мы – русский (многонациональный, советский, великий, государственный) народ*. Называя сложное и многомерное явление, слово «народ» в высказываниях с семантикой самоидентификации обозначает некий идеальный объект, значение которого предельно обобщенно и неопределенно.

Отдельные примеры со словами «нация» и «этнос» в предложениях со значением идентификации носят, скорее, окказиональный характер. Так, в известном высказывании И. Бродского отражен отчасти гумбольдтианский взгляд на связь языка и национального характера «*Мы нация многословная и многосложная, мы – люди придаточного предложения, завихряющихся прилагательных*» (И. Бродский).

4. N – имя, характеризующее человека по характеру, поведению, образу жизни, интересам. В этой модели используются формы множественного числа, например: «*Мы все от рождения полиглоты*» (Д. Петров). Собирательные имена в этой тематической области отсутствуют, и это вполне объяснимо: особенности характера, поведения, интересов – это проявления человеческой индивидуальности. Формы множественного числа, например, таких существительных, как *храбрецы, смельчаки, добряки, весельчаки, обманщики*, используются крайне ограниченно в формулах коллективной идентичности, что можно объяснить уникальностью поведенческих реакций и трудностью их категоризации в отношении коллективных субъектов. Индивидуальные характеристики человека трудно поддаются «суммированию».

В связи с рассматриваемой моделью представляет интерес конструкция «Мы люди А», где А – прилагательное (*мы люди простые, темные, маленькие, бедные, грешные, скромные*). Такие высказывания реализуют значение самоумаления говорящего, а местоимение *мы* используется зачастую для обозначения *я* говорящего лица. В то же время наличие положительных оценочных образов почти

всегда предполагает наличие реального множественного субъекта: *мы люди работающие, мы люди культурные, мы люди образованные*.

5. N – имя, называющее некую маску, образ, который используется для того, чтобы представить себя в виде кого-то, идентифицировать себя с кем-то.

При разнообразии метафорических образов, выбираемых в качестве символов коллективной идентичности, обнаруживается и некоторая закономерность в грамматической специфике единиц. Это либо существительные *pluralia tantum* («*Мы – уста пространства и времени*», А. Тарковский), либо те существительные, в семантике которых заключена идея повторения, воспроизведения, отражения («*Мы – эхо, мы долгое эхо друг друга*», Р. Рождественский; «*Мы – зеркала, где все отображенья чудесно множатся и движутся, дробясь...*», Б. Слуцкий). Если же выбирается иной метафорический образ, то подчеркивается его партитивный характер по отношению к некоему целому: «*Мы – искры от единого костра*» (Е. Кузьмина-Караваева); «*Мы – пена в мутном потоке пресловутой красной волны*» (К. Кинчев).

Это же соображение об единстве группы лиц, встраиваемой в *мы*, отражено в модели, которая связывает *мы* с местоимением *они*.

Прагматическое противопоставление *мы* и *они* является основой конфликтного дискурса. «Понятие *они* концентрирует в себе черты далекого и неизвестного, чужого и чуждого, а потому склонно к негативной коннотации <...>. В сферу множественного 3-го лица втягиваются такие межличностные отношения, как незнание, дистанцирование, недоверие, неприязнь, вражда и т. п.»⁵ И в то же

⁵ Норман Б. Ю. «Вот простые слова»: мы и они // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сб. трудов Межд. науч. конф., посвященной 200-летию со

дня рождения М. Ю. Лермонтова / под ред. П. А. Леканта. М., 2014. – С. 192–197.

время отвлеченные раздумья о судьбах всего человечества приводят писателей и поэтов к мысли о единстве всех живших и ныне живущих, о связи поколений. Эта мысль звучит в стихотворении С. Кирсанова «Ночь под новый век», сюжет которого связан с письмом, написанным в 1941 году убитым солдатом и прочитанным накануне нового XXI века:

Я –
это ты,
твоими друзьями, продленный
до полного мира,
до крайней мечты,
до века,
где счастьем,
как снегом,
засыпаны все рубежи <...>
И мы –
в обновленные дни
прошедшие дальше,
прожившие дольше, –
они.

Мысль о единстве звучит в лозунгах против национальной нетерпимости («Они – это мы, мы – это они»), размышлениях о пришельцах с других планет («Мы – это они или наоборот?»), указаниях на связь человека с животным миром («Разве мы – не они, только в увеличенных размерах?»).

В формулах самоидентификации местоимение *мы* служит средством выражения коллективистской идеи, подавляя отдельность его членов и фиксируя целостность того множества, которому приписывается индекс *мы*.

Представляют также интерес конструкции *мы с тобой* и *мы с вами*, используемые в функции инклюзивной автореференции (подробнее об этом см.: [1]), которые в данной

статье специально не рассматриваются ввиду того, что они ограниченно используются в идентификационных функциях. В интересующем нас значении самоидентификации иногда применяются конструкции с отрицанием, в которых создание общего коммуникативного пространства между говорящим и адресатом служит различным прагматическим целям – от утешения до упрека: «*Ведь мы с вами не вояки, правда? Вы – девушка, существо робкое. Я – инвалид*» (Д. Рубина), «*Мы с вами не дети, чтобы верить в такие вещи*» (Л. Юзефович). В контекстах с отрицанием возможно использование оценочных номинаций совокупностей, например: «*Мы не дураки – в карты не играем*» (А. Арбузов); «*Мы не воры, не растрачители и себе домой эту лососину в рукаве не таскаем*» (И. Ильф и Е. Петров).

Следует оговорить, что в системе наименований множеств есть группа стилистически маркированных слов с ярко выраженными пейоративными коннотациями (*солдатня, шоферье, ворье, хамье*), которые не используются в функции самоидентификации в силу экспрессивности и заложенного в них враждебно-неуважительного отношения к группе лиц. Если субъекту «я», т. е. самому себе, говорящий может приписывать негативные черты с целью саморазоблачения или самоумаления, то *мы* окрашено исключительно позитивными коннотациями.

Человек в принципе склонен оценивать себя позитивно. Критическая оценка самого себя обычно ограничивается временными или пространственными рамками: «это здесь, сейчас я оплошал», «это в этом я виноват» и т. п. Но распространять такую негативную оценку

Norman B. Y. 'These Are Simple Words': 'Мы' and 'Они' // The Rational and Emotional in the Russian Language: Proceedings of the International Conference Ded-

icated to the 200th Anniversary of the Birth of M. Y. Lermontov / Ed. by P. A. Lekanta. Moscow, 2014. – P. 192–197. (In Russian)

на коллективного субъекта, в который говорящий входит, у него мало прав: он связан с другими составляющими *мы*, так сказать, презумпцией позитивности (*мы* – это не *они*).

Неупорядоченные множества (*орава*, *скопище*, *сброд* и др.) также не применяются для самоидентификации, т. к. они хаотичны, неконтролируемы, неорганизованны и часто связаны с идеей социально осуждаемых действий (*шайка рэкетиров*, *свора критиков*), что препятствует их приписыванию коллективному субъекту, в который включен говорящий.

Итак, каждое *мы* в конструкциях самоидентификации образует свою собственную референцию и соответствует определенному референту – говорящему лицу, группе лиц, однородной или неоднородной, дискретной или не дискретной. Все это позволяет говорить об определенной семантической энтропии, размывающей содержание местоимения *мы* в речевых актах, которые формально выражают идею самоидентификации.

Семантический кластер *мы* существует в сознании индивида – того человека, который это *мы* произносит. Именно говорящий формирует (с некоторой долей размытости) ту общность, в которой находит для себя место. Сколько говорящих – столько и может быть разных *мы*, и даже намного больше, потому

что каждый человек, как нам известно, входит в одно и то же время в множество постоянных и временных коллективов, ср.: *«Мы нашего отряда, Мы футбольной команды, Мы палатки, Мы стола в столовой, Мы, которые курим, Мы, которые поем хором... Мы евреи, Мы всех людей...»* (И. Ефимов).

Будучи с формальной точки зрения конструкциями со значением коллективной самоидентификации, содержательно такие конструкции служат средством самоидентификации говорящего, его интенции быть включенным в некий коллектив. Например:

«– Только вилку ему подавай! Пряма интеллигенция!»

<...> ее слова обращались ко всем, кто лежал в палате, всех призывали в свидетели моей личности.

– А чем мы не интеллигенция? – бойко отозвался мой сосед Колян с вытатуированными на плече тремя куполами. – Мы самая интеллигенция и есть» (Е. Чижов).

Формируемая в речи сфера множественного субъекта не позволяет считать ее проявлением коллективной самоидентификации. Идентификация остается личностной, но говорящий с известной долей свободы формирует некий виртуальный коллектив, который другими членами коллектива, а также слушающим может не признаваться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вайсс Д. Типы автореференции в современном русском языке // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: сборник статей. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – С. 627–640.
2. Гранева И. Ю. Местоимение «мы» как средство идеологических манипуляций в русской языковой картине мира // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4-2. – С. 494–496.
3. Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. – М.: Наука, 1993. – С. 90–136.
4. Карасик В. И. Язык социального статуса. – М.: Гнозис, 2002. – 334 с.

5. **Ким И. Е.** Три способа моделирования социальных реалий в современном русском языке // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 192–199.
6. **Крысин Л. П.** Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М.: Наука, 1989. – 188 с.
7. **Лаппо М. А.** Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – 180 с.
8. **Ляшевская О. Н.** Семантика русского числа. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 400 с.
9. **Ляшевская О. Н.** Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка. – М.: ЯСК. Рукописные памятники Древней Руси, 2016. – 520 с.
10. **Норман Б. Ю.** Русское местоимение *мы*: внутренняя драматургия // Russian Linguistics. – 2002. – Vol. 26, № 2. – С. 217–234.
11. **Химик В. В.** Категория субъективности и ее выражение в русском языке. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. – 184 с.
12. **Bull P., Fetzer A.** Who are *we* and who are *you*? The strategic use of forms of address in political interviews // Text and Talk. – 2006. – Vol. 26, Issue 1. – P. 3–37.
13. **De Fina A.** Pronominal choice, identity and solidarity in political discourse // Text. – 1995. – Vol. 15, Issue 3. – P. 379–410.
14. **Fortanet I.** The use of ‘we’ in university lectures: References and function // English for Specific Purposes. – 2004. – Vol. 23, Issue 1. – P. 45–66.
15. **Handford M.** Cultural identities in international, interorganisational meetings: a corpus-informed discourse analysis of indexical *we* // Language and Intercultural Communication. – 2014. – Vol. 14, Issue 1. – P. 41–58.
16. **Krapivkina O. A.** Pronominal Choice in academic discourse // Middle-East Journal of Scientific Research. – 2014. – Vol. 20, Issue 7. – P. 833–843.

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.10](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.10)

Boris Yustinovich Norman, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Theoretical and Slavonic Linguistics, Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus; Leading Researcher of the Department of Contemporary Russian language and applied linguistics, Ural Federal University Named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-8520-5387>

E-mail: boris.norman@gmail.com

Anna Mikhailovna Plotnikova, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Contemporary Russian language and applied linguistics, Ural Federal University Named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-6027-2855>

E-mail: annamp@yandex.ru

STRUCTURES WITH THE PRONOUN *MY*: FORMATION OF ACTUAL AND OCCASIONAL COLLECTIVE IDENTITY

Abstract

The article discusses how Russian speakers linguistically construct their social self-portraits by relating themselves to specific social groups. The analysis focuses on syntactic structures with semantics of taxonomic or evaluative characterization which fit the model 'Мы – N' ('We are N'), where N is a noun or a personal pronoun. The relevant linguistic units found in the utterances in question were selected on the basis of the data provided by ideographic dictionaries.

The most typical way of collective self-presentation is the usage of social class indices as predicates. These are words referring to the person's professional, religious, political and other identity: for example, 'we are writers', 'we are scientists', 'we are Orthodox Christians', 'we are the Proletariat', or 'we are peasants'. In self-identification formulae, pronoun 'мы' expresses collectivism by suppressing individuality of its members and focusing instead on the unity of the group which corresponds to index 'мы'.

The analysis has established that there are certain differences between collective names and plural forms in the Russian language. Linguistic units used for self-presentation and self-identification perform diverse functions due to the fact that a person as a member of various macro and micro social structures enters into multiple social relationships. Each of the five models of social self-identification and self-presentation described in this article is linked to the strategies of speech behavior by which the speaker identifies themselves with a specific social group thus attaining significant personal goals.

This research makes a special emphasis on the structures in which self-identification is used to create a 'speech mask', a special figure of speech. We analyze metaphoric expressions which allow the speaker to create unique characteristics of identity. Although formally these are structures of collective self-identification, semantically they serve as a way of speaker's self-identification and express his or her intention to be included into a certain social group.

Keywords

Pronoun 'мы', semantics, pragmatics, syntactic structures, identity, social status

REFERENCES

1. Weiss D. Types of ego-references in contemporary Russian. *Meanings, texts, and other exciting things*. Moscow, Languages of the Slavic Culture Publ., 2012, pp. 627–640. (In Russian)
2. Graneva I. Y. Pronoun ‘Мы’ as a Means of Ideological Manipulations in the Russian Linguistic Worldview. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2010, no. 4-2, pp. 494–496. (In Russian)
3. Zemskaya E. A., Kitaygorodskaya M. A., Rozanova N. N. Characteristics of Male and Female Speech. *Functioning of the Russian Language*. Ed. By E. A. Zemskaya and D. N. Shmelev. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 90–136. (In Russian)
4. Karasik V. I. *Language of Social Status*. Moscow, Gnozis Publ., 2002, 334 p. (In Russian)
5. Kim I. E. Three Methods of Modelling of Social Realia in the Contemporary Russian Language. *Siberian Philological Journal*. 2011, no. 1, pp. 192–199. (In Russian)
6. Krysin L. P. *Sociolinguistic Aspects of Studies in the Modern Russian Language*. Moscow, Nauka Publ., 1989, 188 p. (In Russian)
7. Lappo M. A. *Self-Identification: Semantics, Pragmatics, and Language Resources*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2013, 180 p. (In Russian)
8. Lyashevskaya O. N. *Semantics of the Category of Number in the Russian Language*. Moscow, Languages of the Slavic Culture Publ., 2004, 400 p. (In Russian)
9. Lyashevskaya O. N. *Corpus Tools in Grammar Studies of the Russian Language*. Moscow, Languages of Slavic Culture: Manuscripts of Ancient Rus Publ., 2016, 520 p. (In Russian)
10. Norman B. Y. Russian Pronoun ‘Мы’: Inner Drama. *Russian Linguistics*. 2002, vol. 26, no. 2, pp. 217–234. (In Russian)
11. Khimik V. V. *The Category of Subjectivity and its Expression in the Russian Language*. Leningrad, Leningrad University Publ., 1990, 184 p. (In Russian)
12. Bull P., Fetzer A. Who are *we* and who are *you*? The strategic use of forms of address in political interviews. *Text and Talk*. 2006, vol. 26, issue 1, pp. 3–37.
13. De Fina A. Pronominal choice, identity and solidarity in political discourse. *Text*. 1995, vol. 15, issue 3, pp. 379–410.
14. Fortanet I. The use of ‘we’ in university lectures: References and function. *English for Specific Purposes*. 2004, vol. 23, issue 1, pp. 45–66.
15. Handford M. Cultural identities in international, interorganisational meetings: a corpus-informed discourse analysis of indexical *we*. *Language and Intercultural Communication*. 2014, vol. 14, issue 1, pp. 41–58.
16. Krapivkina O. A. Pronominal Choice in academic discourse. *Middle-East Journal of Scientific Research*. 2014, vol. 20, issue 7, pp. 833–843.

© В. Д. Черняк, М. А. Черняк

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.11](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.11)

УДК 81'42+82-3

КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВАРЯ И ЖАНРОВЫЕ ПОИСКИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

В. Д. Черняк, М. А. Черняк (Санкт-Петербург, Россия)

В статье рассматриваются свойства словаря и других изданий словарного типа, актуальные для обыденного сознания и востребованные современной литературой. Словарь и его жанровые вариации (энциклопедия, справочник, лексикон) оказываются средоточием смыслов и толчком для творческой деятельности человека. Алфавитный порядок как важнейший признак словарной формы используется современными авторами при создании произведений новых жанров. Произведения, эксплуатирующие словарную форму, характеризуются подчеркнутой гипертекстовостью, соответствующей особенностям мышления современного человека и отвечающей читательским ожиданиям. Словарь может рассматриваться как жанровая матрица, для которой характерны организованность, динамичность, устойчивость, и как каркас, оставляющий пространство для творчества. В статье рассматриваются произведения новейшей русской литературы (роман, сборник эссе, беллетризованная энциклопедия), использующие словарную форму. Чаще всего они относятся к литературе нон-фикшн, демонстрируют смешение жанров, игровые стратегии, подчеркнутую филологичность, разнообразные формы языковой рефлексии, нередко адресованы детям.

Ключевые слова: современная литература, детская литература, словарь, словарная форма, алфавитный порядок, гипертекстовость, жанр, нон-фикшн.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательских проектов № 15-04-00318 («Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей») и № 15-04-00122 («Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты»).

Черняк Валентина Даниловна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: vdcher@yandex.ru

Черняк Мария Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ma-cher@yandex.ru

На протяжении многих столетий словарь занимал особое место в интеллектуальной деятельности человека, представляя в конденсированном виде ее результаты. «Апелляция к словарю выступает как обращение к последней инстанции для вынесения того или иного суждения, и не только о языке» [5, с. 5]. Словарь и его жанровые вариации (энциклопедия, справочник, глоссарий, лексикон) оказываются не просто средоточием смыслов, но и определенным толчком для творческой деятельности человека.

Издавна словарная форма (в ее традиционном варианте, предполагающем прежде всего алфавитный порядок) использовалась не только для упорядочения и семантизации лексики, но и как способ самовыражения автора. Достаточно вспомнить первый отечественный словарь синонимов – «Опыт русского словника» Д. И. Фонвизина, в котором автор, демонстрируя различия между «сословами», во многих случаях весьма четко определял свою гражданскую позицию.

Структура словаря дает возможность пользоваться каждым его фрагментом как элементом системы, а представление той или иной понятийной области в словаре является значимым фактором ее становления и теоретического осмысления. Жесткая структура словарной формы органично сочетается с возможностью свободного перемещения внутри словаря. Эти свойства определяют особую привлекательность этого типа книжных изданий. Не случайно в последние годы словарная форма оказывается чрезвычайно востребованной при интерпретации различных явлений современного мира.

Интерес к словарям и энциклопедиям связывается с технологизацией мировосприятия людей XXI века [15; 19]. «Человек познающий таков, каким его делает персональная, социальная, культурная память. Энциклопедия, как бабочка, вырывается из плотного слоя универсального знания, являясь вариантом и основой для его персонификации. Воспоминания есть способ самоидентификации, и энциклопедия заботливо помогает читателю в этом»¹. М. Кронгауз, оценивая современный лексикографический бум, с иронией отмечает: «Раз мир лучше познается через отдельные слова и выражения, то и форма словаря становится востребованной, ведь слова удобнее всего располагать в алфавитном порядке (для солидности и аккуратности). Вот и появляются пространственные высказывания, в том числе и художественные, о литературе, о политике, просто о жизни “под видом словаря”. Тенденция, если уж говорить о тенденции, состоит в том, чтобы “говорить (или, точнее, писать) целыми словарями”. И поверьте моему лингвистическому опыту, высказывание в виде словаря гораздо убедительнее высказывания в виде кроссворда» [6, с. 211].

Весьма показателен в этом отношении «Словарь русской ментальности», представляющий широкий круг концептов, воплощенных в текстах русской словесности². «Временами кажется, что слова таинственно помнят все произносившие их уста и расцветают или стареют от того, в каких контекстах им пришлось побывать. Да ведь и каждый из нас в разное время не только жизни, а и дня “одевается” политиком, религиозным человеком, созерцателем, расточителем и скрягой, мечтателем и

¹ Безрогов В. Г. Энциклопедия как форма памяти (к появлению энциклопедии нового типа) // Философский век. Альманах. Вып. 27. Энциклопедия как форма универсального знания: от эпохи Просвещения к эпохе Интернета. – СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2004. – С. 214.

² Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. в 2 т. – СПб.: Златоуст, 2014.

скептиком и одни и те же слова поворачиваются с нами и к нам в разные часы дня разной стороной. <...> Это прекрасное двухтомное зеркало отражает нас, как есть, – умными, глупыми, грешными, святыми, искренними, лживыми, простосердечными, лицемерными – неисчерпаемыми, как Россия. И тут, как в жизни, тоже могут следовать друг другу в затылок далеко отстоящие в обиходе слова: “дьявол” и “дядя”, “жалость” и “жалованье”, “обет” и “обжорство”»³.

Междисциплинарные отечественные и зарубежные исследования фиксируют существенные изменения информационного поля, в котором существует современный человек в последние два-три десятилетия [1; 17]. Так, книга британского исследователя Т. Бредехофта «Видимый текст: Продуцирование и репродуцирование текста от “Беовульфа” до “Мауса”» [14] посвящена нестандартному восприятию текстов различной природы в условиях современных вызовов культуре. Философ М. Маклюэн пишет, что «общество, находясь на современном этапе развития, трансформируется в “электронное общество” или “глобальную деревню” и задает, посредством электронных средств коммуникации, многомерное восприятие мира. Развитие электронных средств коммуникации возвращает человеческое мышление к дотекстовой эпохе, и линейная последовательность знаков перестаёт быть базой культуры» [9, с. 212]. Гипертекстовость словаря, таким образом, оказывается соразмерной особенностям мышления современного человека [16]. Профессор Дюкского университета Н. Кэтрин Хэйлс анализируя взаимоотношения «электронной литературы»

с литературой «традиционной», с компьютерными науками и даже с науками о человеке, отмечает, что само человеческое мышление подверглось ощутимым изменениям под воздействием языков программирования, компьютеров, Интернета и связанных с ними способов представления и передачи информации.

В связи с этим особую остроту приобретает сегодня проблема чтения [1–2; 12]. Переизбыток информации (инволюция, по определению М. Эпштейна), которое ежедневно ощущает современный человек, он пытается снять ее сжатием. «Инволюция означает свертывание и одновременно усложнение. То, что человечество приобретает в ходе исторического развития, одновременно сворачивается в формах культурной скорописи» [13, с. 43]. Словари и энциклопедии в разных их видах представляют такую «культурную скоропись». Отметим попутно, что общность жанровых примет словаря и энциклопедии соотносится с признанным сегодня в лингвистике отказом от жесткого разграничения этих двух типов лексикографических изданий.

И. А. Зайковская в своем диссертационном исследовании показала значимость обыденных представлений о словаре для развития популярной лексикографии [3] и актуальность словарной формы для современной журналистики [4]. В данной статье мы обратимся к словарной форме в литературе последних лет и месту словаря (или часто квазисловаря) в жанровых поисках современных авторов.

В современных исследованиях, посвященных генезису жанровых форм, жанровым трансформациям в современной прозе [7–8],

³ Курбатов В. Это мы: О словаре русской ментальности. URL.: http://denlit.ru/index.php?view=articles&articles_id=329 (дата обращения 29.07.2016).

отмечается многообразие эстетических экспериментов, затрагивающих самые основы жанрового мышления, изменение жанрового репертуара, осуществляемого в двух направлениях: минимализация, сужение семантического поля, свертывание, редукция, с одной стороны, и гибридизация, расширение границ, скрещивание с другими жанрами, с другой стороны [10].

Ю. Щербинина, оценивая поиски литературы последних лет и ее взаимоотношения с читателем, приходит к мысли о том, что проза XXI века оказалась в положении незавидном и невыигрышном: «Читатель новейшей формации получил максимум культурных прав при минимуме личной ответственности, а также мощный технологический инструментарий: поисковые интернет-системы, электронные словари, программы автоматической проверки грамотности, “антиплагиат” и, разумеется, ее величество “Википедию”. Отчасти поэтому все больше интереса к документальной литературе, формату нон-фикш и меньше – к художественной прозе. Сегодня читатель входит в книгу как на минное поле либо как в квест⁴». Словарь, не требующий линейного чтения, провоцирующий «перелистывание», отвечает читательским ожиданиям нашего современника [16; 18]. Показательно, что сегодня и дети дошкольного и младшего школьного возраста нередко предпочитают энциклопедию традиционным жанрам детской литературы – сказкам, стихам, рассказам.

Разорванность, дискретность сознания современного читателя с характерным для

него клиповым восприятием требуют новых жанровых форм искусства. Современная литература демонстрирует разнообразные жанровые сдвиги, скрещения и синкретичные формы, отражающие своеобразные и причудливые взаимоотношения с повседневностью. Словарь, в силу отмеченных выше свойств, адекватный запросам читателя, в приложении к современной литературе может восприниматься как особая жанровая матрица, для которой характерны организованность, динамичность, устойчивость. При этом структурная четкость такой матрицы оставляет простор для проявления личности.

Неотъемлемым признаком словаря в обыденном сознании является алфавитный порядок его организации, поэтому слова *азбука* и *алфавит* органично вписываются в ассоциативное поле лексемы *словарь*. «В восприятии большинства представителей современной западной культуры алфавит является самым удобным и приоритетным способом структурирования информации – настолько удобным, что вопрос об альтернативных методиках сегрегации знания часто заводит в тупик и претендует на опрокидывание самих эпистемологических основ современного западного бытия. Алфавит удобен, понятен, он с самого детства человека интегрирован в сознание, накрепко спаян с концептом порядка и увязан с вещами – вспомним детскую иллюстрированную азбуку, на которой представлены образы для памяти (предметы являются мнемоническими знаками букв)»⁵. Алфавитный по-

⁴ Щербинина Ю. Литература как аптека. Заметки о библиотерапии // Октябрь. – 2016. – № 2. URL:<http://magazines.russ.ru/october/2016/2/literatura-kak-apteka.html> (дата обращения 05. 03.2016).

⁵ Голубков А.П. Словарь как метод энциклопедии: к вопросу о легитимности использования алфавита при

классификации вещей. Словарь как медиатор культурного процесса. Материалы Круглого стола «Словари и Энциклопедии: эксперимент и традиция» в Институте мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ РАН) URL:<http://www.intelros.ru/read-room/kulturologicheskij-zhurnal/kul2-2014/25091-slovar-kak-mediator-kulturnogo-processa-materialy->

рядок, как будто чисто формальный, оказывается важным и для творческой лаборатории писателя. Об этом с известной долей иронии пишет О. Зайончковский в своем новом романе «Тимошина проза»: «Итак, этот первый осенний день весь посвящался прозе. <...> Тимоша отнюдь не считал себя человеком, посторонним литературе. Несколько лет у него в компьютере существовала папка под заглавием “Азбука”. В ней лежало еще тридцать папок, обозначенных от “А” до “Я” буквами алфавита. Это не было картотекой – в папках хранилась Тимошина проза. Он регулярно преумножал ее, добавляя тексты то в одну, то в другую папку. В каждом Тимошином тексте присутствовало ключевое слово. На какую оно было букву, в ту папку и помещался текст. <...> Это были не связанные между собой прозаические миниатюры, плод свободного вдохновения. Если в мозгу возникало ключевое слово, Тимоша творил на одном дыхании»⁶.

Таким образом, имманентные свойства словаря обуславливают актуализацию словарной формы в современной литературе (вспомним ставший классическим «Хазарский словарь» М. Павича). Достаточно перечислить ряд изданий последних лет, с большей или меньшей последовательностью использующих форму словаря (В. Новиков «Словарь модных слов. Языковая картина современности», М. Вишневецкая «Словарь перемен. 2014», Катя Метелица «Азбука жизни», Ю. Рытхэу «Дорожный лексикон», Макс Фрай «Азбука современного искусства», Э. Берту, С. Элдеркин «Книга как лекарство. Скорая литературная помощь от А до Я» и др.), чтобы убедиться в устойчивости примет жанра.

Рассматривая современные дискурсивные практики, М. Эпштейн выделяет два их типа – нарратив и тезаурус, а среди личностей, создающих или воспринимающих текст, нарративные и тезаурусные. «В нашем мире преобладают рассказчики историй, а словарям и энциклопедиям отведена пассивная роль обобщения этих историй, суммирования всех слов и значений, в них промелькнувших. Но может быть, некоторые люди мыслят и чувствуют не событийно, а именно словарно, суммарно: глубоко вчувствуются и вдумываются в сущность войны, в смысл любовных переживаний? <...> Сознание имеет свой словарь, свой тезаурус, который охватывает все содержание жизни не во временной последовательности, а как предстоящее мне здесь и сейчас, во всем объеме памятного мне бытия»⁷. Предпочтения тезаурусных личностей находятся, прежде всего, в сфере нон-фикшн.

Остановимся на нескольких произведениях последнего времени, по-разному актуализирующих особенности словарной формы. К игровым потенциям языка обращена «Жизнь замечательных слов, или Беллетризованная этимологическая малая энциклопедия» петербургского поэта, драматурга, переводчика Н. М. Голя. В названии трансформируется прецедентная номинация «Жизнь замечательных людей», а также актуализируются привлекательные для потенциального читателя лексемы – *беллетристика*, *этимология* и *энциклопедия*. «Он ни бэ, ни мэ», – говорят о человеке, который ничего не смыслит в каком-нибудь вопросе. Это и ребенку известно. А вот для того, чтобы как следует постичь название “Беллетризованная Этимологическая Малая Энциклопедия” – сокращенно “БЭМЭ” – придется

kruglogo-stola-slovari-i-enciklopedii-eksperiment-i-tradiciya-v-institute-mirovoy-literatury-im-am-gorkogolimli-ran.html (дата обращения 05. 02.2016).

⁶ Зайончковский О. Тимошина проза. – М.: Изд. АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. – 288 с.

⁷ Эпштейн М. “Жизнь – это история, рассказанная идолом, наполненная шумом и яростью...” // Звезда. – 2015. – № 9. URL.:<http://magazines.russ.ru/zvezda/2015/9> (дата обращения 29.07.2016).

немного посообразать», – так автор предлагает своим читателям путешествие по своеобразному лингвистическому путеводителю⁸. «Свои среди чужих, чужие среди своих», «географические слова», «люди, ставшие словами», «слова-обманщики», «день рождения слова» и др. – вот несколько маршрутов, предложенных Н. Голем. Энциклопедия становится не только территорией открытий, но и местом для игры, в том числе лингвистической. Показательна миниатюра «Тайна языка», в которой обыгрываются многозначность слова и его фразеологический потенциал:

*Солдаты взяли в лесу языка.
Спрашивают:*

*– Ты из каких языков будешь?
А тот молчит, от неожиданности
языка лишился.*

Солдаты не отстают:

*– Расскажи о
местонахождении свой части,
русским языком тебя просим!
А язык обнаглед, да еще и язык
показывает.*

*– Ах, так?! – взяли солдаты
его в оборот, чтобы язык языку
развязать. А он и язык наружу.*

Так и не нашли общего языка.

Писатель О. Сивун в романе «Бренд»⁹ использует жанр словаря для отражения мифов массового сознания современного молодого человека. Подготовленные к варианту «С» Единого государственного экзамена по литературе, читатели почувствуют своего в авторе, составившем «поп-арт роман» из 26 глав (по количеству букв латинской азбуки), в

котором каждая буква проиллюстрирована брендом (из числа всемирно известных). Инфантильный и наивный герой-повествователь Сивуна исходит из того, что сегодняшний мир – это некая комбинация брендов: кукла Barbie, Coca-Cola, Ford, Google, IKEA, Kodak, Lufthansa и др. Мир этот – не только повседневное окружение автора, но и своеобразный информационный код, позволяющий ориентироваться в современной действительности. Текст романа – нечто вроде развернутого инвентарного списка современных брендов, помогающего осуществить краткое путешествие в мир потребительских иллюзий, в страну звучных коммерческих имен.

Интересна жанровая стратегия петербургского писателя А. Етоева, для которого жанр энциклопедии, использованный в его книге «Книгоедство», стал площадкой для эксперимента. «Мое “Книгоедство” – художественное произведение, написанное в жанре энциклопедии, и именно так его и нужно воспринимать. Поэтому, кроме чисто книжных статей (или главок, кому как нравится), я включил сюда и маленькие рассказы, замаскированные под заметки об авторах или книгах (“Веллер”, “Выбор катастроф” Азимова”), и записи о некоторых вещах, вроде бы с литературой не связанных (“География”, “Конный цирк”), и литературные “факты”, основанные на фантастических допущениях (“Пушкин”). И всех их объединил *собой*», – признается автор¹⁰.

Не подлежит сомнению особая значимость словарей и энциклопедий для детей и подростков. Выше уже была отмечена

⁸ Голь Н. Жизнь замечательных слов, или Беллетризованная этимологическая малая энциклопедия. – СПб: Детгиз, 2015. С.9.

⁹ Сивун О. Бренд: поп-арт роман // Новый мир. – 2008. – №10.

¹⁰ Етоев А. Экстремальное книгоедство: книга-мишень. – М.: Эксмо, 2009. – С. 509.

«настроенность» сознания молодого поколения на дискретное восприятие информации, представляемое словарями, на возможность свободного выбора микротем и легкость перехода от одной темы к другой. Ярким примером реализации словарной формы в современной литературе для подростков может служить книга «Азбучные истины», составленная писателем и переводчиком Марией Головановской¹¹. В книге собраны мнения тридцати трех авторитетных авторов о тридцати трех различных философско-этических понятиях (например, «вечность» и «гнев», «малодушие» и «свобода», «честь» и «эгоизм», «хитрость» и «искренность»). Каждое из понятий соответствует одной из букв русского алфавита. Как неоднократно отмечалось и психологами, и социологами, и лингвистами, в общественном дискурсе происходит заметное «вымывание» этических концептов, что явилось одним из следствий социальных изменений, происшедших в России с начала 1990-х гг. Авторы книги пытаются восстановить лакуны в лексиконе, что представляется чрезвычайно важным для воспитания современного читателя.

М. Головановская настаивает на том, что «Азбучные истины» – это не только книга для думающих подростков, которые хотят разобраться, что такое, к примеру, искренность, зло, жалость или совесть, но и документ эпохи. По словам составителя, книга «полна экзистенциального гула, понятийного шума, роения мыслей, которыми наполнены головы зрелого поколения, чьей частью являются и лучшие перья века»¹². «Добро» в трактовке А. Битова, «Зло» в интерпретации Л. Петрушевской, «Покой» Б. Гребенщикова, «Честь» Б. Акунина, «Малодушие» С. Шаргунова, «Фантазия» А. Иличевского, «Одиночество» С. Гандлевского и т. д. заставляют задуматься

не только о выборе единиц описания для этого своеобразного словаря, но и о выборе писателей или филологов, которые их разъясняют. Авторы, принадлежащие к разным поколениям и существенно различающиеся по своим ценностным установкам, пытаются выделить самые существенные признаки описываемых концептов. «Азбучные истины» – это сборник эссе, которые можно читать в любом порядке. При безусловной свободе в построении текста, авторы стремятся сохранить признаки словарной статьи. В начале каждого текста дается дефиниция, часто представляющая фрагменты словарных статей авторитетных словарей. Так, Т. Москвина, строя словарную статью «Совесть», почти дословно использует характеристику В. И. Даля: «Совесть – это внутренний судья, врожденное представление о добре и зле». Ср. также: «Честь – сумма личных представлений человека о достойном поведении» (Б. Акунин); «Зло – все самое плохое, что существует, невидимая сила, которая толкает человека на плохие поступки» (Л. Петрушевская); «Эгоизм – это сосредоточие исключительно на своих желаниях и интересах, пренебрежение интересами других людей» (М. Палей) и др.

Конечно, в приведенных текстах словарная форма является лишь каркасом, оставляя место не только для полифоничности взглядов, но и для стилистической многоголосицы. Ср.: «Отобрать честь насильно ни у кого нельзя чести можно только лишиться, если ты перестал следовать ее законам» (Б. Акунин); «Ясность – удивительное слово. И у него хорошая словесная родня. Все церковнославянские, праславянские, санскритские, украинские, сербские, польские слова, связанные с нашей «ясностью», обозначают или простоту,

¹¹ Азбучные истины (сост. М. Головановская). – М.: Clever, 2016. – 144 с.

¹² Там же. С. 4.

или свет, или блистающую роскошь, или просеку в темном лесу» (А. Архангельский); «Жило-было Зло. Оно было не мальчик и не девочка, не камень и не пропасть, не гадюка и не крокодил. Даже очертить его никто бы не мог – тут оно есть, а тут его нет» (Л. Петрушевская).

Французский литературовед П. Байяр в работе «Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали» отмечает, что чтение текста практически всегда носит выборочный характер. Даже прочитанный текст мы реально знаем, а тем более помним спустя какое-то время лишь частично, фрагментарно. Фактически вместо прочитанных или непрочитанных книг у нас бывают книги неизвестные, пролистанные, «которых я слышал» «которые я забыл». Такие полужнакомые, принадлежащие всем и никому в отдельности тексты образуют «внутреннюю библиотеку» – «группу

книг, которые являются для человека основополагающими и определяют его отношение к другим текстам, – это его собственный отдельчик в коллективной библиотеке, которая объединяет нас всех. Во внутренней библиотеке, конечно, фигурируют некоторые конкретные названия, но в основном она, подобно библиотеке Монтеня, состоит из фрагментов тех забытых или выдуманных книг, через которые мы постигаем этот мир» [1, с. 81]. Словарь оказывается идеальным форматом подобной «внутренней библиотеки».

В заключение еще раз отметим, что словарная форма, используемая в современной литературе, отвечает нескольким тенденциям: общей тенденции актуализации филологической составляющей [11]; стирание жестких граней между литературой фикшн и нон-фикшн; движение современной литературы для взрослых и детской литературы «навстречу» друг другу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Байяр П.** Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали. – М.: Текст, 2014. – 190 с.
2. **Грисволд В., Мак-Доннел Т., Райт Н.** Чтение и класс читателей в XXI веке // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 102. – С. 271–267.
3. **Зайковская И. А.** «Игра в словарь» как феномен современной публицистики // Русская филология. Сборник научных работ молодых филологов. 21. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. – С. 187–192.
4. **Зайковская И. А.** Особенности реализации текстовых категорий в печатном и электронном словаре // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Научный журнал. – 2011. – № 130. – С. 151–155.
5. **Караулов Ю. Н.** Словарь и человек // Теория языка и словари. – Кишинев: Штиинца, 1988. – С. 5–9.
6. **Кронгауз М.** Лексикографический невроз, или Словарь как способ поговорить // Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: Знак, Языки славянских культур, 2007. – С. 163–177.
7. **Лейдерман Н. Л.** Теория жанра. Исследования и разборы. – Екатеринбург: Словесник, 2010. – 904 с.
8. **Липовецкий М.** Паралогии. Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х гг. – М.: НЛО, 2008 – 848 с.
9. **Маклюэн М.** Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. – М.: Академический проект, 2005. – 496 с.

10. **Маркова Т. Н.** Жанровые номинации в русской прозе 2000-х гг. // Жанровые трансформации в литературе и фольклоре: коллективная монография; под общ. ред. Т. Н. Марковой. – Челябинск: Энциклопедия, 2012. – С. 238–249.
11. **Черняк В. Д.** Романы с языком: на перекрестке жанров // Жанры речи: сб. науч. ст. памяти К. Ф. Седова. – 2012. – Вып. 8. – С. 282–288.
12. **Чтение.** XXI век. Коллективная монография. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2015. – 472 с.
13. **Эпштейн М.** Постмодерн в России: литература и теория. – М.: ЛИА Р. Элинна, 2000. – 368 с.
14. **Bredenhof T. A.** The visible text: textual production and reproduction from “Beowulf” to “Maus”. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 182 p.
15. **Carr M.** Internet dictionaries and lexicography // International Journal of Lexicography. – 1997. – № 10 (3). – P. 209–221.
16. **Conclin J.** Hypertext: an introduction and survey // IEEE Computer. – 1987. – № 21 (9). – P. 17–41.
17. **Griswold W., Wright N.** Wired and well read // Society Online: The Internet in Context / Ed. P. N. Howard, S. Jones. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2004. – P. 203–222.
18. **Hayles N. K.** Electronic Literature: New Horizons for the Literary. – Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2008. – 226 p.
19. **Schryver G.-M de.** Lexicographer’s dreams in the electronic-dictionary age // International Journal of Lexicography. – 2003. – Vol. 16, No. 2. – P. 143–199.

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.11](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.11)

Valentina Danilovna Chernyak, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Russian Language, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-9291-1781>

E-mail: vdcher@yandex.ru

Maria Alexandrovna Chernyak, Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian Literature, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-6214-0437>

E-mail: ma-cher@yandex.ru

THE CULTURAL POTENTIAL OF DICTIONARIES AND SEARCH FOR THE GENRE IN CONTEMPORARY LITERATURE

Abstract

The article investigates the properties of dictionaries and other reference books that are relevant for everyday awareness and sought-after by contemporary literature. Dictionaries and their genre variations (encyclopedias, handbooks, thesauri) become the focal point of and give an impetus to human creativity. Alphabetical order as the crucial characteristic of the dictionary form is utilized by modern authors to develop new genre forms. Written works exploiting the dictionary form may be described in terms of deliberate hypertextuality that is pertinent to the mindset of a contemporary person and meets readers' expectations. Dictionaries can be seen as a genre matrix whose properties include strict order, dynamic nature and stability, or as a structure allowing room for creative developments.

The article deals with the examples of Russian contemporary literature (a novel, a collection of essays, a novelized encyclopedia) that employ the dictionary form. Most commonly, such example include non-fiction, contain elements of mixing genres, gamification, different forms of linguistic reflection, deliberately mimic the academic style, and are often targeted at children.

Keywords

Contemporary literature, dictionary, dictionary form, alphabetical order, hypertextuality, genre, non-fiction.

REFERENCES

1. Bayard P. How to Talk About Books You Haven't Read. Moscow, Text Publ., 2014, 190 p. (In Russian).
2. Griswold B., McDonnell T, Wright N. Reading and the reading class in the 21st century. *Modern Literary Review*. 2012, no. 102, pp. 271–267 (In Russian).
3. Zaykovskaya I. A. "Playing dictionary": A specific phenomenon of modern journalism. *Russian Philology. The Almanac of Young Philologists' Works*, 21. Tartu, : Tartu Ülikooli Kirjastus Publ., 2010, pp. 187–192 (In Russian).
4. Zaykovskaya I. A. Specificities of textual categories in paper and electronic dictionaries. *Izvestiya of the Herzen State Pedagogical University*. 2011, no. 130, pp. 151–155 (In Russian).

5. Karaulov Yu. N. Dictionary and Human. *The Theory of Language and Dictionaries*. Chisinau, Shtinitsca Publ., 1988, pp. 5–9. (In Russian)
6. Krongauz M. Lexicographic Neurosis or Dictionary as Means of Conversation. Krongauz M. *Russian Language on the Verge of a Nervous Breakdown*. Moscow, Znak Publ., Languages of Slavic Cultures Publ., 2007, pp. 163–177 (In Russian)
7. Leiderman N. L. *Genre theory. Research and analysis*. Yekaterinburg, Slovesnik Publ., 2010, 904 p. (In Russian)
8. Lipovetskij M. Paralogies: Transformations of the (post)modern discourse in the Russian culture in 1920–2000. Moscow, New Literary Observer Publ., 2008, p. 848 (In Russian)
9. Macluan M. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Moscow, Academic Project Publ., 2005, 496 p. (In Russian)
10. Markova T. N. Genre labeling in Russian prose in 2000s. Ed. Markova T. N. *Genre transformations in literature and folklore*. Chelyabinsk, Encyclopedia Publ., 2012, pp. 238–249 (In Russian)
11. Chernyak V. D. Romanticizing Language: at the Genre Crossroads. *Speech Genres: Almanac of Scientific Articles dedic. K. F. Sedov*. 2012, issue 8, pp. 282–288 (In Russian)
12. *Reading, XXI century*. A collective monograph. Moscow, Intraregional center of library cooperation Publ., 2015, 472 p. (In Russian)
13. Epstein M. *Postmodernism in Russia: Literature and Theory*. Moscow, Lia R. Elinna Publ., 2000, 368 p. (In Russian)
14. Bredehoft T. A. *The visible text: textual production and reproduction from “Beowulf” to “Maus”*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2014, 182 p.
15. Carr M. Internet dictionaries and lexicography. *International Journal of Lexicography*. 1997, no. 10 (3), pp. 209–221.
16. Conclin J. Hypertext: an introduction and survey. *IEEE Computer*. 1987, no. 21 (9), pp. 17–41
17. Griswold W., Wright N. Wired and well read. *Society Online: The Internet in Context*. Ed. P. N. Howard, S. Jones. Thousand Oaks, CA, Sage Publ., 2004, pp. 203–222.
18. Hayles N. K. *Electronic Literature: New Horizons for the Literary*. Notre Dame, University of Notre Dame Press Publ., 2008, 226 p.
19. Schryver G.-M de. Lexicographer’s dreams in the electronic-dictionary age. *International Journal of Lexicography*. 2003, vol. 16, no. 2, pp. 143–199.

© М. Я. Дымарский

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.12](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.12)

УДК 81'367+811.161.1'04

ОБРАЩЕНИЕ И ТЕОРИЯ БАРЬЕРОВ

М. Я. Дымарский (Санкт-Петербург, Россия)

В статье доказывается нецелесообразность включения элементов коммуникативного «эскорта» высказывания – обращений, вводных слов и междометий – в число компонентов, рассматриваемых в качестве барьеров в теории, созданной А. А. Зализняком. Показано, что понятие клаузы используется в этой теории и в работах последователей в расширительном смысле. Клауза, определяемая как грамматическая структура («группа, в том числе и не предикативная, вершиной которой является глагол»), рассматривается в то же время как результат линеаризации этой же структуры. Границы этой линеаризованной структуры определяются не только грамматически (в соответствии с принятым определением клаузы), но и по смыслу; последнее же заставляет включить в рассматриваемую цепочку словоформ обращения, вводные слова и междометия. Это означает, что в реальности в качестве линеаризованной структуры анализируется уже не клауза, а высказывание. Такое понимание прямо противоречит определению клаузы, из которого эксплицитно исходит создатель теории барьеров. В то же время и линейная структура высказывания не может быть интерпретирована просто как линеаризованная структура клаузы: она представляет собой результат наложения на линеаризованную базовую грамматическую структуру (клаузы) второй структуры – коммуникативной, включающей не только линейно-акцентные преобразования, но и позиции для элементов коммуникативного «эскорта». Эти позиции, в каком бы месте они ни оказались, в отличие от линейно-акцентных преобразований, никак не влияют на линейное расположение компонентов грамматической структуры, поэтому учитывать их в теории барьеров избыточно. Последнее показано посредством реанализа ряда примеров из древнерусского языка, рассматриваемых в работах А. А. Зализняка и А. В. Циммерлинга.

Ключевые слова: клауза, высказывание, порядок слов, теория барьеров, обращение, древнерусский язык.

Противопоставление предложения как грамматической структуры и высказывания как факта речи, тем или иным способом эту структуру использующего – (или не использу-

ющего), в обосновании не нуждается: еще в середине прошлого века оно вполне утвердилось в синтаксической теории, неоднократно доказав свою объяснительную силу [1–2; 5; 8;

Дымарский Михаил Яковлевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. М. Герцена.

E-mail: dym2005@list.ru

12–20; 27]¹. Однако за выражением *синтаксическая теория* в данном случае подразумевается отнюдь не вся мировая лингвистика, но лишь довольно ограниченный ареал: традиция разграничения указанных понятий сложилась прежде всего в чешском и отечественном синтаксисе. Современная же мировая лингвистика – во всяком случае, если иметь в виду синтаксис – преимущественно ориентируется на различные версии генеративизма, прежде всего – на широко известную Минималистскую программу Н. Хомского. Чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться с тезисами синтаксической секции XIX лингвистического конгресса, прошедшего в 2013 г. в Женеве². К какой бы версии генеративизма мы ни обратились, даже намек на особое понятие высказывания, в отличие от предложения клаузы, мы не найдем. Задача этой небольшой работы состоит в том, чтобы на одном примере показать, насколько легко противопоставление предложения и высказывания позволяет объяснить факты, побуждающие сторонников сугубо линейной трактовки «клаузы» к довольно сложным теоретическим построениям. Речь пойдет об анализе порядка слов в древнерусском предложении с обращением.

А. А. Зализняк в книгах «Древненовгородский диалект» [6] и «Древнерусские энклитики» [7] предложил понятие ритмико-синтаксического барьера, существенно дополняющее закон Я. Ваккернагеля и позволяющее

описать древненовгородский диалект как язык, в полной мере реализующий этот закон (в классификации А. В. Циммерлинга – *W*-система), а древнерусский язык южных памятников – как язык, «где закон Ваккернагеля действует в неполном объеме, но более грамматикализованных ограничений порядка слов на уровне предложения нет» [25, с. 309] (в той же классификации – *W**-система, т. е. «разрушенная *W*-система») [25, с. 309]. Общая идея сводится к следующему.

Закон Я. Ваккернагеля, как известно, требует постановки сентенциальных клитик и цепочек таких клитик во вторую позицию предложения – после первого фонетического слова/тактовой группы (термины, которыми пользуется А. А. Зализняк), в смягченном варианте – после первой «полной группы» (термин, используемый А. В. Циммерлингом). Однако не только в современном русском, но и в древнерусском языке, в том числе в древненовгородском диалекте, клитики, способные войти в цепочку (кластеризуемые клитики), отнюдь не всегда оказываются в «ваккернагелевской» позиции. Ср. примеры А. А. Зализняка (клитики подчеркнуты):

(1) *тѡи же осени много ѣь злѣ сътвори*
(Новгородская 1-я летопись, Комиссионный список. Если прямолинейно следовать закону

¹ См. также: *Daneš F.* A Three-Level Approach to Syntax // Travaux linguistiques de Prague. L'ecole de Prague d'aujourd'hui. 1. Prague, 1964. P. 225–240; *Общее языкознание. Внутренняя структура языка.* М.: Наука, 1972. 564 с.; *Белошапкова В. А.* Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1977. 248 с.; *Bárnetova V., Beličova-Kržížkova H.* (ред.), *Leška O.* (ред.), *Skořmalová Z., Stráková V.* Русская грамматика. Т. 2 (отв. ред. тома Н. Beličova-Kržížkova). Praha: Academia, Československé akademie věd, 1979; *Русская грамматика: в 2 т.* М.: Наука, 1980; *Mluvnice*

češtiny, D. (Т.) 3. Skladba (Syntax). Praha: Academia, Československé akademie věd, 1987; *Ильенко С. Г.* Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. 398 с.; *Норман Б. Ю.* Когнитивный синтаксис русского языка. М.: Флинта; Наука, 2013. 254 с. и мн. др.

² Congrès International des Linguistes 19 (Geneva, 21-27 July 2013) / Abstracts. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cil19.org/cc/en/abstract/> (22.09.16)

Я. Ваккернагеля, клитика должна была бы стоять перед много, после первой «полной группы», т. е. словосочетания);

(2) *да вы почто съ томоу дивите* (Житие Андрея Юродивого. Ожидалось бы *съ почто*).

Для объяснения этого явления и вводится понятие барьера³: «Начальная часть клаузы может быть как бы отчленена (в произношении этому может соответствовать короткая остановка или пауза, но может и ничего не соответствовать); правила о расположении энклитик действуют после этого так, как если бы отчлененной части в клаузе вообще не было. Иначе говоря, действительное начало клаузы заменяется (с точки зрения действия этих правил) точкой “условного начала”, находящейся непосредственно после отчлененной части. Точку “условного начала” можно образно представить в виде некоего «ритмико-синтаксического барьера», который не позволяет энклитикам продвинуться влево, к действительному началу клаузы» [7, с. 48]. Барьеры, по А. А. Зализняку, могут быть обязательными, полуобязательными и факультативными [7, с. 50], причем каждый тип представлен закрытым списком явлений.

Теория барьеров получила определенное распространение и используется в целом ряде современных исследований [3–4; 9–11; 21–24; 26; 29–38]⁴.

Можно в целом согласиться с А. В. Циммерлингом, который оценивает теорию барьеров как «выдающееся достижение А. А. Зализняка», поскольку она дает «единое объяснение для фактов сдвига цепочки клитик и фактов разрыва цепочки клитик», в то время как «в описаниях большинства славянских языков и в ряде теоретических работ по славянскому синтаксису предложения с эффектом Барьера⁵ нередко игнорируются как нежелательное отклонение от закона Ваккернагеля <...> либо, напротив, выдаются за доказательство того, что закон Ваккернагеля в них не действует: в результате системы порядка слов, подчиняющиеся жестким синтаксическим запретам, позволяющие выделить основной и производный порядок в предложениях с клитиками и доступные для параметрического описания, предстают в качестве неупорядоченного набора частных фактов и статистических флуктуаций» [25, с. 386–387].

В самом деле, для таких, скажем, случаев, когда в абсолютное начало вынесена обстоятельственная группа с локативным значением, получающая в результате коммуникативный статус контрастной темы, интерпретация этой группы как барьера, сдвигающего цепочку клитик на шаг вправо, выглядит убедительным объяснением (примеры А. А. Зализняка):

(3) *а въ Русскон земли кто ны съ встанеть <?>*
(Ипатьевская летопись).

³ А. В. Циммерлинг указывает, что «параллельно исследованиям А. А. Зализняка в области славянского синтаксиса Н. Хомский для других целей ввел термин “Барьер” в универсальную грамматику» в работе [28], – причем не только для других целей, но и в другом значении [25, с. 387]. Это указание, видимо, следует понимать в том смысле, что два разных, но одноименных понятия появились независимо друг от друга. Хотя А. А. Зализняк использует вместо привычных для русистики понятий предложения/высказывания понятие клаузы, характерное

как раз для хомскианской лингвистики, у нас нет оснований подвергать цитированное свидетельство сомнению.

⁴ См. также: Герасимова А. А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке // Типология морфосинтаксических параметров: Материалы межд. конф. М.: Изд-во МПГУ, 2015. С. 47–61.

⁵ Прописная буква в соответствии с оригиналом.

В этом высказывании происходит действительное перемещение компонента синтаксической структуры предложения в начальную позицию, дающее производный порядок слов: исходным для этого предложения следует считать вариант

(3.1) *а кто ны съ встанеть въ Рускои землѣ.*

В результате этого перемещения цепочка клитик, состоящая из краткой (клитической формы) В. п. местоимения *мы* и возвратного местоимения, сдвигается из стандартной второй позиции на шаг вправо.

Убедительно и объяснение аналогичного сдвига клитики-связки разрывом словосочетания *другая полтина* и вынесением его первого компонента в абсолютное начало (А. А. Зализняк именует такие конструкции «охватом сказуемого»):

(4) *дрогую далъ ксьмь дмитроу черенцю полтинуу* (Грамота № 689).

В подобных случаях применение понятия барьера оправданно и эффективно.

Однако удивительным представляется тот факт, что в качестве первого типа обязательных барьеров (из всего двух) автор называет «инородную актантную группу (обращение, междометие, вводное слово)» [7, с. 54]. Нужно пояснить, что под актантной группой автор понимает «каждое из непосредственно подчиненных сказуемому слов вместе со всем, что подчинено самому этому слову» [7, с. 15], включая не только подлежащие, но даже определения, распространяющие предикативное имя (например, *жестокъ* в высказывании *жестокъ человекъ цѣсарю ты кси* [7, с. 50]. Каким образом обращение, междометие или вводное слово подчинены сказуемому (коль скоро они

составляют «актантные группы»), из каких фактов, признаков и т. п. выводится представление о такой подчиненности – неясно, соответствующих комментариев нет.

Стоит остановиться и на понятии инородности, последовательно употребляемом А. А. Зализняком. Дело в том, что базовым термином, заменяющим более привычные для русистики *предложение* и, тем более, *высказывание*, в книге, как уже было упомянуто, является *клауза*. Вот как автор представляет – в особом параграфе – соответствующее понятие: «Капитальное значение для изучения энклитик имеет правильное выделение того отрезка речевой цепи, в рамках которого действуют правила о порядке расположения энклитик. Таким отрезком оказывается синтаксическая единица, для которой в русской лингвистике нет традиционного общепринятого термина и за которой ныне все более закрепляется термин *клауза*, идущий из англоязычной традиции (англ. *clause*)» [7, с. 12]. Далее приводится определение Я. Г. Тестельца: «Клаузой называется любая группа, в том числе и не предикативная, вершиной которой является глагол, а при отсутствии полнозначного глагола – связка или грамматический элемент, играющий роль связки»⁶. Традиционного общепринятого и, что немаловажно, удобного и компактного термина для того, что понимается под клаузой, в отечественной лингвистике действительно нет, поскольку этим понятием охватываются любые предикативные группы независимо от того, развернуты они или свернуты (например, и деепричастные обороты). Но важно то, что понятие клаузы и у Я. Г. Тестельца, и у А. А. Зализняка вводится как понятие синтаксическое, более того – грамматическое. Все, что не поддается

⁶ Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. – М.: РГГУ, 2001. – С. 256.

интерпретации в качестве подчиненного (прямо или опосредованно) глагольной вершине, должно быть выведено за пределы клаузы. В таком случае выражение «инородная актантная группа» читается как оксюморон. Не случайно в другом месте А. А. Зализняк указывает: «При подсчете актантных групп в клаузе следует помнить, однако, что в этот счет не входят инородные группы, а также актантные группы, состоящие из одной лишь энклитики» [7, с. 17].

Сказуемое не подчиняет ни обращений, ни вводных слов, ни междометий. То же верно и для любых «сателлитов» сказуемого. Во всяком случае, доказать обратное пока еще никому не удавалось, хотя попытки соответствующих деклараций, разумеется, были. Например, А. Г. Руднев утверждал, что «обращение – особый член предложения» «третьего порядка», связанный с предложением особой соотносительной связью⁷. Грамматическая сущность этой связи автором, однако не была раскрыта – и не могла быть раскрыта, поскольку ее нет. А. М. Мухин, критикуя А. А. Шахматова за то, что тот вывел обращения и вводные слова из состава предложения, предлагал увеличить количество «составов» предложения – то есть добавить к составу подлежащего, составу сказуемого третий состав – дополнительного сказуемого (вторичного предиката) (ср. *Твой друг / сидит там / очень мрачный*), четвертый состав – обращения (*Твой друг, / братец мой, / сидит там / очень мрачный*; примеры с разметкой автора)⁸. Понятно, что при желании можно постулировать произвольное количество «составов», но непонятно,

на чем основана такая исследовательская операция – в отличие от позиции А. А. Шахматова, который последовательно опирался на вполне определенное представление о структуре того, что он называл коммуникацией.

Весьма показательна позиция, которую в свое время занял В. П. Проничев: детально изучив функционирование обращений в русском и сербохорватском языках, он пришел к выводу, что любое обращение, независимо от его просодического оформления, позиции, лексико-грамматического состава и т. д., следует рассматривать как особый тип предложения, т. е. наиболее радикальным образом выразил отказ от идеи поисков каких бы то ни было грамматических связей между обращением и тем предложением, с которым оно образует одно высказывание⁹.

Почему, несмотря на ясное понимание «инородности» обращений, вводных слов и междометий по отношению к грамматической структуре предложения (или клаузы, что в данном случае дела не меняет), эти элементы все-таки вводятся в рассмотрение в теории барьеров – понятно. Клауза, определяемая как грамматическая структура («группа, в том числе и не предикативная, вершиной которой является глагол»), рассматривается в то же время как результат линейаризации этой же структуры. Границы этой линейаризованной структуры определяются не только грамматически (в соответствии с принятым определением клаузы), но и по смыслу; последнее же с неизбежностью заставляет включить в рассматриваемую цепочку словоформ обращения, вводные слова и междометия. Это озна-

⁷ Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка. Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1968. С. 177–178; 218.

⁸ Мухин А. М. Структура предложений и их модели. Л.: Наука, 1968. С. 41–42.

⁹ Проничев В. П. Синтаксис обращения (на материале русского и сербохорватского языков). Л.: ЛГУ, 1971. 87 с.

чает, что в реальности в качестве линеаризованной структуры анализируется уже не клауза, а высказывание. При этом не принимается во внимание тот очевидный факт, что структура высказывания может быть намного сложнее, поскольку:

1. Она включает не только клаузу, но и дополнительное – актуальное – членение, не зависящее от грамматического и часто имеющее существенные последствия для линеаризации исходной грамматической структуры в результате перемещений и изменений коммуникативного статуса компонентов последней – линейно-акцентных преобразований (ЛА-преобразований; термин введен Е. В. Падучевой в [15, с. 118]; см. также [12, с. 34]). Именно последствия ЛА-преобразований можно наблюдать в примерах (3–4).

2. Она может включать не только клаузу, но и дополнительный коммуникативный «эс-корт», тесно связанный с базовой структурой по смыслу – но не синтаксически. Грамматическая структура клаузы для таких элементов, как обращения, вводные слова и междометия,

непроницаема – **в отличие от линейной структуры высказывания**, в составе которой они оказываются неизбежно в силу общеизвестного фундаментального свойства речи – линейности.

Таким образом, в качестве клауз в работах [7; 25] фактически анализируются высказывания, которые – в случае наличия в них, например, обращений – подвести под принимаемое авторами определение клаузы невозможно. Отсюда, в частности, и оксюморон «инородная актантная группа», и анализ высказываний с обращениями в терминах теории барьеров. Например, фраза:

(5) **кїжє ты сѧ на на^(і) нє гнѣван** (Киевская летопись)

– интерпретируется так, что исходный порядок (5.1) был изменен в результате введения обращения, являющегося обязательным барьером, и все компоненты клаузы, включая клитику, сместились на одну позицию вправо (5.2):

(5.1)

1	2	3	4	5
ты	сѧ	на на ^(і)	нє	гнѣван

(5.2)

1	2	3	4	5	6
кїжє	ты	сѧ	на на ^(і)	нє	гнѣван

Такая интерпретация возможна только в том случае, если любая позиция в линейной записи фразы рассматривается как позиция линеаризованной структуры клаузы. Обращение при таком подходе автоматически оказывается компонентом клаузы, которым оно на самом деле не является. Между тем достаточно учесть тот факт, что в реальности анализируется не клауза, а высказывание, и

предусмотреть для элементов коммуникативного «эскорта» особые позиции, недоступные компонентам клаузы (такие позиции можно обозначить, скажем, не порядковыми номерами, а литерами), – чтобы стало ясно, что никаких преобразований в линеаризованной структуре клаузы не происходит и никакого барьера, соответственно, нет:

(5.1a)

А	1	2	3	4	5
–	ТЫ	СА	НА НА ⁽⁶⁾	НЕ	ГНѢВАН

(5.2a)

А	1	2	3	4	5
КНѢЖЕ	ТЫ	СА	НА НА ⁽⁶⁾	НЕ	ГНѢВАН

Аналогичных примеров, дающих ту же картину для всех типов кластеризуемых клитик (сентенциальных частиц, местоименно-аргументных клитик, возвратных клитик, связок), можно привести сколько угодно. Они с избытком представлены в книге А. А. Зализняка, и мы в данном случае избавим читателя от них, поскольку ясно, что дело не в наличии примеров, а в подходе к их интерпретации.

Клетка «А» в табличной записи высказывания может появиться в любом месте, поскольку обращение, как известно, не только в современном, но и в древнерусском языке свободно занимает практически любую линейную позицию. Ср.:

(6) товѣ са кнѣже кланѣкъмъ (Новгородская 1-я летопись. Синодальный список);

(7) а поѣди кнѣже к городуу (Суздальская летопись);

(8) бѣ да хранити ть кнѣже ѿ сѣго (Повесть временных лет);

(9) что твориши кнѣже (Суздальская летопись);

(10) и ѿ вси^а си^{хъ} бѣгодарю тѣ Гї (Киевская летопись).

Линейная структура высказывания представляет собой результат наложения на линеаризованную базовую грамматическую структуру (клаузы) второй структуры – коммуникативной, включающей не только ЛА-преобразования, но и позиции для элементов коммуникативного «эскорта». Эти позиции, в каком бы месте они ни оказались, в отличие от ЛА-

преобразований, никак не влияют на линейное расположение компонентов грамматической структуры, поэтому учитывать их в теории барьеров избыточно. В следующем примере сдвиг клитики вправо возникает без всякого участия обращения: причина не в нем, а в ЛА-преобразовании, которое А. В. Циммерлинг описывает как *Left Focus Movement*, т. е. «перемещение элемента влево из позиции конечной ремы в позицию в начале группы сказуемого, предшествующую вершине глагольной группы» [25, с. 281]. Именно выдвигание аналитического прилагательного *без ума* влево из стандартной приглагольной позиции является причиной сдвига аргументной местоименной клитики на шаг вправо: обращение здесь совершенно ни при чем:

(11) дѣ кнѣже ци без ума мѣ творишь (Волынская летопись; букв. ‘Лев князь, или без ума меня творишь’; подразумеваемый смысл: ‘...разве считаешь меня безумным?’).

Существенно, что в данном случае мы имеем действительно производный порядок слов, явно отличающийся от нейтрального: реальное перемещение клитики со своего стандартного места делает осмысленным и анализ примера в терминах теории барьеров.

Иногда складывается впечатление, что простота явно избыточной интерпретации обращения как обязательного барьера отвлекает внимание исследователя от реальной сложности анализируемого материала. В книге дважды разбирается один и тот же пример

[25, с. 117–118, 392], и в обоих случаях интерпретация не лишена неточностей:

(12) *кнѧже мы не на тѧ восталѣ ꙗсмы но не хочемь кланѧти сѧ попадьи* (Киевская летопись).

Автор комментирует этот пример так: «В этом древнерусском примере в начало предложения вынесено обращение, которое само по себе является в этом языке обязательным слепым¹⁰ коммуникативным барьером. Непосредственно за обращением стоит контрастная тема {ContrTopic *мы не на тѧ*}, уточняющая, что говорящие восстали против *У-а*, а не против *Х-а*. Такого рода группы в древнерусском языке были факультативным коммуникативным Барьером [6, с. 287], но это в данном случае не так важно, так как перед ней уже стоит обязательный барьер. Поэтому клитика = *есмы* присоединяется к следующему за последним Барьером слову, глаголу *восталѣ*» [25, с. 118]. Этому анализу соответствует следующая запись (цифры в скобках обозначают позицию в линейной структуре):

(12.1) [^{BARRIER1} [VocP *кнѧже*]] (1), [^{BARRIER2} {ContrTopic *мы не на тѧ*}] (2) *восталѣ* (3) = *ꙗсмы* (4) [25, с. 117].

На самом деле той контрастной темы, о которой пишет А. В. Циммерлинг, здесь нет. Не требуется даже контекста, чтобы понять, что речь идет об уже известном адресату факте ‘говорящие восстали’ (хотя контекст, разумеется, это подтверждает: см. Киевскую летопись под 6696/1188 г.), поэтому тема высказывания – *мы ꙗсмы восталѣ*. Рема же – *не на тѧ*

<но не хочемь кланѧти сѧ попадьи>¹¹. Соответственно, причина сдвига связки-клитики вправо никак не связана с обращением: она заключается, прежде всего, в ЛА-преобразовании, выдвигающем рему (причем с явным оттенком контраста) как раз в ту позицию, которая по закону Я. Ваккернагеля должна быть занята клитикой. Этот компонент и играет роль барьера. При этом рема оказывается обрамлена элементами темы: получается высказывание такого же вида, как совр. русск. *Я не тебе плачу, а тебе Симе* (вариант, получаемый тем же путем из исходного в записи К. И. Чуковского *Я плачу не тебе, а тебе Симе*).

Второй же (по порядку – первый) барьер в (12) – компонент темы *мы*. Хорошо известно, что в древнерусском языке употребление личных местоимений первого и второго лица при наличии связки было маркированным: в высказываниях, носящих нейтральный характер, они не употреблялись. Смысл, косвенно передаваемый наличием местоимения, в данном случае можно приблизительно передать как ‘ты считаешь, что мы *Х*; между тем мы, в отличие от твоего представления о нас, не *Х*’. Иными словами, *мы* здесь окрашено семантикой контраста – так же, как и рема. Возможно, именно наличие контраста побудило А. В. Циммерлинга объединить эти компоненты, что все-таки некорректно, т. к. противопоставлений здесь два: 1) ‘на тебя vs. против попадьи’; 2) ‘мы vs. твое представление о нас’.

Мы в (12) является барьером сразу по двум причинам. Во-первых, это «вынесенный в начало общий член двух или более клауз»

¹⁰ Слепые барьеры противопоставляются селективным по признаку избирательности/неизбирательности по отношению к клитикам, на расположение которых они оказывают влияние. – прим. авт.

¹¹ Компонент, заключенный в угловые скобки, является, с нашей точки зрения, вторым в сложной реме.

Однако в системе понятий А. А. Зализняка и А. В. Циммерлинга этот компонент рассматривается как отдельная клауза со своим актуальным членением. Следуем в данном случае этому представлению.

[7, с. 54]; такие барьеры автор относит к полюбозательным. Во-вторых, это «просодическое выражение некоторого выделения того или иного звена фразы», соотнесенное «по смыслу с предшествующей фразой» [7, с. 55–56]; такие барьеры относятся к факультативным.

Этому разбору будет соответствовать запись, существенно отличающаяся от (12.1). Используем принципы нотации А. В. Циммерлинга с одним дополнением: скобки, содержащие тему, в отличие от скобок, обрамляющих ремю, выделены полужирным:

(12.2) [_{VocP} **кнѐжѐ**] (А), [^{BARRIER1} {ContrTopic **мы**}] (1) [^{BARRIER2} {ContrFocus1 **нѐ на тѐ**}] (2) **восталѐ** (3) = **кѐмы** (4)}.

Стоит обратить внимание на тот факт, что предлагаемая в (12.2) коррекция не только лучше объясняет устройство высказывания (12), но и не вступает в противоречие ни с общей идеей теории барьеров, ни с общим смыслом интерпретации примера в книге А. В. Циммерлинга, включая и то, что пример приводится для иллюстрации понятия кумулятивных барьеров, которые, в отличие от привативных, отменяющих эффект предыдущего барьера, накапливают эффект, сдвигая клитику или цепочку клитик на соответствующее количество шагов вправо. В (12) кумулятивным барьером оказывается выдвинутая влево ремя. При отсутствии такого выдвижения следовало бы ожидать **кнѐжѐ мы восталѐ кѐмы нѐ на тѐ**, при отсутствии же первого барьера –

кнѐжѐ восталѐ кѐмы нѐ на тѐ. Как нетрудно видеть, в реальности наличие обращения не оказывает никакого влияния на линейную структуру клаузы, если только не понимать под этой структурой простую нумерацию элементов высказывания в порядке поступления.

В теории барьеров есть спорные моменты, хотя в целом, повторим, можно согласиться с оценкой, которую дает ей А. В. Циммерлинг. В частности, представляются очевидными не только теоретическая нецелесообразность учета в теории барьеров обращений и других элементов коммуникативного «эс-корта», но и практическое упрощение анализа, вытекающее из предлагаемой коррекции. А кроме того, представляется уместным еще раз подчеркнуть, что любые заимствования полезны в тех случаях, когда в них есть необходимость и когда они не перечеркивают уже сделанного в отечественной науке. Нельзя не согласиться с А. А. Зализняком в том, что понятие клаузы используется российскими лингвистами все шире, и это как раз тот случай, когда заимствование целесообразно, поскольку более компактного термина для обозначения всего круга явлений, подводимого под это понятие, нет. Но возвращаться к плоскостному видению высказывания как однолинейной структуры с одним входом (через первую по порядку позицию независимо от того, чем она занята), в то время как отечественная лингвистика давно предложила намного более объемную и адекватную картину, вряд ли продуктивно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева С. В. Принципы классификации конструктивно-синтаксических единиц устной речи // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. – 2003. – Вып. 3. – С. 235–244.
2. Андреева С. В. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2005. – 190 с.

3. **Аркадьев П. М.** Теория грамматики в свете фактов языка каядилт // Вопросы языкознания. – 2015. – № 6. – С. 108–139.
4. **Валова Е. А.** Синтаксические свойства русской энклитической частицы *же* // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. – 2014. – № 4 (39). – С. 16–33.
5. **Вахтель Н. М., Голицына Т. Н.** Предложение, высказывание, речевой акт // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. ст. памяти Веры Арсеньевны Белошапковой. – М.: Изд-во Индрик, 2001. – С. 42–44.
6. **Зализняк А. А.** Древненовгородский диалект. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 720 с.
7. **Зализняк А. А.** Древнерусские энклитики. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 276 с.
8. **Звегинцев В. А.** Предложение и его отношение к языку и речи. – 3-е изд. – М.: КомКнига, 2007. – 312 с.
9. **Иванов В. В.** Северозападно-индоевропейские и уральские тоны с ларингализацией: синхронная и диахроническая лингвистика и генетика // Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков (преимущественно в свете языковых контактов) / РАН, Ин-т славяноведения / отв. ред. В. В. Иванов; отв. секр. и сост. П. М. Аркадьев. – СПб.: Алетей, 2013. – С. 266–279.
10. **Кисилиер М. Л.** Закон Ваккернагеля в позднем койне (На материале «Луга Духовного» Иоанна Мосха) // Язык и речевая деятельность. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – С. 122–140.
11. **Кисилиер М. Л., Федченко В. В.** О языке новогреческой литературы // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. – 2011. – Т. VII, № 1. – С. 409–444.
12. **Ковтунова И. И.** Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. – 2-е изд. – М.: УРСС, 2002. – 240 с.
13. **Конева В. П.** Особенности функционирования в тексте элементарных высказываний, соотносимых с денотативной сферой «представление субъекта» // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века: Сб. ст. в честь профессора С. Г. Ильенко. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – С. 113–119.
14. **Норман Б. Ю.** О двучленных конструкциях типа *Взрослым о детях, С песней в дорогу, Привет родителям* // От значения к форме, от формы к значению: Сб. статей к 80-летию чл.-корр. РАН А. В. Бондарко. – М.: Языки славянских культур, 2012. – С. 432–444.
15. **Падучева Е. В.** Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
16. **Попова З. Д.** Структурная схема простого предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа // Словарь. Грамматика. Текст. – М.: Изд-во МГОУ. – С. 255–276.
17. **Распопов И. П.** Актуальное членение предложения: На материале простого повествовательного предложения преимущественно в монологической речи. – 2-е изд. – М.: УРСС, 2009. – 168 с.
18. **Распопов И. П.** Очерки по теории синтаксиса. – 2-е изд., доп. – М.: УРСС, 2009. – 224 с.
19. **Распопов И. П.** Строение простого предложения в современном русском языке. – 3-е изд. – М.: УРСС, 2013. – 192 с.
20. **Семантические и прагматические аспекты высказывания:** Межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Т. И. Стеклова. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1991. – 164 с.

21. **Сичинава Д. В.** [Рец. на:] В. Hansen, J. Grković-Major (eds.). Diachronic Slavonic Syntax: Gradual Changes in Focus. München etc.: Sagner, 2010. 208 P. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 74) // Вопросы языкознания. – 2012. – № 6. – С. 150–154.
22. **Циммерлинг А. В.** Типологический синтаксис скандинавских языков. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 895 с.
23. **Циммерлинг А. В.** Системы порядка слов с клитиками в типологическом аспекте // Вопросы языкознания. – 2012. – № 4. – С. 3–38.
24. **Циммерлинг А. В.** Системы порядка слов в славянских языках // Вопросы языкознания. – 2012. – № 5. – С. 3–37.
25. **Циммерлинг А. В.** Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 544 с.
26. **Циммерлинг А. В.** Клитики и информационная структура высказывания в древнечешском языке // Rhema. Рема. – 2015. – № 1. – С. 74–96.
27. **Янко Т. Е.** Коммуникативные стратегии русской речи. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 384 с.
28. **Chomsky N.** Barriers. X-bar syntax: A study of phrase structure. – Cambridge (Mass.): MIT Press, 1986. – 103 p.
29. **Dikken M.** [Review of:] Mirrors and microparameters: phrase structure beyond free word order / David Adger, Daniel Harbour, Laurel J. Watkins. Cambridge Univ. Press (2009) // Lingua. – 2010. – Vol. 129, Issue 9. – P. 2311–2318.
30. **Feldstein R. F.** [Review of:] Andrej A. Zaliznjak, Drevnerusskie ènklitiki // Acta Slavica Iaponica. – 2009. – Vol. 29. – P. 133–140.
31. **Gutschmidt K., Berger T., Kempgen S., Kosta P.** Die slavischen Sprachen / The slavic languages. – Halbband 2. – Berlin; Munich; Boston: de Gruyter, 2014. – 1150 p.
32. **Hill V., Mladenova O.** Mapping the information structure in Early Modern Bulgarian clauses with the particle TA // Lingua. – 2011. – Vol. 121, Issue 15. – P. 2103–2119.
33. **Kosta P., Zimmerling A.** Slavic clitic systems in a typological perspective // The nominal structure in Slavic and beyond (Studies in generative grammar 116) / Eds. L. Schürcks, U. Etxeberria, A. Giannakidou. – Berlin; London: de Gruyter, 2013. – P. 439–486.
34. **Lahousse K., Laenzlinger C., Soare G.** Contrast and intervention at the periphery // Lingua. – 2014. – Vol. 143. – P. 56–85.
35. **Newell H., Piggott G.** Interactions at the syntax–phonology interface: Evidence from Ojibwe // Lingua. – 2014. – Vol. 150. – P. 332–362.
36. **Sáez L.** The Structure of COMP in Slavic: some evidence from Slovak // *Anuario del Seminario de Filología Vasca Julio de Urquijo. International Journal of Basque Linguistics and Philology.* – 1991. – Vol. XXV-2. – P. 515–542.
37. **Schürcks L., Etxeberria U., Giannakidou A.** Nominal arguments and the role of D: An introduction // The nominal structure in Slavic and beyond (Studies in generative grammar 116) / Eds. L. Schürcks, U. Etxeberria, A. Giannakidou. – Berlin; London: de Gruyter, 2013. – P. 3–16.
38. **Wallenberg J. C. Scrambling, L.F.,** and phrase structure change in Yiddish // Lingua. – 2013. – Vol. 133. – P. 289–318.

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.12](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.12)

Mikhail Yakovlevich Dymarskiy, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-1796-7686>

E-mail: dym2005@list.ru

VOCATIVES AND THE BARRIERS THEORY

Abstract

The paper proves inadequacy of incorporating elements of the so called communicative escort, i.e. vocatives, parenthesis and interjections, into the scope of Barriers within the Barriers Theory introduced by A. Zaliznyak. It is shown that in this theory the notion of clause is used in its broadest sense. The clause is defined as a grammatical structure (“a group, including non-predicative groups, headed by verb”), but at the same time it is treated as a result of linearization of this structure. The borders of this linearized structure are identified not only grammatically (according to the definition) but also taking semantics into account. This forces the investigator to regard elements of the communicative escort as components of the linearized structure. But it means, in turn, that this linearized structure is no more a clause but an utterance which contradicts the clause definition. At the same time, the linear structure of an utterance may not be interpreted simply as equal to the clause linearized structure, since it arises as a result of imposing two structures: the linearized basic grammatical (clause) structure + the communicative structure, the latter including linear-accent transformations as well as positions for the elements of the communicative escort. These positions may occur at any place of the linear utterance structure but they do not impact the positioning of the components of the grammatical structure. Therefore, interpreting elements of the communicative escort as one of the objects of the Barriers Theory is pleonastic. It is shown by means of reanalysis of some examples from the Old Russian language which have already been analysed by A. Zaliznyak and A. Zimmerling.

Keywords

Clause, utterance, word order, Barrier Theory, vocative phrase, Old Russian.

REFERENCES

1. Andreeva S. V. Principles of classifying of syntactic-structural units of spoken language. *Problems of Speech Communication*. 2003, issue 3, pp. 235–244.
2. Andreeva S. V. *Syntactic-structural units of Russian spoken language*. Saratov, Saratov University Publ., 2005, 190 p.
3. Arkadyev P. M. Theory of Grammar Enlightened by evidence from Kayardilt. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2015, no. 6, pp. 108–139.
4. Valova E. A. Syntactic properties of the Russian enclitic particle zhe. *St. Tikhon's University Review. Series 3: Filologiya*. 2014, no. 4 (39), pp. 16–33.
5. Vahtel' N. M., Golicyna T. N. Sentence, utterance, speech act. *Traditional and new in Russian grammar: In memoriam of V. A. Beloshapkova*. Moscow, Publ. Indrik, 2001, pp. 42–44.
6. Zaliznyak A. A. *Old Novgorod dialect*. Moscow, Shkola „Yazyki russkoj kul'tury” Publ., 1995, 720 p.
7. Zaliznyak A. A. *Old Russian enclitics*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2008, 276 p.

8. Zvegincev V. A. *Sentence and its relations to language and speech*. 3rd ed. Moscow, KomKniga Publ., 2007, 312 p.
9. Ivanov Vyach. Vs. Northwest-indoeuropean and Urals tones with laringalization: synchronic and diachronic linguistics and genetics. *Studies on typology of Slavic, Baltic and Balkan languages, predominantly in the light of language contacts*. Ed. Vyach. Vs. Ivanov, comp. P. M. Arkadyev. S. Petersburg, Aletejya Publ., 2013, pp. 266–279.
10. Kisilier M. L. Wackernagel's law in the late Koine (Based on „Lug Duhovnyj” by Ioann Moskh). *Yazyk i rechevaya deyatel'nost'*. S. Petersburg, S. Petersburg State University Publ., 2003, pp. 122–140.
11. Kisilier M. L., Fedchenko V. V. On language of the New Greek literature. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2011, vol. VII, no. 1, pp. 409–444.
12. Kovtunova I. I. *The contemporary Russian language. Word order and the functional sentence perspective*. 2nd ed. Moscow, URSS Publ., 2002, 240 p.
13. Koneva V. P. The peculiarities of text functioning of elementary utterancies correlated to the denotative sphere „introducing a subject”. *Russistics: The linguistics paradigm of the late XX century: In honor of Prof. S. G. Ilyenko*. S. Petersburg, S. Petersburg State University Publ., 1998, pp. 113–119.
14. Norman B. Yu. On binomial constructions of the type Vzroslym o detyah, S pesnej v dorogu, Privet roditelyam. *From meaning to form, from form to meaning: In honor of the RAS corr. member A. V. Bondarko*. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2012, pp. 432–444.
15. Paducheva E. V. *Utterance and its correlation to the reality*. Moscow, Nauka Publ., 1985, 272 p.
16. Popova Z. D. Clause structural scheme and utterance positional scheme as different levels of the syntactic analyses. *Dictionary. Grammar. Text*. Moscow, Publ. MSOU, 1996, pp. 255–276.
17. Raspopov I. P. *The functional sentence perspective: Based on narrative clauses predominantly in monologue*. 2nd ed. Moscow, URSS Publ., 2009, 168 p.
18. Raspopov I. P. *Essays in the theory of syntax*. 2nd ed, supp. Moscow, URSS Publ., 2009, 224 p.
19. Raspopov I. P. *The clause construction in contemporary Russian*. 3rd ed. Moscow, URSS Publ., 2013, 192 p.
20. *Semantic and pragmatic aspects of utterance*. Ed. T. I. Steksova. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical Institute Publ., 1991, 164 p.
21. Sichinava D. V. [Review of:] B. Hansen, J. Grković-Major (eds.). *Diachronic Slavonic Syntax: Gradual Changes in Focus*. München etc.: Sagner, 2010. 208 P. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 74). *Voprosy yazykoznanija*. 2012, no. 6, pp. 150–154.
22. Zimmerling A. V. *Typological syntax of Scandinavian languages*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2002, 895 p.
23. Zimmerling A. V. Word order systems with clitics in the typological perspective. *Voprosy yazykoznanija*. 2012, no. 4, pp. 3–38.
24. Zimmerling A. V. Word order systems in Slavic languages. *Voprosy yazykoznanija*. 2012, no. 5, pp. 3–37.
25. Zimmerling A. V. *Word order systems of Slavic languages in the typological perspective*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2013, 544 p.
26. Zimmerling A. V. Clitics and the utterance informational structure in classical Greek. *Rhema. Rema*. 2015, no. 1, pp. 74–96.
27. Yanko T. E. *Communicative strategies of the Russian language*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2001, 384 p.

28. Chomsky N. *Barriers. X-bar syntax: A study of phrase structure*. Cambridge (Mass.), MIT Press Publ., 1986, 103 p.
29. Dikken M. [Review of:] *Mirrors and microparameters: phrase structure beyond free word order*. David Adger, Daniel Harbour, Laurel J. Watkins. Cambridge Univ. Press (2009). *Lingua*. 2010, vol. 129, issue 9, pp. 2311–2318.
30. Feldstein R. F. [Review of:] Andrej A. Zaliznjak, *Drevnerusskie ènklitiki*. *Acta Slavica Iaponica*. 2009, vol. 29, pp. 133–140.
31. Gutschmidt K., Berger T., Kempgen S., Kosta P. *Die slavischen Sprachen/The slavic languages*. Halbband 2. Berlin, Munich, Boston, de Gruyter Publ., 2014, 1150 p.
32. Hill V., Mladenova O. Mapping the information structure in Early Modern Bulgarian clauses with the particle TA. *Lingua*. 2011, vol. 121, issue 15, pp. 2103–2119.
33. Kosta P., Zimmerling A. Slavic clitic systems in a typological perspective. *The nominal structure in Slavic and beyond (Studies in generative grammar 116)*. Eds. L. Schürcks, U. Etxeberria, A. Giannakidou. Berlin, London, de Gruyter Publ., 2013, pp. 439–486.
34. Lahousse K., Laenzlinger C., Soare G. Contrast and intervention at the periphery. *Lingua*. 2014, vol. 143, pp. 56–85.
35. Newell H., Piggott G. Interactions at the syntax–phonology interface: Evidence from Ojibwe. *Lingua*. 2014, vol. 150, pp. 332–362.
36. Sáez L. The Structure of COMP in Slavic: some evidence from Slovak. *Anuario del Seminario de Filología Vasca Julio de Urquijo. International Journal of Basque Linguistics and Philology*. 1991, vol. XXV-2, pp. 515–542.
37. Schürcks L., Etxeberria U., Giannakidou A. Nominal arguments and the role of D: An introduction. *The nominal structure in Slavic and beyond (Studies in generative grammar 116)*. Eds. L. Schürcks, U. Etxeberria, A. Giannakidou. Berlin, London, de Gruyter Publ., 2013, pp. 3–16.
38. Wallenberg J. C. Scrambling, LF, and phrase structure change in Yiddish. *Lingua*. 2013, vol. 133, pp. 289–318.

© Д. О. Добровольский, Л. Пёппель

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.13](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.13)

УДК 81

**ДИСКУРСИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ N В ТОМ, ЧТО И ЕЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ДРУГИХ ЯЗЫКАХ:
КОНТРАСТИВНОЕ КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ****Д. О. Добровольский (Москва, Россия), Л. Пёппель (Стокгольм, Швеция)*

В данном исследовании используются материалы параллельных корпусов с русским, английским, немецким и шведским языками. На основе анализа полученных данных выработаны операциональные критерии, которые могут быть положены в основу типологизации дискурсивных конструкций. Цель работы – найти способ противопоставить устойчивые, идиоматические конструкции, с одной стороны, и композиционные, близкие к свободным словосочетаниям – с другой. Это сделано на примере русской конструкции N в том, что и ее параллелей в английском, немецком и шведском языках. Обычно к параллельным корпусам обращаются для выявления способов перевода языковых структур на другие языки, выявления лингвоспецифичности языковых единиц или для усовершенствования их лексикографического описания. В этой статье впервые материалы параллельного корпуса используются для выделения различных типов русских дискурсивных конструкций. Тем самым данная работа может рассматриваться как вклад в развитие методов корпусных исследований. Конструкция N в том, что имеет в русском языке такие варианты, как *дело в том, что*; *проблема в том, что*; *беда в том, что*; *суть в том, что*; *правда в том, что*; *идея в том, что* и др. В статье рассматриваются три реализации данной конструкции – *дело в том, что*; *проблема в том, что* и *правда в том, что*. Из этих трех конструкций лишь *дело в том, что* является лексикализованной, т. е. может рассматриваться как единица русского лексикона. Это доказывается тем, что при переводе этого выражения на другие языки доминируют не его пословные корреляты, а функциональные эквиваленты, формально не имеющие с ним ничего общего. Две другие конструкции чаще всего переводятся по-словно, что дает основание рассматривать их как свободные словосочетания. В качестве эмпирической базы использовались Sketch Engine и НКРЯ.

Ключевые слова: корпус параллельных текстов, дискурсивные единицы, конструкции, устойчивые словосочетания, свободные словосочетания, русский язык, английский язык, немецкий язык, шведский язык.

*Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (грант 16-48-03006)

Добровольский Дмитрий Олегович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук, Москва, Россия.

E-mail: dm-dbrv@yandex.ru

Пёппель Людмила – доктор философии, доцент, Отделение славистики, Стокгольмский университет, Швеция.

E-mail: ludmila.poppel@slav.su.se

1. Введение

Конструкция *N в том, что* имеет в русском языке следующие реализации: *дело в том, что; проблема в том, что; беда в том, что; суть в том, что; правда в том, что; идея в том, что* и др. Отметим сразу, что наиболее частотной реализацией этой конструкции является форма *дело в том, что*.¹ По результатам поиска в подкорпусе *ruTenTen* (2011) системы *Sketch Engine* форма *дело в том, что* встретилась 683 573 раза (37,40 на млн словоупотреблений), *проблема в том, что* – 81 802 раза (4,50 на млн), *беда в том, что* – 25 903 раза (1,40 на млн), *суть в том, что* – 20 684 раза (1,10 на млн), *правда в том, что* – 5 294 раза (0,30 на млн), *идея в том, что* – 2 919 раз (0,16 на млн). По этой причине основное внимание в статье уделяется форме *дело в том, что*. На первый взгляд все эти выражения не вызывают трудностей при переводе на другие языки. Они производят впечатление полной композиционности и даже практически дословный перевод на другие языки находит подтверждение в параллельных корпусах. Ср. следующие примеры с конструкцией *дело в том, что* из русско-английского (1), русско-немецкого (2) и русско-шведского (3) параллельных корпусов.

(1) *Дело в том, что* редактор заказал поэту для очередной книжки журнала большую антирелигиозную поэму. (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита)

The thing was that the editor had commissioned from the poet a long anti-religious poem for the next issue of his journal.

(2) *Дело в том, что* ему всё стыднее и стыднее становилось за то, что он сейчас так искренно и с такими излияниями рассказал «таким людям» историю своей

ревности. (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы).

Die Sache war die, daß er sich immer mehr schämte, so offenherzig und mit so viel Gefühl solchen Menschen die Geschichte seiner Eifersucht erzählt zu haben.²

(3) *Дело в том, что...* в последнее время, когда бы я ни пытался... что бы я ни сказал, все ее выводит из себя... как будто она вообще не хочет слушать. (Sketch Engine, OPUS2 Russian)

Saken är den... när jag väl pratar blir hon otålig, som om hon egentligen inte ville höra.

Английское выражение *the thing is that* (Ср.: [8; 9; 16]), немецкое *die Sache ist die, daß* (ср.: [15]) и шведское *saken är den (att)* являются соответствиями русского *дело в том, что*. То же относится и к другим реализациям конструкции *N в том, что*, рассматриваемым в данной работе. Ср. (4–9).

(4) Вы нас всех переживете! *Проблема в том, что* я даже не знаю, хочется ли мне этого... (Sketch Engine, OPUS2 Russian)

You will outlive us all! *Problem is*, I don't even know if I want to...

(5) *Проблема в том, что* они не разглашают имена своих клиентов. (Sketch Engine, OPUS2 Russian)

Das Problem war, dass sie nicht die Namen ihrer Klienten rausgeben.

(6) *Проблема в том, что* если что-то ещё сломается, им будет совсем плохо. (Sketch Engine, OPUS2 Russian)

Problemet är att går något annat snett, är de verkligen i trubbel.

(7) *Правда в том, что* этот ваш друг не знает, играет ли он в игру или это игра играет с ним. (Sketch Engine, OPUS2 Russian)

¹ Эта русская конструкция рассматривалась, например, в [2] и [11].

² В примерах сохраняется орфография источника. Этим объясняются разные варианты написания одного и того же слова. Ср.: *daß* и *dass*.

The truth is that this friend of yours doesn't know if he's playing the game or if it's the game is playing with him.

(8) *Правда в том, что* мой муж, живой или мертвый, всегда будет в раз десять лучшим человеком, чем ты. (Sketch Engine, OPUS2 Russian)

Die Wahrheit ist, dass mein Ehemann, lebendig oder tot,... immer zehn Mal mehr Mann sein wird als du!

(9) Ну, ты выросла за последний год. В какой-то степени я горжусь этим. *Правда в том, что* ты заслужила наше доверие. (Sketch Engine, OPUS2 Russian)

Tja, du har ju vuxit det senaste året. Jag kan känna lite stolthet i det. *Sanningen är, att* du har förtjänat vårt förtroende.

В контекстах (4), (5) и (6) английское выражение *problem is*, немецкое *das Problem war, dass* и шведское *problemet är att* являются практически дословными переводами русского выражения *проблема в том, что*, а английская конструкция *the truth is that* (7), немецкая *die Wahrheit ist, dass* (8) и шведская *sanningen är den att* (9) – переводами русской конструкции *правда в том, что*.

2. Цели, задачи, материал

В статье анализируются следующие реализации конструкции *N в том, что: дело в том, что; проблема в том, что и правда в том, что*. Прочие реализации данной конструкции должны стать предметом отдельного исследования. Цель данной работы – выявление критериев, которые могут быть положены в основу различения двух типов конструкций: устойчивых, идиоматических конструкций, с

одной стороны, и композиционных, близких к свободным словосочетаниям – с другой. В качестве метода используется анализ корпусов параллельных текстов. Таким образом, работа служит вкладом в развитие контрастивных корпусных исследований.

На материале параллельных корпусов будет проверена следующая гипотеза. Дискурсивные конструкции, построенные на основе одного и того же паттерна, не обладают одинаковым лингвистическим статусом. Не-которые из них являются лексикализованными, устойчивыми выражениями, а другие – свободными словосочетаниями. Те единицы, которые переводятся пословно, скорее всего, являются свободными словосочетаниями. В тех случаях, когда при переводе выражения на другие языки доминируют не его пословные корреляты, а функциональные эквиваленты, формально не имеющие с ним ничего общего, можно утверждать, что оно является устойчивым.³

Эмпирические данные собраны из поисковой системы *Sketch Engine*, подкорпуса *ruTenTen* (2011) (14 553 856 113 словоупотреблений) и подкорпуса параллельных текстов *OPUS2 Russian*, (307 709 872 словоупотреблений)⁴, а также из русско-английского, англо-русского, русско-немецкого и немецко-русского корпусов параллельных текстов Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

3. Теория, метод

В качестве теоретической основы используются некоторые положения грамматики конструкций.

³ Естественно, данный метод является не единственным. Наиболее объективные результаты он, по-видимому, дает в комбинации с другими методами выделения лексикализованных конструкций. Так, в рабо-

тах [1] и [10] в качестве критерия используется частота употребления соответствующего выражения в корпусах.

⁴ Объем подкорпусов *ruTenTen* (2011) и *OPUS2 Russian* на 27 июля 2016 г.

На ранних этапах развития грамматики конструкций основное внимание уделялось описанию пограничных, не вполне регулярных, композиционных областей синтаксиса и лексикона. Ср.: известное определение понятия конструкции А. Голдберг, согласно которому некое выражение является конструкцией, если и только если форма и/или значение этого выражения не могут быть строго предсказаны на основе формы и значения его составляющих или на основе ранее выделенных конструкций [13, с. 4]. Сходные идеи высказывались уже в [12]⁵.

В последнее время понятие конструкции все более и более расширяется. Это аргументируется, в частности, тем, что многие абсолютно регулярно образованные слово-сочетания и модели, по которым они образованы, оказываются настолько частотными, что есть основания полагать, что они хранятся в памяти носителя языка как единые блоки, а не порождаются по правилам синтаксиса и соположения смыслов [14, с. 5]. Сходная точка зрения высказывается также в работах [5–7]. Эта точка зрения становится все более распространенной, поскольку анализ частоты встречаемости языковых выражений с использованием статистических методов – важная составляющая большинства направлений грамматики конструкций (Ср.: [4; 17–18]).

Метод включает следующие этапы:

- а) обращение к параллельным корпусам;
- б) поиск всех переводных эквивалентов рассматриваемых конструкций;
- в) анализ полученных результатов.

Если выражение чаще всего переводится дословно, его можно рассматривать как свободное словосочетание. Если же в переводе выражения количественно доминирует не пословный перевод, а другие эквиваленты, есть основания рассматривать данное выражение не как свободное словосочетание, а как единицу лексикона.

4. Результаты, дискуссия

4.1. Конструкция *дело в том, что*

Мы начинаем обсуждение результатов с представления английских параллелей. В *Sketch Engine* были найдены следующие корреляты: нулевой эквивалент <154>;⁶ *the fact is (that)* <123>; *the thing is (that)* <98>; *the point is (that)* <70>; *(it's/this/that is) because/because of* <40>; *it's just (that)/it's that/just/this is that* <27>; *in fact* <26>; *the truth is (that)* <26>; *however* <16>; *the fact of the matter is (that)* <15>; *indeed* <13>; *the problem is (that)* <12>; *you see* <9>; *the reason is (that)* <8>; *as a matter of fact* <5>; *for* <5>; *it's/this is about* <5>; *it happens that/as it happened/what has happened is/what is happening is* <5>; *the matter is (that)* <5>; *but* <4>; *since* <4>; *it's a fact that* <4>; *well* <3>; *basically* <3>; *what's true is (that)/it was true (that)* <3>; *the consequence is (that)* <3>.

Следующие параллели встречаются по два раза: *the truth of the matter is (that)*; *the answer is (that)*; *the concern is (that)*; *the crux of the matter is (that)*; *the question is (that)*; *you know; look; the position is (that)*; *the thing about; in effect*.

Было также найдено более 43 единичных англоязычных коррелята: *the situation is; that means that; my story is; the issue is; the reality is;*

⁵ Ср.: указание [12, с. 501] на то, что конструкциям свойственна некоторая идиоматичность в том смысле, что большая конструкция задает семантику и/или прагматику, отличную от того, что могло бы

быть вычислено из семантики набора меньших конструкций, потенциально образующих тот же морфосинтаксический объект.

⁶ В угловых скобках дается общее количество попаданий.

the content is; the explanation is; the fact remained that; the fact that; this is due to; it has everything to do with; what I'm trying to say is that; except that; that is; in reality; actually; in practice; the word is; the plan was; here's the thing; this is the situation; sort of; the point being; the purpose of; it is not that; thus; it should be noted that; in truth; for the reason that; as it was; rather; in that it is; that is; instead; namely; in that connection; in this regard; it is which; to be blunt; here too; it is a matter of; accordingly; the trouble is.

Обращает на себя внимание большое количество разнообразных английских параллелей русской конструкции *дело в том, что*. Всего было найдено 80 различных типов эквивалентов.

В русско-английском параллельном корпусе НКРЯ было найдено 26 переводных эквивалентов, самые частотные из них – нулевой эквивалент <27>; *the fact is (that)* <14>; *the thing is (that)* <14>; *the point is (that)* <10>. Реже встречаются *you see* <3>; *actually* <2>; *in point of fact* <2>; *the matter is (that)* <2>. По одному разу употребляются 18 эквивалентов – *this came about in the following way; well; for; the fact of the matter was that; the truth of the matter was that; it was exactly that; the trouble was that; it is that; the important point is that; the chief thing is that; it all lies in the fact that; all that matters is that; it was true that; it was because that; the difficulty was that; the question is; the whole point is; the fact remains that.*

Результаты частично совпадают и частично расходятся. Четыре самых частотных эквивалента – нулевой эквивалент, *the fact is (that); the thing is (that)* и *the point is (that)* – полностью совпадают, что свидетельствует о не случайности полученных результатов. В то же время относительно частотные конструкции, найденные в *Sketch Engine*, – *in fact; the truth is (that)* и *however* – отсутствуют

в НКРЯ, а (*it's/this/that is*) *because/because of; it's just (that)/it's that/just/this is that* и *the fact of the matter is (that)* встречаются по одному разу. Эти расхождения вполне естественны. *Sketch Engine* намного больше НКРЯ. К тому же имеются жанровые различия текстов, включенных в эти корпуса. В НКРЯ представлена почти исключительно художественная литература, а в *Sketch Engine* доминируют нефикциональные тексты.

Перейдем к анализу немецкого материала. В *Sketch Engine* найдено 20 немецких параллелей: нулевой эквивалент <19>; *die Sache ist die (dass)* <8>; *aber* <5>; *es geht darum, dass* <4>; *es ist (doch) so, dass* <3>; *die Wahrheit ist, dass* <3>; *wissen Sie* <2>; *nur (dass)* <2>; *Tatsache ist (nun mal)* <2>; *es ist nur (dass)* <2>; *ich meine* <2>; *der Punkt ist* <2>; *weil* <1>; *es ist, was* <1>; *um die Wahrheit zu sagen* <1>; *jedoch* <1>; *das passiert* <1>; *der Grund dafür ist, dass* <1>; *das Schlimme ist, dass* <1>; *wichtig ist nur* <1>.

В НКРЯ найдено 13 коррелятов: *die Sache ist die (dass)* <18>; нулевой эквивалент <11>; *nämlich* <9>; *es handelt sich darum, dass* <3>; *die Hauptsache ist, (dass)* <3>; *doch* <2>; *der Grund war, (dass)* <2>; *es kommt (vielmehr/doch nur) darauf an* <2>; *der Kernpunkt ist vielmehr, dass* <1>; *die Sache liegt so, dass* <1>; *es hängt ganz davon ab* <1>; *es geht darum, dass* <1>; *weil* <1>.

Два самых частотных эквивалента *Sketch Engine* – нулевой эквивалент и *die Sache ist die, (dass)* – совпадают с самыми частотными эквивалентами НКРЯ, хотя и в другой последовательности. Наиболее существенным различием является отсутствие *nämlich* в *Sketch Engine*, при том, что в НКРЯ данное слово встречается девять раз. Это различие представляется существенным, поскольку даже поверхностный семантический анализ слова *nämlich* показывает, что его коммуникативная

функция очень близка к функции русской конструкции *дело в том, что*. В целом результаты демонстрируют существенный разброс в немецких параллелях.

Шведские эквиваленты рассматриваются только на основе данных *Sketch Engine*. Это единственный из имеющихся в нашем распоряжении корпусов текстов, в котором есть русско-шведские параллельные примеры. В корпусе найдено 25 шведских параллелей: нулевой эквивалент <45>; *saken är den att* <16>; *men* <8>; *problemet är att* <7>; *faktum är att* <4>; *det viktiga är (att)/det är viktigt att* <4>; *det är för att* <4>; *sanningen är att* <3>; *grejen är den att* <3>; *poängen är att* <3>; *för (att)* <3>; *det handlar om att* <2>; *det vad jag vill säga är att* <2>; *i själva verket* <2>; *jag/han menar att* <2>; *det beror på att* <1>; *det är vad* <1>; *om* <1>; *bara* <1>; *då* <1>; *faktiskt* <1>; *det var inte meningen att* <1>; *oron är att* <1>; *läget är att* <1>; *vad jag menar är* <1>. Самые частотные – нулевой эквивалент и *saken är den att*. В промежуточную зону (от 10 до 2) попадают 13 эквивалентов, а количество единичных употреблений равно 10. Здесь тоже можно говорить о существенном разбросе.

Мы также обратились к англо-русскому и немецко-русскому параллельным корпусам НКРЯ, поскольку проверка гипотезы на материале, в котором русские тексты не являются исходными, повышает объективность результатов. См. об этом также [3].

В англо-русском корпусе найдено всего 54 разных способа перевода *дело в том, что*, из которых шесть эквивалентов встречаются более 10 раз каждый: нулевой эквивалент <38>; *the fact is (that)* <36>; *for* <34>; *it's just (that)/it's that/just/this is that* <16>; *(that is) because* <14>; *(as) you see* <11>.

В диапазон от 10 до 2 раз попадают 15 эквивалентов: *well* <7>; *the thing is (that)* <7>; *but* <5>; *it happens (that)* <4>; *actually* <4>; *the*

truth is (that) <4>; *the point is (that)* <4>; *in fact* <4>; *the reason is (that)* <3>; *the problem is (that)* <3>; *I mean* <2>; *as a matter of fact* <2>; *I tell you* <2>; *in truth* <2>; *to begin with* <2>.

По одному разу встречаются 33 эквивалента: *apparently; it should be understood that; you should understand (that); it appears that; to all appearance; listen; so; I think; it seemed; it depends on; I happen to be; it so happens; it's something in the way; it was the feeling that; the trouble is that; we are asking how; it was due to the fact that; it just amounts to; you know; I may say; it's like this; in the first place; merely; it was a case of; I suppose; that's the proposition; and; you must know; let it suffice to say; now; that's the matter; I believe; nevertheless*.

Далее сравним эти результаты с результатами русско-английского параллельного корпуса НКРЯ. В русско-английском корпусе соответствующие результаты выглядят так: три коррелята встречаются более 10 раз каждый, пять – в диапазоне от 10 до 2 и 18 единичных употреблений. В группе наиболее частотных эквивалентов совпадают лишь два – нулевой эквивалент и *the fact is (that)*. Это сравнение показывает, что при переводе с русского на английский переводчики чаще идут за формой, употребляя такие конструкции, как *the fact is (that); the thing is (that)* и *the point is (that)*. При переводе же с английского на русский переводчик чаще употребляет дискурсивную конструкцию *дело в том, что* там, где оно не продиктовано формой. Так, в самую частотную группу английских коррелятов попадают такие лексические единицы, как *for, just, because, you see*. Кроме того, активно используются синтаксические средства, такие как клефт. Ср. (10).

(10) They didn't believe me at first either, he said. *It's just that* we get a lot of calls like this. But I believe you, Doctor, so why don't you

continue with the story? (Michael Connelly. City Of Bones)

Они тоже мне сначала не верили, – промолвил Гийо. – *Дело в том, что* мы получаем много подобных звонков. Но я верю вам, доктор, и, прошу, продолжайте.

В немецко-русском корпусе НКРЯ найдены следующие корреляты: *nämlich* <27>; нулевой эквивалент <11>; *die Sache ist die, (dass)* <10>; *denn* <8>; *eben* <3>; *aber* <3>; *es kommt darauf an* <2>; *gerade* <1>; *eigentlich* <1>; *die Tatsache* <1>; *doch* <1>.

Сопоставление немецко-русского и русско-немецкого параллельных корпусов НКРЯ дает весьма похожие результаты. Обращают на себя внимание следующие особенности. Если при переводе с русского языка на немецкий доминировал формальный коррелят *die Sache ist die, (dass)*, то в немецко-русском корпусе с большим отрывом лидирует слово *nämlich*, которое по форме не имеет ничего общего с русским *дело в том, что*, но во многих контекстах выполняет ту же самую функцию – обоснование того, что было сказано ранее. Ср. (11).

(11) Wir landeten, und – die ganze Insel bestand aus einem großen Käse. Wir hätten dies vielleicht gar nicht entdeckt, wenn uns nicht ein sonderbarer Umstand auf die Spur geholfen hätte. Es war *nämlich* auf unserm Schiffe ein Matrose, der eine natürliche Antipathie gegen den Käse hatte. (Gottfried August Bürger. Die Abenteuer des Freiherrn von Münchhausen)

Как выяснилось, весь остров представлял собой большой сыр. Возможно, мы даже не заметили бы этого, если бы не одно обстоятельство, открывшее нам истину. *Дело в том, что* у нас на корабле находился матрос, отроду испытывавший отвращение к сыру.

Другая особенность немецко-русского корпуса заключается в том, что в группу отно-

сительно частотных параллелей попадает каузальный союз *denn*, что напоминает частотность английских союзов *because* и *for* в англо-русском параллельном корпусе.

4.2. Конструкции *проблема в том, что* и *правда в том, что*

В *Sketch Engine* были найдены следующие английские эквиваленты конструкции *проблема в том, что*: *(the) problem/trouble is (that)* <174>; нулевой эквивалент <15>; *(the) thing is (that)* <7>; *(the) point is (that)* <2>; *the big deal is* <2>; *a principal concern is* <2>; *you see* <1>; *the challenge is* <1>; *the difficulty is* <1>; *the issue is* <1>; *the fact that* <1>; *what's causing the problem is* <1>; *that's the problem that* <1>. В общей сложности найдено 14 английских параллелей, при этом с явным отрывом лидирует *(the) problem/trouble is (that)*.

В немецком материале найдено пять параллелей конструкции *проблема в том, что*, среди которых доминирует *(das) Problem ist, dass* <20>, за ней следует нулевой эквивалент <6>. Три эквивалента – *das Blöde ist nur, dass; zu allem Ärger* и *die große Sache ist* – встречаются по одному разу.

В корпусе со шведским языком обнаружено семь параллелей, самой частотной формой является дословный перевод русского выражения *проблема в том, что* – *problemet är att* <26>. Остальные эквиваленты распределяются по количеству примеров следующим образом: нулевой эквивалент <9>; *men* <3>; *felet är att* <2>; *dessvärre* <1>; *saken är att* <1>; *den verkliga orsaken är* <1>.

Для конструкции *правда в том, что* найдено семь английских эквивалентов: *(the) truth is (that)* <90>; *(the) fact is (that)* <7>; нулевой эквивалент <3>; *in fact* <1>; *true* <1>; *reality is* <1>; *the fact of the matter is* <1>. Было

также найдено два немецких эквивалента: *die Wahrheit ist* <12> и нулевой эквивалент <2>. В шведском материале найден один эквивалент: *sanningen är att* <11>.

Анализ параллелей, найденных в *Sketch Engine*, показал, что в английском, немецком и шведском переводах количественно доминирует дословный перевод конструкций *проблема в том, что* и *правда в том, что*. Сравнение количественных показателей дословного перевода и всех остальных эквивалентов дает следующие соотношения: для английского – 174 к 49; для немецкого – 20 к 9; для шведского – 26 к 17.

Следует также учитывать не только количественный показатель, но и разброс среди недословных переводов, т. е. каждый из прочих способов перевода встречается довольно редко, так что ни один из них не может претендовать на статус конкурента дословного перевода. Таким образом, недословные переводы носят, скорее, случайный характер.

5. Выводы

Представленные в работе эмпирические данные показывают следующее:

1. Конструкция *дело в том, что* имеет множество разнообразных переводных эквивалентов в английском, немецком и шведском языках. Большинство этих эквивалентов не синонимичны между собой, выбор зависит от контекстных условий. Это означает, что конструкцию *дело в том, что* следует рассматривать не как свободное словосочетание, а как единицу лексикона.

2. Конструкция *дело в том, что* характеризуется сложной конфигурацией семантических признаков. В ее семантическую структуру входят, по крайней мере, следующие смыслы:

а) обоснование того, что было сказано раньше;

б) указание на причину того, что произошло;

в) выделение следующей клаузы как особо важной.

В зависимости от того, какой из этих смыслов фокусируется в высказывании, выбираются эквиваленты из разных групп. Так, английский эквивалент *you see* в переводе предложения *Дело в том, что это ваша мать* – *You see, it's your mother*; немецкий *nämlich* в *Дело в том, что она была значительно старше меня* – *Sie war nämlich bedeutend älter als ich* и шведский *det var så att* в *Дело в том, что я случайно назвал ее кошелкой* – *Det var så att jag råkade kalla henne subba* поясняют то, что было сказано раньше. В тех случаях, когда фокусируется причина, в английских, немецких и шведских переводах используются причинные подчинительные союзы. Например, английский союз *because* в *То есть, дело в том, что я – женщина* – *So it is because I'm a woman*; немецкий *denn* в *Отличная книга. Её должен прочесть каждый. Видишь ли, дело в том, что если мы будем беспечны...* – *Gutes Buch. Jeder sollte es lesen. Denn, weißt du, es geht darum, wenn wir nicht aufpassen...* или шведский *för* в *Может быть, вы поможете мне... дело в том, что мне очень нужно с ним встретиться.* – *Du kanske kan hjälpa mig, för det är viktigt att jag får tag i honom.*

В случаях, когда выделяется следующая клауза как особо важная, в английском, немецком и шведском языках используются фокусирующие частицы или конструкции. Например, английская конструкция *the point is that* в *Дело в том, что этот противник никогда не отступает* – *The point is that this enemy never retreats*; немецкая *was die Hauptsache ist* в *Но дело в том, что Анну я вам не отдам* – *Aber was die Hauptsache ist: ich lasse auf Anna nichts kommen* и шведская *poängen är att* в *Нет, но*

дело в том, что искушение всегда остается – Nej, men poängen är att frestelsen alltid är där.

Русское выражение *дело в том, что* одновременно поясняет вышесказанное, указывает на причину произошедшего и выделяет последующее утверждение как особо важное. Все это свидетельствует о том, что *дело в том,*

что следует рассматривать как единицу лексикона. Что касается конструкций *проблема в том, что* и *правда в том, что*, они являются свободными словосочетаниями и могут рассматриваться как конструкции только по причине высокой частотности в речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Апресян В. Ю.** Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 288 с.
2. **Коптев М. В., Стеклова Т. И.** Исключение как правило. Переходные единицы в грамматике и словаре. – М.: Языки славянской культуры, 2016. – 168 с.
3. **Шмелев А. Д.** Русские лингвоспецифичные лексические единицы в параллельных корпусах: возможности исследования и «подводные камни» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2015». – 2016. – Выпуск 14 (21). – С. 584–595.
4. **Bybee J. L.** Language, usage and cognition. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 264 p.
5. **Bybee J. L.** Usage-based theory and exemplar representations of constructions // The Oxford handbook of construction grammar / Eds Hoffmann T., Trousdale G. – Oxford, New York: Oxford University Press, 2013. – P. 49–69.
6. Frequency and the emergence of linguistic structure / Eds Bybee J. L., Hopper P. J. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. – 492 p.
7. **Croft W., Cruse D. A.** Cognitive linguistics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 365 p.
8. **Delahunty G. P.** Contextually determined fixity and flexibility in *thing* sentence matrixes // Yearbook of Phraseology 2. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2011. – P. 109–135.
9. **Delahunty G. P.** An analysis of the thing is that S sentences // Pragmatics. – 2012. – Vol. 22 (1). – P. 41–78.
10. **Dobrovolskiy D., Pöppel L.** Entrenched lexical patterns: The Russian construction *в том-то и весь N* // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 206. – P. 18–23.
11. **Dobrovolskiy D., Pöppel L.** The discursive construction *дело в том, что* and its parallels in other languages: A contrastive corpus study // Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the annual international conference “Dialogue 2016”. – 2016. – Issue 15 (22). – P. 126–137.
12. **Fillmore Ch. J., Kay P., O’Connor M. C.** Regularity and idiomaticity in grammatical constructions. The case of *let alone* // Language. – 1988. – Vol. 64, No. 3. – P. 501–538.
13. **Goldberg A. E.** Constructions: A Construction Grammar approach to argument structure. – Chicago, London: The University of Chicago Press, 1995. – 271 p.
14. **Goldberg A. E.** Constructions at work: The nature of generalization in language. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 516 p.
15. **Günthner S.** Die die Sache/das Ding ist-Konstruktion im gesprochenen Deutsch – eine interaktionale Perspektive auf Konstruktionen im Gebrauch // Konstruktionsgrammatik II. Von der Konstruktion zur Grammatik. – Tübingen: Stauffenburg, 2008. – S. 157–177.
16. **Massam D.** Thing is constructions: The thing is, is what’s the right analysis? // English Language and Linguistics. – 1999. – Vol. 3, Issue 2. – P. 335–352.

17. **Stefanowitsch A.** Linguistics beyond grammaticality // *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. – 2007. – Vol. 3, No. 1. – P. 57–71.
18. **Stefanowitsch A., Gries S. T.** Collostructions: Investigating the interaction between words and constructions // *International Journal of Corpus Linguistics*. – 2003. – Vol. 8, No. 2. – P. 209–243.

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.13](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.13)

Dmitrij Olegovich Dobrovol'skij, Doctor of Philological Sciences, Professor, Leading Research Scientist, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-4531-6968>

E-mail: dm-dbrv@yandex.ru

Ludmila Pöppel, Ph.D., Associate professor, Slavic Department, Stockholm University, Stockholm, Kingdom of Sweden.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-4983-4607>

E-mail: ludmila.poppel@slav.su.se

THE DISCURSIVE CONSTRUCTION *N v tom, čto* AND ITS PARALLELS IN OTHER LANGUAGES: A CONTRASTIVE CORPUS STUDY

Abstract

*The present investigation deals with parallel corpus data in Russian, English, German and Swedish. On the basis of an analysis of our findings we attempt to identify operational criteria that can be used to classify discursive constructions. The goal is to find a means for contrasting fixed, idiomatic phrases, on the one hand, and compositional constructions that are close to free word groups, on the other. The research is based on the example of the Russian construction *N v tom, čto* and its parallels in English, German and Swedish. Parallel corpora are usually used to find ways of translating linguistic structures into other languages, to identify the language-specific features of linguistic units, or to improve their lexicographical description. The present investigation is the first study to employ parallel corpus data to identify different types of Russian discursive constructions, and for that reason it can be viewed as a contribution to the development of the methodology of corpus studies. The pattern *N v tom, čto* in Russian is represented by the following variants *delo v tom, čto*; *problema v tom, čto*; *beda v tom, čto*; *sut' v tom, čto*; *pravda v tom, čto*; *ideja v tom, čto*, etc. Here we address three of them *delo v tom, čto*; *problema v tom, čto* and *pravda v tom, čto*. Of these three, only *delo v tom, čto* is lexicalized, i.e. can be regarded as a unit of the Russian lexicon. This is proved by the fact that translations of the expression into other languages primarily involve not its word-for-word correlates, but instead functional equivalents that formally have nothing in common with it. Two other constructions are most frequently translated word-for-word, which suggests that these can be regarded as free word groups. The empirical data were drawn from Sketch Engine and the RNC.*

Keywords

Parallel corpus, discursive units, constructions, fixed expressions, free word groups, Russian, English, German, Swedish

REFERENCES

1. Apresyan V. Ju. *Concessivity: mechanisms of formation and interaction of complex meanings in language*. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2015, 288 p.
2. Kopotev M. V., Steksova T. I. *Exception as rule. Bordeline units between grammar and lexicon*. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2016, 168 p.

3. Shmelev A. D. Russian language-specific lexical units in parallel corpora: prospects of investigation and “pitfalls”. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2015”*. 2014, issue 14 (21), pp. 584–595.
4. Bybee J. L. *Language, usage and cognition*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2010, 264 p.
5. Bybee J. L. Usage-based theory and exemplar representations of constructions. *The Oxford handbook of construction grammar*. Eds Hoffmann T., Trousdale G. Oxford, New York, Oxford University Press Publ., 2013, pp. 49–69.
6. Bybee J. L., Hopper P. J. (eds.). *Frequency and the emergence of linguistic structure*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ., 2001, 492 p.
7. Croft W., Cruse D. A. *Cognitive linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2004, 356 p.
8. Delahunty G. P. Contextually determined fixity and flexibility in thing sentence matrixes. *Yearbook of Phraseology 2*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter Publ., 2011, pp. 109–135.
9. Delahunty G. P. An analysis of the thing is that S sentences. *Pragmatics*. 2012, vol. 22 (1), pp. 41–78.
10. Dobrovol'skij D., Pöppel L. Entrenched lexical patterns: The Russian construction в том-то и весь N. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015, vol. 206, pp. 18–23.
11. Dobrovol'skij D., Pöppel L. The discursive construction дело в том, что and its parallels in other languages: A contrastive corpus study. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the annual international conference “Dialogue 2016”*. 2016, issue 15 (22), pp. 126–137.
12. Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions. The case of let alone. *Language*. 1988, vol. 64, no. 3, pp. 501–538.
13. Goldberg A. E. *Constructions: A Construction Grammar approach to argument structure*. Chicago and London, The University of Chicago Press Publ., 1995, 271 p.
14. Goldberg A. E. *Constructions at work: The nature of generalization in language*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2006, 516 p.
15. Günthner S. The die Sache/das Ding ist-Construction in spoken German – an interactional perspective on constructions in use. *Construction Grammar II. From konstruktion to grammar*. Tübingen, Stauffenburg Publ., 2008, pp. 157–177.
16. Massam D. Thing is constructions: The thing is, is what's the right analysis? *English Language and Linguistics*. 1999, vol. 3, issue 2, pp. 335–352.
17. Stefanowitsch A. Linguistics beyond grammaticality. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2007, vol. 3, no. 1, pp. 57–71.
18. Stefanowitsch A., Gries S. T. Collostructions: Investigating the interaction between words and constructions. *International Journal of Corpus Linguistics*. 2003, vol. 8, no. 2, pp. 209–243.

© Г. И. Кустова

DOI: 10.15293/2226-3365.1606.14

УДК 81

КОНСТРУКЦИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С КОМПОНЕНТОМ «ДЛЯ РОД»

Г. И. Кустова (Москва, Россия)

В статье рассматриваются два вида конструкций прилагательных, омонимичных по форме – **А для Род S**, – но различных по семантике, – компаративная и актантная. Компаративная конструкция утверждает, что признак нетипичен для данного объекта или класса объектов: (*довольно*) *жаркий для осени день*, – и имеет импликацию, что типичным является противоположный признак ('для осени типичны нежаркие дни').

В актантной конструкции *для Род* выражает валентность и соответствует участнику ситуации, обозначенной прилагательным: *неожиданный для нас результат*.

Многие прилагательные, имеющие валентность *для Род*, допускают и компаративную конструкцию: *Неубедительные для нас доводы* = 'доводы нас не убедили' vs. *Неубедительные для такого опытного адвоката доводы* – 'странно, что такой опытный адвокат приводит неубедительные для зрителей доводы'.

Для-конструкция является такой же универсальной для прилагательных, как форма родительного для существительных, – в обоих случаях выражается широкий набор значений.

Ключевые слова: прилагательное, валентность, конструкция, компаративная семантика

1. Вводные замечания

Речь пойдет о конструкциях, где прилагательное присоединяет предложную группу *для Род* (далее для краткости будем говорить просто «группа *для Род*»): **А для Род S** (А – прилагательное, S – существительное, Род – родительный падеж). В рамках этой модели можно выделить два типа конструкций, которые совпадают по форме, но различаются семантически. Конструкцию первого типа условно можно назвать компаративной: *Это*

был воскресный и невероятно жаркий для Прибалтики день (Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961); *Выбрала велотренажер относительно дешевый для таких характеристик* (Форум: Отзывы о магазине Велотренажеры (2011)), ср. также: (*довольно*) *тихая для центра улица; флегматичный для итальянца юноша; щедрый для такого скряги чаевые, маленькая для чиновника зарплата*. Конструкцию второго типа назовем актантной: *Происходит эта*

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02003, реализуемый в МПГУ). Литературные примеры извлечены из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru)

Кустова Галина Ивановна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, профессор кафедры русского языка, Московский педагогический государственный университет.

E-mail: galinak03@gmail.com

безрадостная для горожан процедура будет прямо на автозаправках («Столица», 1997.10.28); *Применение галлия можно считать безопасным для здоровья* («Химия и жизнь», 1970); *Дальнейшая эмиграция русских была желательной для правительства Парагвая* («Спецназ России», 2003.01.15).

Отличие компаративных и актантных конструкций состоит в следующем.

Прилагательные, как и глаголы, являются предикатами, предикатными словами, т. е. имеют валентность (валентности). Разумеется, прилагательные – неполноценные предикаты, ср. [1–4]. Во-первых, у них нет морфологических показателей времени и наклонения, из-за чего в позиции сказуемого им требуется вспомогательный глагол-связка; во-вторых, их семантическая валентность на существительное, признак референта которого они выражают, синтаксически является пассивной (см. [5–6]), т. е. прилагательное, в отличие от глагола, не управляет существительным, а подчиняется ему – согласуется с ним в рамках атрибутивной группы (в позиции сказуемого ситуация более сложная): *жаркий день; тихая улица, флегматичный юноша; маленькая зарплата*. Для одноместных прилагательных выражения типа *жаркий для Прибалтики день* являются конструкциями в смысле грамматики конструкций (см. [7–12]). Группа для *Род* не выражает особую (вторую) валентность (которой у этих прилагательных нет), а является именно элементом конструкции.

При этом у семантически и синтаксически неодноместных прилагательных зависимым падежом или предложной группой может выражаться вторая валентность (и следующие): *знакомые ему места; равная предыдущей сумма*. В нашем случае вторая валентность выражается группой для *Род*: *обидные для него слова; скучная для детей книга*. В актантной конструкции референт для *Род* –

участник ситуации, обозначаемой прилагательным: *неожиданный для него ответ* – ‘он не ожидал такого ответа’.

На самом деле, каждый тип конструкций **А для Род S** – и компаративная, и актантная – включает в себя целое семейство конструкций, которые различаются значениями, требованиями к заполнению позиций, семантикой актантов. В данной работе мы ограничимся двумя типами конструкций, примеры которых были приведены выше.

В связи с этими конструкциями возникает целый ряд вопросов, которые и будут рассмотрены ниже:

- что собой представляет компаративная и актантная конструкции как таковые;
- как говорящие семантически различают компаративную и актантную конструкции, коль скоро они синтаксически омонимичны;
- возможна ли компаративная конструкция для прилагательных, у которых есть валентность, выражаемая группой для *Род*.

Прежде чем перейти к обзору материала, необходимо сделать два замечания по поводу компаративной конструкции.

Первое. В этой конструкции могут участвовать не только прилагательные, но и другие качественные (т. е. включающие в семантику градуируемый признак) слова, например, наречия и предикативы: *Здесь было удивительно тихо для центра города; Он держался неуверенно для хозяина такого огромного бизнеса; Он ухитрился довольно быстро для человека без связей подняться по служебной лестнице*.

Второе. Распространитель для *Род* может стоять и в начале предложения в качестве детерминанта, ср.: (а) *Это маленькая для чиновника зарплата* – (б) *Для чиновника это маленькая зарплата*. Тем не менее мы будем рассматривать конструкции (а) отдельно от (б) –

в частности потому, что из некоторых позиций для *Род* не передвигается, ср.: *На свою небольшую для чиновника зарплату он содержит кучу родственников – *Для чиновника он содержит на небольшую зарплату кучу родственников.*

2. Компаративная конструкция

Компаративная *для*-конструкция типа *тихая для центра улица* семантически включает понятия нормы (эталона) и сравнения, и в этом смысле занимает промежуточное место между прилагательными в положительной степени, в семантику которых входит понятие нормы, и компаративом, который эксплицитно обозначает операцию сравнения и включает понятие эталона сравнения.

В работах по семантике (ср. [13]) выдвигается идея, что в семантику некоторых классов прилагательных, например, параметрических, входит понятие нормы: *высокий* – ‘больше (выше) нормы’ [13–14] (*высокий дом* ≈ выше «среднего» дома).

Более сложно устроены экспериенциальные прилагательные (см. [14]): у них помимо нормы есть еще отсылка к ощущению человека, который взаимодействует с предметом-носителем признака: *тяжелый рюкзак* – давит на человека, и человек ощущает тяжесть (см. [14]); *горячий чай* – согревает (или обжигает); *тихая улица* – шум не мешает человеку и т. д.

Наличие «встроенной» нормы в семантике параметрических прилагательных не приводит к «компаративизации» – значение прилагательных типа *высокий* остается абсолютным.

В компаративной *для*-конструкции тоже есть норма, но другая – эталон сравнения, и говорящий совершает операцию сравнения. Таким образом, прилагательное в этой конструк-

ции, выступая в форме положительной степени, является семантическим компаративом, почему она и названа компаративной.

При этом конструкция **А для Род S** не является простой перифразой компаратива, а является идиоматичной (некомпозиционной), что вообще характерно для конструкций.

В обычной компаративной конструкции (с морфологическим компаративом) выражается относительное значение признака. Например, в предложении *Дом выше дерева* не утверждается, что дом высокий – дом может быть одноэтажный, т. е. низкий по сравнению с небоскребом, просто его высота больше, чем высота другого предмета. Точкой отсчета является не общая норма высоты для класса домов, на которую ориентируется семантика выражения *высокий дом*, а конкретный стандарт (эталон) сравнения, и сравниваются два конкретных значения параметра. Даже если эталон является обобщением: *Рюкзак тяжелее, чем обычно* – все равно здесь не содержится утверждения ‘рюкзак тяжелый’.

Примечание. Мы сейчас не можем углубляться в известную дискуссию о пресуппозициях сравнительной степени, ср. *Анна красивее Марии*, где о красоте каждой ничего не утверждается, и *Мария безобразнее Анны*, где обе безобразны [15].

Прилагательное в компаративной *для*-конструкции тоже выражает не абсолютный, а относительный признак: *грамотная для двоичника работа* не означает, что работа сама по себе грамотная. В ней допущены ошибки, т. е. если ее рассматривать изолированно, ее нельзя назвать грамотной. Но ее сравнивают не со средней работой вообще, а со средней, типичной работой двоичника: она содержит меньше ошибок, т. е. она **грамотнее**, чем обычные работы двоичника. В принципе, тот же смысл может быть передан и морфологическим компаративом: *Работа грамотнее, чем он (этот двоичник) обычно пишет.* Поэтому

можно считать, что это пусть и не морфологическая, но частично грамматикализованная форма выражения сравнения.

Есть два типа компонентов, которые поддерживают идею «сравнительности», «релятивизируют» значение прилагательного, – квантификаторы и форма для *Род*.

Хотя прилагательные в *для*-конструкции могут выступать изолированно, часто они имеют при себе квантификатор, который «ослабляет» значение признака, – *довольно тихая/очень тихая/относительно тихая улица*.

Довольно тихая улица значит, что признак ‘тихий’ ослаблен, но говорящий склоняется к характеристике ‘скорее тихая’, т. е. на шкале признака ‘шум’ улица находится на интервале тихих улиц, а не на интервале шумных улиц.

Примечание. Специально отметим, что среди квантификаторов встречается и наречие *слишком*. Оно является ключевым элементом в еще одной *для*-конструкции – со значением ‘не подходящий, отклоняющийся от нормы настолько, что невозможно использовать’: *Слишком жаркий для гипертоника климат* – ‘не подходит для проживания’; *Слишком тяжелый для ребенка рюкзак* – ‘ребенок не может нести’. В отличие от этой конструкции, в компаративной конструкции выражение *слишком X-овый* интерпретируется как ‘неправдоподобно X-овый’, ‘на редкость X-овый’, ‘сильно отклоняющийся от стандартных представлений’: *Мой, слишком артистичный для охранника здоровый дылда охранник, бывший муниципальный мент Лешка Разуков взялся снимать нас на фоне далеких заводов и ангаров верфей* (Эдуард Лимонов. Книга воды (2002)); *Помню ужасную жару, светлые, пожарные, слишком светлые для нашей полосы ночи* (Борис Хазанов. Страх. Повесть ни о чем (1989)).

Могут использоваться также производные квантификаторы – т. е. прилагательные, у которых значение степени развилось из другого значения: *удивительно жаркий для Прибалтики день; подозрительно дешевый для*

центра магазин; — Фигня, — махнул он рукой и продолжал колотить по твердому, неожиданно крепкому для этого времени льду (Андрей Геласимов. Год обмана (2003)). И, наконец, в качестве квантификаторов могут выступать наречия *нетипично, необычно, непривычно* (семантика которых имеет для этой конструкции особое значение, см. ниже): *необычно шутливый для этого мрачного человека тон; нетипично тихая для центра улица*.

Однако ключевым для компаративной конструкции компонентом является группа для *Род*, которую можно назвать ограничителем, или рестриктивом: она «компаративизирует», «деабсолютизирует» признак, выраженный прилагательным, сужает его сферу действия.

Компаративная конструкция «взвешивает» типичность/нетипичность.

Общей семантической моделью *для*-конструкции является смысл ‘нетипичный’, ‘необычный’, ‘непривычный’, ‘нехарактерный’, ‘X-овее, чем обычный, типичный’: *жаркий для Прибалтики день* – нетипично жаркий, жарче, чем обычно в Прибалтике; *маленькая для чиновника зарплата* – меньше, чем типичная зарплата чиновника; *тихая для центра улица* – меньше шума, чем обычно в центре; ср. также: *сильные для такого бездарного поэта стихи; щедрые для такого скряги чаевые*.

Благодаря смыслу ‘нетипичный’ «вычисляется» типичное значение – типичным будет противоположное значение признака, которое является импликацией: поскольку тихая улица для центра нетипична, значит, типичны шумные улицы; для Прибалтики типична прохладная погода; для бездарного поэта – слабые стихи и т. д. Это значение вычисляется и в том случае, если об объекте адресату ничего не известно, ср.: *грамотная для Иванова работа* – даже если вы не знаете, кто такой Иванов и ка-

кие у него работы, все равно из этого утверждения следует, что типичными для него являются неграмотные работы.

Подтверждением того, что *для*-конструкция выражает именно нетипичное значение признака, является невозможность подстановки в эту конструкцию прилагательного, обозначающего типичное значение признака, т. е. смысл 'типичный', 'ожидаемый' с помощью *для*-конструкции не выражается: *Жаркая для Прибалтики погода* – **Прохладная для Прибалтики погода*. Если для данной местности типична жаркая погода, то *жаркая для* все равно будет иметь значение 'жарче обычной' – т. е. все равно 'нетипичная, отклоняющаяся от нормы', и это значение должно быть поддержано контекстом: **Жаркая для Италии погода* – *Жаркая даже для Италии погода*; *Холодная даже для Заполярья зима* и т. п., ср. также ¹*неграмотная для двоечника работа*, ²*низкие для кризисного года продажи*, ³*шумная для центра улица* и т. д. – такие высказывания могут быть уместны для мира с противоположными свойствами, где двоечники пишут грамотные работы, а в центре города находятся самые тихие улицы.

Таким образом, *для*-конструкция имеет довольно сложную и в чем-то парадоксальную семантическую структуру:

(1) она релятивизирует признак и ограничивает его «сферу действия»: *грамотная для двоечника* означает, что в абсолютном смысле эта работа не грамотная, т. е. ее можно назвать грамотной только с оговорками;

(2) она сообщает о нетипичности признака, о нетипичном значении параметра для данного объекта;

(3) она имплицитно подразумевает противоположный признак, который типичен для заданного объекта или класса объектов.

В позиции *для Род* могут стоять существительные с разной семантикой: пространство (*жаркий для Прибалтики день*), время (*большие для кризисного года продажи*), социальное пространство (*жесткие для начальной школы требования*), существительное, обозначающее лицо по признаку (*грамотная для двоечника работа*, *слабый для рекордсмена результат*, *щедрый для скряги чаевые*), и даже собственное имя или местоимение: *грамотная для Сидорова работа*; *Он получил 75 баллов из 100 – неплохой для него результат* (при условии, что он обычно получает 50–60 баллов из 100). Однако чем бы ни выражался эталон, семантически нетипичное значение признака всегда сравнивается с типичным, а существительные метонимически замещают это значение, которое вычисляется адресатом. Если же мы будем рассматривать группы *для него*, *для двоечника*, *для Прибалтики* не как замещение признака, а в собственном качестве, т. е. буквально, то получится актантная (и в данном случае абсурдная) интерпретация, например: *жаркий для Прибалтики день* = **Прибалтике жарко* (ср. нормальную актантную конструкцию: *вредный для гипертоника климат* – 'гипертонику вредно жить в таком климате').

3. Актантная конструкция

У некоторых существительных, как уже было сказано, *для Род* выражает валентность. Чаще всего эта валентность заполняется существительными со значением лица или местоимениями с референцией к лицу: *обидный для него*, но у некоторых прилагательных она может заполняться и неодушевленными существительными, ср. *вредный/полезный для здоровья*, *для прогресса*, *для экономики*. Во всех случаях референт *для Род* – это участник ситуации, выражаемой прилагательным.

Конкретная семантическая роль этого участника в ситуации зависит от семантического класса прилагательного. Можно выделить несколько таких классов:

– для *Род* – экспериенцер:

собственно экспериенциальные (некаузативные) прилагательные разных подклассов: ментальные – *понятный для нас вопрос* – ‘нам понятно’, ‘мы понимаем’, перцептивные – *сказал с заметным для гостей волнением...* – ‘гости заметили волнение’; модальные – *нужное для него инструменты* – ‘ему нужны эти инструменты’.

экспериенциально-каузативные:

человек-экспериенцер переживает состояние, каузированное внешней ситуацией: *больной/болезненный, досадный, обидный, огорчительный, скучный, тревожный, тягостный, унижительный*, ср.: *больной/болезненный для пациента укол* – пациенту больно. Каузированные состояния человека могут быть разными – физиологическими (*больно*), эмоциональными (*огорчительно*), ментально-психологическими (*скучно, интересно*);

– для *Род* – бенефактив/малефактив: *благоприятный, вредный, опасный, полезный*;

– для *Род* – пациенс; каузативные прилагательные: *благотворный, губительный, губительный, разорительный, смертельный, спасительный, токсичный, хлопотный, целебный, ядовитый*, ср.: *смертельный для животного яд* – вызывает смерть; *разорительные для компании штрафы* – разоряют компанию.

Возникает вопрос: может ли прилагательное с валентностью, выражаемой группой для *Род*, участвовать в компаративной для-конструкции?

Теоретически компаративная для-конструкция, т. е. аналог «настоящего» компара-

тива, может быть построена для любого качественного прилагательного, коль скоро у него есть компаратив. Но практически бывает по-разному.

У некоторых прилагательных форма для *Род* всегда интерпретируется актантно: *Желательный для нас исход*; *Понятная для меня фраза*. Компаративные конструкции для таких прилагательных можно придумать, но они кажутся искусственными и практически не употребляются: *‘Понятная для такого запутанного текста фраза* – менее запутанная, понятнее других (ср. приемлемый вариант: *Единственная понятная в этом запутанном тексте фраза*).

В других случаях компаративная конструкция существует наряду с актантной, ср.: *Эту скучную для детей книгу взрослые прочитают с удовольствием* – актантная конструкция (детям скучно) vs. *В этой скучной для сатирика книге он рассуждает о глобальных проблемах* – компаративная конструкция: для сатирика типична смешная книга. При этом семантическая валентность *скучного* сохраняется: ‘скучная для читателей книга’, ‘читателю скучно’, но при наличии компаративного для *Род* она не может быть выражена синтаксически. Ср. также:

Тревожные для нас известия = нам тревожно, известия нас тревожат (актантная конструкция) vs. *Тревожные для такого благополучного предприятия показатели* = ‘хуже, чем обычно, хуже, чем должны быть’ (компаративная конструкция);

Дело получило неожиданный для брата исход = ‘брат не ожидал’ vs. *Сестра вступилась за брата с неожиданной для нее храбростью* = не ‘сестра не ожидала’, а ‘наблюдатель не ожидал от нее проявления храбрости; она вела себя более храбро, чем обычно’ (вторая интерпретация здесь тоже возможна: ‘сестра

сама от себя не ожидала такой храбрости' – но тогда это актантная конструкция);

Неубедительные для нас доводы = доводы нас не убедили *vs.* *Неубедительные для такого опытного адвоката аргументы* – странно, что такой опытный адвокат приводит неубедительные для слушателей аргументы;

Разрушительные для экономики последствия – разрушают экономику *vs.* *Разрушительный для такого маленького заряда эффект* – для маленького заряда необычно большой.

Безопасный для нас участок фронта – мы в безопасности *vs.* *Безопасный для прифронтовой полосы участок* – сравнительно безопасный, безопаснее других участков в прифронтовой полосе.

4. Заключение

Итак, конструкция *для Род* выполняет примерно такую же функцию у прилагательных, как родительный присубстантивный у существительных. У существительных формой родительного падежа выражаются и валентности (субъект – *приезд писателя*; объект – *строительство дома*; бенефактив – *помощник депутата*; посессор – *гнездо глухаря*, обладаемое – *хозяин собаки*), и другие типы распространителей – с атрибутивными и обстоятельственным значениями (*роман Толстого*; *события августа*; *соборы Рима*; *время надежд*; *взгляд мегеры*). У прилагательных *для Род* тоже может быть как валентностью, так и элементом конструкции. При этом наличие семантической валентности не препятствует участию прилагательного в компаративной конструкции, хотя компаративная конструкция блокирует синтаксическое выражение валентности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гращенков П. В.** Насколько универсальна адъективная категория, или Куда же ушли прилагательные? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – 2000. – Т. 1: Теоретические проблемы. – С. 53–60.
2. **Givon T.** On understanding grammar. – New York: Academ Press, 1979. – 492 p.
3. **Hopper P. J., Thompson S.** The discourse basis for lexical categories in Universal grammar // Language. – 1984. – vol. 60, no. 4. – P. 703–752.
4. **Wierzbicka A.** What's in a Noun (Or: How do nouns differ in meaning from adjectives?) // Studies in Language. – 1986. – vol. 10, no. 2. – P. 353–389.
5. **Богуславский И. М.** Исследования по синтаксической семантике. – М.: Наука, 1985. – 169 с.
6. **Богуславский И. М.** Сфера действия лексических единиц. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 466 с.
7. **Goldberg A. E.** Constructions: A Construction Grammar approach to argument structure. – Chicago and London: The Univ. of Chicago Press, 1995. – 271 p.
8. **Goldberg A. E.** Constructions at work: The nature of generalization in language. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 516 p.
9. **Goldberg A. E.** Explanation and constructions // Mind and Language. – 2013. – Vol. 28, No. 4. – P. 479–491.
10. **Croft W., Cruse D. A.** Cognitivelinguistics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 356 p.

11. **Langacker R. W.** Foundations of cognitive grammar. Vol. 1, Theoretical prerequisites. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1987. – 280 p.
12. **Рахилина Е. В.** Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
13. **Апресян Ю. Д.** Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – 2-е изд. – М.: Языки русской культуры; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.
14. **Кустова Г. И.** Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М.: Языки славянской культуры, 2004 – 472 с.
15. **Kiefer F.** Zur Rolle der Pragmatik in der linguistischen Beschreibung // Die Neueren Sprachen. – 1978. – Heft 3 / 4. – S. 254–268.

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.14](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.14)

Galina Ivanovna Kustova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Leading Research Scientist Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Russian Language, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-9404-081X>

E-mail: galinak03@gmail.com

ADJECTIVE CONSTRUCTIONS WITH COMPONENT “FOR GEN”

Abstract

The article deals with two kinds of adjective constructions with the same structures (A for Gen S), but different semantics – argument construction and comparative construction. The meaning of comparative construction: feature is atypical for a given object or class of objects: *zharkiy dlya oseni den'* ('hot day for autumn'). Comparative construction has implication: the opposite feature is typical. In argument construction *dlya Rod* ('for Gen') is argument, i.e. participant of the situation, denoted by adjective: *neozhidanny dlya nas rezul'tat* ('unexpected result for us'). Many adjectives have both constructions: *neubeditelnye dlya nas dovody* ('unconvincing arguments for us') – argument construction, *dlya nas* – participant of the situation; *neubeditelnye dovody dlya takogo opytnogo advokata* ('unconvincing arguments for such an experienced lawyer') – comparative construction. Dlya-construction is universal construction for adjectives (cf. Genitive for nouns). Dlya-construction expresses a wide set of meanings.

Keywords

Adjective, valency, construction, comparative semantics

REFERENCES

1. Grashchenkov P. V. Is adjectival category universal? *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. 2000, vol. 1, pp. 53–60. (In Russian)
2. Givon T. *On understanding grammar*. New York, Academ Press Publ., 1979, 472 p.
3. Hopper P. J., Thompson S. The discourse basis for lexical categories in Universal grammar. *Language*. 1984, vol. 60, no. 4, pp. 703–752.
4. Wierzbicka A. What's in a Noun (Or: How do nouns differ in meaning from adjectives?) *Studies in Language*. 1986, vol. 10, no. 2, pp. 353–389.
5. Boguslavsky I. M. *Research on the syntactic semantics*. Moscow, Nauka Publ., 1985, 169 p. (In Russian)
6. Boguslavsky I. M. *The Scope of lexical units*. Moscow, Languages of Russian culture Publ., 1996, 466 p. (In Russian)
7. Goldberg A. E. *Constructions: A Construction Grammar approach to argument structure*. Chicago and London, The Univ. of Chicago Press Publ., 1995, 271 p.
8. Goldberg A. E. *Constructions at work: The nature of generalization in language*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2006, 516 p.
9. Goldberg A. E. Explanation and constructions. *Mind and Language*. 2013, vol. 28, no. 4, pp. 479–491.

10. Croft W., Cruse D. A. *Cognitivelinguistics*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2004, 356 p.
11. Langacker R. W. *Foundations of cognitive grammar. Vol. 1, Theoretical prerequisites*. Stanford, CA, Stanford University Press Publ., 1987, 280 p.
12. Rakhilina E. V. *Cognitive analysis of concrete nouns: semantics and compatibility*. Moscow, Russian dictionaries Publ., 2000, 416 p. (In Russian)
13. Apresjan Yu. D. *Lexical semantics*. 2nd ed. Moscow, Languages of Russian culture Publ., 1995, 462 p. (In Russian)
14. Kustova G. I. *Types of derived meanings and mechanisms of language extension*. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2004, 472 p. (In Russian)
15. Kiefer F. Zur Rolle der Pragmatik in der linguistischen Beschreibung. *Die Neueren Sprachen*, 1978, vol. 3-4, pp. 254–268.

© М. А. Лаппо

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.15](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.15)

УДК 81.374 + 81'42

СТРУКТУРА ПРАГМАТИЧЕСКОГО МАКРОКОМПОНЕНТА ЗНАЧЕНИЯ (на материале группы слов, обозначающих национальность)*

М. А. Лаппо (Новосибирск, Россия)

Статья развивает положения интегральной теории лексического значения, ряда исследований, посвященных структуре прагматического макрокомпонента (Ю. Д. Апресяна, Г. Н. Скляревской, В. Н. Телия, Е. Ю. Булыгиной, Т. А. Трипольской и др.). Для выявления структуры прагматического макрокомпонента этнонимов был использован комплекс методов: сравнение лексикографических стратегий разновременных словарей и изучение Национального корпуса русского языка. К исследованию привлечены «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935–1940 гг.), «Словарь современного русского литературного языка» под редакцией В. И. Чернышёва (1948–1965 гг.), «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (1981–1984 гг.), разновременные энциклопедические словари и около 2 000 контекстов корпуса.

Цель статьи – описать структуру прагматического компонента этнонимов, способы фиксации данной семантики в толковом словаре (в динамическом аспекте) и реализации в современном русскоязычном дискурсе. Установлено, во-первых, что отечественный традиционный словарь представляет этноним как нейтральную лексему в зоне толкования, а в некоторых случаях в зоне иллюстрации использует прагматически маркированный контекст. Идеологический микрокомпонент чаще всего выявляется при сопоставлении разновременных словарей друг с другом. Во-вторых, в структуру прагматического макрокомпонента номинаций по национальному признаку входят идеологический и оценочный микрокомпоненты значения. В свою очередь, идеологический микрокомпонент включает в себя компоненты близость, дальность, инаковость, враждебность, а оценочный – опасность/неопасность, развитый/неразвитый народ, что определяет его положение на шкале престижности, полезности и/или принятия – своеобразном рейтинге наций. Компонент «уровень развитости народа» подкрепляется набором частных оценок (этических и рациональных), представляющих собой национальные стереотипы.

Ключевые слова: лексикография, словарь активного типа, этнос, нация, народ, народность, прагматика, семантика, идеологический компонент значения, оценка.

*Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты» (грант РГНФ № 15-04-00122) и проекта «Конфликтный текст в зеркале лингвистического экспертирования: оскорбление, унижение чести и достоинства, порочащая информация в публичной коммуникации региона» (грант РГНФ № 15-14-54001)

Лаппо Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: lama2046@yandex.ru

Необходимость изучения прагматического макрокомпонента значения языковых единиц определяется как развитием теории лексического значения в современной лингвистике, так и развитием теории лексикографии, типологии словарей, структуры и объема словарной статьи. Как известно, в основу словарей активного типа была положена идея отображения прагматической информации о лексеме: способах её употребления в прагматически значимых контекстах. Так, А. Рей и С. Делесаль [1] отмечают, что «словарь начинает жить с того момента, когда он обращается не к значению слов, а к их действию»¹. По Г. Н. Скляревской, учет в словаре прагматического аспекта сосредоточивает внимание «на тех компонентах смысла, которые демонстрируют условия и формы функционирования слова в типовых актах речи», а «выделение этих компонентов в качестве специального объекта лексикографического описания позволит дать более полное и адекватное языковой действительности представление о содержании лексического значения и его структуре» [2, с. 70]. Однако сами вопросы о соотношении семантики и прагматики лексических единиц, о структуре и объеме лексического значения остаются спорными, не до конца решенными в лингвистике.

К примеру, традиционно коннотации лексем, как «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [3, с. 189], не включаются в структуру лексического значения слова. Согласно другому представлению, коннотации являются центром прагматической

информации, хотя и не исчерпывают ее полностью. В. Н. Телия под коннотацией понимает «любой прагматически ориентированный компонент плана содержания языковых сущностей <...> который дополняет денотативное и грамматическое их содержание на основе сведений, соотносимых с прагматическими факторами разного рода»: с ассоциативно-фоновым знанием говорящих, с их оценочным отношением к обозначаемому, со стилистическими регистрами, характеризующими, помимо прочего, социальные отношения участников коммуникативного акта и др. [4, с. 107].

В данной работе будем придерживаться интегрального подхода к лексическому значению, поскольку, как говорит Г. Н. Скляревская, «идея вычленения прагматического компонента могла возникнуть и существовать только при интегральном понимании лексического значения – как бесконечно сложной, избыточной структуры, включающей в себя не только понятийное содержание, но и весь запас лингвистических и экстралингвистических сведений, ассоциаций, смутных, как будто априорных представлений² и всех «добавочных» смыслов, называемых коннотациями» [2, с. 64].

Более того, прагматические компоненты – не только полноправные элементы смысла, но и в некоторых случаях приобретающие даже больший вес, чем понятийное содержание. Нельзя не согласиться с М. Я. Дымарским в том, что прагматика – это особый тип семантики, когда семантика акцентирует внимание на фигуре говорящего, а прагматика – фигуре слушающего [5]. При этом традиционно работы по прагматике посвящены прагматике

¹ Рей А., Делесаль С. Проблемы и антиномии лексикографии / пер. с фр. И. Ю. Доброхотовой // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 14. Проблемы и методы лексикографии: сб. статей / под ред. Т. С. Зевахиной, Б. Ю. Городецкого – М.: Прогресс, 1983. – С. 263.

² Эти «априорные», устоявшиеся, бесспорные представления о референте, по-видимому, являются не чем иным, как **стереотипами**.

слушающего (например, [6]), и только малая часть из них – прагматике говорящего (например, [7]). М. Я. Дымарский, используя категории скалярных и векторных различий, описывает семантику как «чистый» смысл, а прагматику – как векторную семантику, т. е. содержащую импликации говорящих и инференции слушающих. В этом случае словарь активного типа должен обязательно представлять не только денотативное ядро лексемы, но и периферию ядра и типичные прагматические компоненты, имеющие отношение к правильной интерпретации высказывания. Иначе говоря, фиксация прагматически значимой информации необходима в той степени, в которой существующие стереотипы определяют использование языкового знака.

Необходимо отметить, что непроходимой границы между традиционным словарем и словарем активного типа нет, т. к. любой словарь эксплицитно или имплицитно фиксирует прагматически значимую информацию, занимая позицию идеолога, пропагандиста своего времени (см. об этом в работах L. Zgusta [8], A. Wierzbicka [9], Г. Н. Складневской [2; 10], М. Ю. Дымарского³, Е. Ю. Булыгиной и Т. А. Трипольской [11–13] и др.). Это обусловлено рядом причин. Во-первых, лингвистический словарь, как правило, опирается на энциклопедический, т. е. на знания, представленные наукой в определенный момент. Научные знания носят динамический характер, причем представления и взгляды на тот или

иной фрагмент действительности, особенно в социогуманитарной сфере (история, языкознание, социология, философия, психология), весьма чувствительны к идеологии социума, в котором они развиваются и распространяются. Во-вторых, существуют определенные тенденции в описании того или иного разряда языковых единиц в лексикографии того или иного периода, в концепции того или иного словаря.

Исходя из вышесказанного, методом для выявления идеологического микрокомпонента⁴ значения оказывается сравнительный анализ словарных статей в словарях разных временных периодов. Проанализируем, как работает данный метод для тематической группы слов, обозначающих лицо по национальной принадлежности, или этнонимов, при отображении семантической и прагматически релевантной информации в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (далее – ТСУ)⁵ и «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (далее – МАС)⁶. Сравним основные части словарных статей – заглавное слово, объем дефиниции, опорное слово в дефиниции, иллюстративный материал и пометы – в аспекте фиксации в них прагматических компонентов.

Заглавное слово

И в ТСУ, и в МАС заглавное слово, обозначающее национальность, дается в форме множественного числа (*армяне, буряты, грузины, евреи* и т. д.). В ТСУ помимо общего названия, имеются слова, обозначающие лица

³ Дымарский М. Ю. Словарь как орудие манипуляции общественным сознанием // Проблемы русской лексикографии. Шестые Шмелевские чтения: тез. докл. междунар. конф. 24–26 февраля 2004 г. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004. С. 31–34.

⁴ Идеологическим компонентом прагматики Г. Н. Складневская называет компонент, «основанный не на всеобщих и вечных представлениях о

мире, а на искаженных, смешанных – на знаниях и истинах, навязанных, внушенных и пропагандируемых в конкретном социуме» [2, с. 68].

⁵ Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940.

⁶ Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

женского пола по национальному признаку (*белоруска, еврейка, немка, таджичка, тувинка, украинка* и т. д.). С одной стороны, это не противоречит положению дел в русском языке: действительно, лексема *армяне* является формой множественного числа слова *армянин*, а слово *армянка* – производным от слова *армянин*. С другой стороны, в таком случае получается, что будто бы к *народу, населяющему Армению*, армянки не относятся. МАС

оказывается более демократичным в области гендерной политики, поскольку в нем единицы *армянин* и *армянка* включаются в словарную статью «армяне», что, однако, затемняет словообразовательную производность и несколько искажает традиционную интерпретацию данных лексем как разных слов, а не форм слова *армяне* (табл. 1.).

Таблица 1

Заглавные слова в подаче этнонимов в ТСУ и МАС

Table 1

The headword in the supply of ethnonyms

Лексема	ТСУ	МАС
АРМЯ'НЕ	АРМЯ'НЕ , ян, ед. яни́н, а, м. Народ, населяющий Армению. АРМЯ'НКА , и. Женск. к армянин (см. <i>армяне</i>)	АРМЯ́НЕ , -мя́н, мн. (ед. армяни́н , -а, м.; армя́нка , -и, мн. армя́нки, -нок, -нкам, ж.). Нация, основное население Армянской ССР, а также лица, относящиеся к этой нации

Возможно, что данным образом и в ТСУ, и в МАС решалась проблема экономии места. В «Словаре современного литературного языка» (далее – БАС)⁷, где такой проблемы нет, даются все три лексемы как самостоятельные единицы языка: слово со значением мужского пола по национальному признаку (*армянин, китаец, турок*), слово со значением женского пола по национальному признаку (*армянка, китаянка, турчанка*), общее наименование национальности (*армяне, китайцы, турки*).

Объем дефиниции

ТСУ отразил представление советской идеологии о том, что национальность тесно связана с местом проживания народа, хотя практика показывает, что это далеко не так. В МАС фиксируется динамика данного представления путем обязательного дополнения в

зону толкования элемента «а также лица, относящиеся к этой нации/к этому народу». Мы видим, что денотативный компонент расширяется, фиксируется факт возможных миграций, однако идеологический акцент при этом не ослабевает. Для сравнения приведем в пример толкование из «Словаря современного английского языка»⁸:

CHINESE. *A person* from China.POLE. *A person* from Poland.GERMAN. *A person* from Germany.

Такая подача семантики этнонимов демонстрирует существующее западноевропейское понимание национальности и происхождения человека по национальному признаку как отношения к государству. В целом, тем не менее, МАС более лоялен к национальной принадлежности. Ср. толкования ТСУ и МАС (табл. 2).

⁷ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В. И. Чернышёва. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

⁸ Словарь современного английского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1992.

Таблица 2

Объем дефиниций этнонимов в ТСУ и МАС

Table 2

Scope of definitions of ethnonyms

Лексема	ТСУ	МАС
АРМЯ'НЕ	Народ, населяющий Армению	Нация, основное население Армянской ССР, а также лица, относящиеся к этой нации
БУРЯ'ТЫ	Одна из монгольских народностей в Сибири	Нация, коренное население Бурятской АССР, а также лица, относящиеся к этой нации
БЕЛОРУ'СЫ	Одна из восточнославянских народностей, населяющая территорию между средним Поднепровьем и верхним Неманом	Нация, основное население Белорусской ССР, а также лица, относящиеся к этой нации
КИТА'ЙЦЫ	Народ, населяющий Китай	Нация, основное население Китая, а также лица, относящиеся к этой нации
ЧЕ'ХИ	Западнославянский народ, составляющий основное население Чехии (Богемии) и Моравии	Нация, составляющая вместе со словаками основное население Чехословакии, а также лица, относящиеся к этой нации

В дефинировании лексем *евреи*, *немцы* и *цыгане* наблюдаются некоторые отличия от указанных выше стратегий. В ТСУ отсутствует указание на конкретное место, в котором проживает народ (*евреи*, *немцы*). В отношении евреев и цыган (но не немцев) это можно объяснить объективными причинами, а именно характером распространения представителей указанных народов и длительным отсутствием закрепленной страны проживания (у евреев). Описание в ТСУ *немцев* вызывает вопросы (Какие именно национальности образуют немцы?). Указание в МАС на то, что евреи *сейчас живут в различных странах общей жизнью с основным населением этих стран*, также неоднозначно (А другие немногочисленные народы не живут общей жизнью с основным населением различных стран?).

Кроме того, неизвестно, почему в толковых словарях отсутствует упоминание о Еврейской автономной области, которая была образована в 1934 году. Несмотря на то, что Израиль обрел независимость в 1948 году, в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н. Ю. Шведовой⁹ это было отражено лишь в 2008 году:

ЕВРЕИ. Народ, исторически восходящий к древним семитским племенам (древним евреям), *сейчас живущий в Израиле* и многих других странах.

Дефиниции *цыган* как в ТСУ, так и в МАС не дают представления о данном народе (что значит их индийское происхождение?) (табл. 3).

⁹ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Ин-т русского

языка им. В. В. Виноградова; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2008.

Таблица 3

«Особые» этнонимы в ТСУ и МАС

Table 3

Special ethnonyms

Лексема	ТСУ	МАС
ЕВРЕИ	Одна из народностей семитического племени	Общее этническое название народностей, исторически восходящих к одному из древних народов семитской языковой группы (древним евреям), сейчас живущих в различных странах общей жизнью с основным населением этих стран, а также лица, относящиеся к этим народностям
НЕМЦЫ	Люди, говорящие на немецком языке, но образующие разные национальности, различающиеся между собой по территории, на которой они живут, по условиям экономической жизни, по психическому складу, а также по культуре	Основное население Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии, а также представители этого населения
ЦЫГАНЕ	Народность индийского происхождения, живущая кочевыми и полукочевыми группами в Европе, Азии и Африке	Народ индийского происхождения, живущий в разных странах мира, а также лица, относящиеся к этому народу

Сравнение с толкованиями «Словаря современного английского языка» дает основание считать, что в мировом сообществе существует особое отношение к лицам еврейской и цыганской национальности в силу их сложной и специфической идентификации, особое же отношение к немцам существовало только в СССР. Ср.:

GIPSY. A member of a dark-haired race which may be of Indian origin. They often live and travel covered carts (CARAVANS), earning money as horse traders, basket makers, FORTUNE-TELLERS, etc.¹⁰

JEW. A member of a people, whose religion is Judaism, who lived in ancient times in the land of Israel, some of whom now live in the modern state of Israel and others in various countries throughout the world.

Опорное слово в дефиниции

При определении идеологического микрокомпонента в словарях советского периода можно обращать внимание на центральное понятие в дефиниции, а именно на то, какое слово выбрано для толкования – *племя, народность, народ, нация*. Поскольку в советской науке термин *народность* употреблялся «для

¹⁰ Ср. с толкованием в словаре «Oxford Advanced Learner's Dictionary»: «GIPSY. A member of a race of people, originally from Asia, who traditionally travel around and live in caravans. Many people prefer to use

the name Roma or Romani» (<http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/gypsy?q=gypsy>). Разница заключается в количестве сведений-стереотипов и месте происхождения (Индия или Азия).

обозначения типа этноса, занимающего промежуточное положение между племенем (или союзом племен) и нацией»¹¹, использование слов *народность*, *народ* (а не *нация*) маркирует более низкий статус данного этноса в аспекте его развития.

Несмотря на то, что в ТСУ отождествлялись лексемы *нация*, *народ* и *народность*¹², в

данном словаре существует тенденция называть малые народы словом «народность», а большие – «народом» (табл. 2, 3). В МАС, как в более позднем словаре (по сравнению с ТСУ), не повышается статус евреев и немцев (табл. 3), но повышается статус мордвы и белорусов (табл. 4).

Таблица 4

Статус народа (уровень развития этноса) в ТСУ и МАС

Table 4

The status of the people (the level of ethnic group)

Лексема	ТСУ	МАС
МОРДВА'	Финская <i>народность</i> , живущая в Мордовской АССР, а также (среди других народностей) в Среднем Поволжье	<i>Нация</i> , коренное население Мордовской АССР, а также лица, относящиеся к этой нации
НЕ'НЦЫ	Северная <i>народность</i> , живущая в Ненецком, Ямальском и Таймырском округах (прежнее название – самоеды)	<i>Народ</i> , населяющий Север СССР от Кольского полуострова до Енисея, а также лица, относящиеся к этому народу
БЕЛОРУ'СЫ	Одна из восточнославянских <i>народностей</i> , населяющая территорию между средним Поднепровьем и верхним Неманом	<i>Нация</i> , основное население Белорусской ССР, а также лица, относящиеся к этой нации
УКРА'И'НЦЫ	Славянский <i>народ</i> , составляющий основное население Украинской Советской Социалистической Республики	<i>Нация</i> , основное население Украинской ССР, а также лица, относящиеся к этой нации

Иллюстративный материал и пометы

В целом, все словари проявляют осторожность в использовании иллюстративного материала в словарных статьях, толкующих лексическое значение этнонимов. Лексико-

графы МАС, будто опасаясь затронуть национальные чувства¹³, отказываются от приведения контекстов, в которых используются слова, обозначающие национальности, и лишь для некоторых из них делают исключения (табл. 5).

¹¹ Новая российская энциклопедия: в 12 т. / Гл. ред. В. И. Данилов-Данильян, А. Д. Некипелов. – М.: Изд-во «Энциклопедия», 2013.

¹² **НАРО'ДНОСТЬ**, и, ж. (книжн.). **1.** То же, что *народ* во 2 знач. **НАРО'Д**, а, м. **2.** То же, что *нация*, национальность (ТСУ).

¹³ Религиозные чувства, напротив, в словарях советского периода попирались довольно легко (см. об этом в [12]).

Иллюстративный материал для этнонимов в ТСУ и МАС

Illustrative material for ethnonyms

Лексема	ТСУ	МАС
НЕ'МЦЫ	<i>Швейцарские н., австрийские н., германские н. – различны. Совсем отличны от них н. Поволжья – граждане Советской страны</i>	Нет
ТУР'КИ	<i>Война (для Кирджали) представляла случай обогатиться на счет турков. Пушкин</i>	Нет
ЧЕЧЕ'НЦЫ	<i>Не спи, казак: во тьме ночной чеченец ходит за рекой. Пушкин. Чечен ползет на берег, точит свой кинжал. Лермонтов</i>	Нет
ЦЫГА'НЕ	<i>Цыганы шумною толпой по Бессарабии кочают. Пушкин</i>	<i>Прошло два лета. Так же бродят Цыганы мирною толпой; Везде по-прежнему находят Гостеприимство и покой. Пушкин, Цыганы. Цыгане стали редко бродить: большей частью они живут в тех местах, где приписаны, и только иногда, отдавая дань своей вековой привычке, выбирают куда-нибудь на выгон, натягивают законченное полотно и живут целыми семьями. Гаршин, Медведи</i>

В БАС, как правило, имеются иллюстрации для всех лексем во всех лексико-семантических вариантах. Чаще всего иллюстрации представляют собой сконструированные словосочетания с прилагательными, образованными от этнонима-существительного. Например:

Армянский, прил. *Армянский язык. Армянская литература. Армянское искусство.*

Белорусский, прил. *Белорусский язык. Белорусская литература.*

Бурятский, прил. *Бурятский язык.*

В других случаях, когда подбираются фрагменты из художественной литературы, иллюстративная зона практически не избегает нейтральных контекстов. Например:

(1) *Митенька, восемнадцатилетний паренек, писал из военной школы, что учится*

бить немцев и скоро пойдет на фронт. Ажаев, Далеко от Москвы. На рынке долго задерживаться было небезопасно. Немцы почти каждый день устраивали облавы. Катаев, Отче наш.

(2) *Сей ночи будем брать в полон Царьград с турецким султаном. А встретятся молоденькие туркины – тоже хватай в нашу сечу. Шишк. Ем. Пугачев.*

(3) Еврейский, ая, ое. *Еврейский вопрос стоит именно так: ассимиляция или обособленность? – и идея еврейской национальности носит явно реакционный характер не только у последовательных сторонников ее (сионистов), но и у тех, кто пытается совместить ее с идеями социал-демократов (бундовцы). Ленин, Положение Бунда в партии.*

(4) *Во времена стародавние, где теперь стоит Нижний Новгород, жил знатный, сильный мордвин, по имени Скворец.* Печер. Оч. мордвы.

(5) *Издравле та сторона была крыта лясами дремучими, сидели в них мордва, черемисы, болгары.* Печер. На Горах.

(6) *В далекой Сибири, в самом центре Азии, у истоков Енисея, лежит страна тувинцев – народа, родственного хакасам и якутам.* Н. Михайл. Над картой Родины.

В контекстах (1), (2) актуализируется идеологический микрокомпонент 'враги', фрагмент (3) указывает на опасность и, как следствие, необходимость ассимиляции народа, в (4) контексте даются положительные коннотации, в (5) и (6) обозначается неразвитость и географическая удаленность от центра.

Пометы для нейтральных этнонимов в словарях обычно не используются. В словарных статьях, толкующих стилистически маркированные номинации, пометы, напротив, могут быть, причем не только стилистические, но и прагматические идеологические. См. фрагмент статьи слова *желтый* в ТСУ, в котором передается идея «чужого», того, что «так не говорят и не считают носители русского языка»:

Желтая опасность (книжн. газет. дореволюц.) – угроза европейской культуре со стороны желтой расы (выражение империалистической идеологии европейцев).

Очевидно, что в помете или специальном комментарии в скобках, как правило, маркируется «чужое», поскольку именно оно требует пояснения. «Свое» же, как нормальное в системе представлений, в особом комментарии не нуждается.

Следует отметить, что политизированность информации, связанной с национальным вопросом, особенно ярко прослеживается в энциклопедических словарях советского периода¹⁴. Так, в «Большой советской энциклопедии»¹⁵ в статье «нация» говорится: «Опираясь на марксистско-ленинскую теорию, можно предвидеть, что полная победа коммунизма во всем мире создаст условия для слияния наций и все люди будут принадлежать к **всемирному бесклассовому и безнациональному человечеству** (выделено нами. – М. Л.), имеющему единую экономику и единую по содержанию богатейшую и многообразную коммунистическую культуру»; в статье «немцы» указывается, что «в ГДР развивается **социалистическая немецкая нация**». Современные энциклопедические словари делают попытку деидеологизации: например, в «Краткой Российской энциклопедии» не дифференцируются категории *народ*, *народность* и *нация*, этносы любого типа, расы, численности называются *народом*¹⁶.

При создании словаря активного типа следует, как указывает Ю. Д. Апресян, использовать такие современные технологии,

¹⁴ Тематическая группа номинаций по этническим признакам была довольно поздно осмыслена как необходимая для фиксации в словаре. Впервые дефиниции этнонимов в русскоязычном лексикографическом дискурсе отмечаются лишь в «Настольном словаре для справок по всем отраслям знания» под ред. Ф. Толля (Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. Справочный энциклопедический лексикон, составляемый под редакцию

Ф. Толля, в 12 выпусках или 3 томах. СПб., 1863–1864.).

¹⁵ Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1969–1978.

¹⁶ Краткая Российская энциклопедия: в 3 т. М.: Большая Российская энциклопедия, Оникс 21 век, 2003.

как корпуса и лингвистический эксперимент¹⁷. Зарубежные лексикографы также отмечают данную тенденцию, более того, Р. Hanks утверждает, что современная лексикография управляется корпусом [14], D. Siermann описывает явление корпусной революции в лексикографии [15].

Анализ данных Национального корпуса русского языка¹⁸ подтверждает идею о том, что идеологический микрокомпонент чаще всего связывается с категорией «свое – чужое» [13]. Данная оппозиция, как показывает материал этнонимов, конкретизируется следующими семантическими компонентами:

1) *близость*: территориальная, самые близкие соседи, братский народ, историческая общность, генетическая общность, пророссийская ориентация и др.;

2) *дальность*: инородцы, экзотичное поведение, приезжие, близость к каким-либо другим народам и др.;

3) *инаковость*: малый народ, древний народ, иная религия, особый исторический путь, пережившие дискриминацию и др.;

4) *враждебность*: возможность экспансии, захватчики в недавнем прошлом, враги в далеком прошлом и др.

За редким исключением, идеологический микрокомпонент значения лексемы, называющей национальную принадлежность, сочетается с психологической эмоциональной оценкой (по Е. М. Вольф [16]) «опасный/неопасный». Компоненты близости, если они не сочетаются, в свою очередь, с семами ‘враждебность’ или ‘иная религия’, имеют положительную эмоциональную оценку «неопасно».

Все другие идеологические микрокомпоненты в той или иной степени передают идею «опасного».

Так, например, в следующем фрагменте актуализируются идеологические микрокомпоненты значения этнонимов *таджики* и *узбеки*: ‘приезжие’, ‘в большом количестве’, ‘гастарбайтеры’ и ‘враждебность’. Эмоциональная оценка ‘опасные’ связана не только с идеей враждебного поведения представителей указанных народов (*они могут зарезать за мобильник*), но и с их экспансией, активным трудоустройством, а также с возможным сексуальным посягательством (*она красивая славянская женщина, ей не нравится, как они на нее смотрят*):

Трудно придумать для русского народа более тяжкие оскорбления, чем перечисленные «патриотические» лозунги. Поскольку трудно более ясно подчеркнуть полное и абсолютное ничтожество, в которое впал народ, не способный, оказывается, адаптировать по миллиону киргизов, таджиков и узбеков. Но ведь самое ужасное, что да, народ действительно впал в ничтожество. «Не ходи в темноте по мосту, там таджики и киргизы, они могут зарезать за мобильник», – говорит моя подруга. Ей можно, она красивая славянская женщина, ей не нравится, как они на нее смотрят. К тому же они реально ей перешли дорогу: киргизам и таджикам в России проще устроиться на работу, чем гражданам Украины. На мосту и впрямь таджики и киргизы в большом количестве (Александр Храмчихин. Мигранты и патриоты // «Русская жизнь», 2012).

¹⁷ Апресян Ю. Д. О проекте активного словаря (АС) русского языка // Горизонты прикладной лингвистики и лингвистических технологий (Megaling'2008). Доклады международной научной конференции. Партенит, Украина. 24–28 сентября

2008 г. Симферополь: Изд-во «ДиАйПи», 2008. С. 24.

¹⁸ (<http://www.ruscorpora.ru>); в ходе пилотного проекта было проанализировано около 2 000 текстовых фрагментов с лексемами, называющими лицо по национальной принадлежности.

Оценочный микрокомпонент, помимо семантики ‘опасное/неопасное’, включает в себя компонент ‘развитый/неразвитый народ’, что определяет его положение на шкале престижности, полезности и/или принятия – своеобразном рейтинге наций. Развитость или неразвитость народа тесно связана с набором частных оценок, которые приписываются ему носителями русского языка. Устойчивые частные оценки формируют национальные стереотипы, становясь фильтром для восприятия того или иного человека/группы людей.

Одна группа оценок носит положительный характер: *педантичные, крепкие, физически выносливые, терпеливые, имеют хорошую историческую память, работоспособные, добрые, искусные, имеют развитые технологии, имеют большое интеллектуальное наследие, развитую культуру*. Положительные оценки могут быть этическими (*добрые*), эстетическими (*красивые*), чаще всего используется рационалистическая оценка (*работоспособные, предприимчивые*).

Группа негативных оценок представлена этическими (*хитрые*) и нормативными оценками (*зависимые от алкоголя, травмированные*). Наконец, третья группа – амбивалентные оценки, зависящие от точки зрения (если «для нас» нечто – хорошо, то для них – плохо, и наоборот): *имеют историческую вину или прагматичные, предприимчивые*.

Например, в представленном ниже контексте из корпуса на первый план выдвигается рационалистическая оценка немцев как группы людей, производящих качественные, надежные товары (в данном случае дом). Место изделия или национальность производителя в национальном сознании русских оказывается гарантией качества, позитивная оценка распространяется на всех представителей народа, функционируя как стереотипное представление:

Как-то раз возил одну тётку. Квартира – под чертями... где-то в глуши на Рязанке. Дом-то сам хороший. Немцы после войны строили. Но в такой дыре – боже сохрани... Пока мы жарились в пробках, она всё прыгала от нетерпения, толковала, что ей именно там-то и нужно, что это большая удача – ну просто огромная... всё волновалась, не перепродадут ли квартирку кому другому, считала расходы на ремонт, даже мебель представляла [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001].

Итак, мы видим, что упоминание в первом случае этнонимов *таджики* и *узбеки*, а во втором – *немцы* оказывается средством воздействия на адресата, аргументом, осуществляющим речевой акт предупреждения (не ходить в темноте по мосту), или гарантии качества постройки.

Таким образом, что отечественный традиционный словарь представляет этноним как нейтральную лексику в зоне толкования, а в некоторых случаях дает прагматически маркированный контекст в зоне иллюстрации. В семантике данной группы лексем на первый план выходят идеологический и оценочный прагматические микрокомпоненты, тесно связанные друг с другом. Идеологический микрокомпонент чаще всего выявляется при сопоставлении разновременных словарей друг с другом. В действительности, любое наименование национальности имеет прагматический потенциал, поскольку находится в зоне потенциально конфликтной коммуникации, связанной с национальными, религиозными и геополитическими интересами людей.

Анализ значительного количества фрагментов, в которых используются слова-этнонимы, дает возможность представить соотношение компонентов прагматической зоны в семантике лексемы (или, иначе говоря, прагматики как векторной семантики для группы

слов, обозначающих лиц по национальности). Взаимодействие идеологического и оценочного микрокомпонентов прагматического ореола у данных лексем представлено двумя ключевыми моделями, а именно: 1) «вход» в прагматику этнонима через идеологический компонент приводит, как правило, к эмоциональной оценке народа как опасного/безопасного;

2) «вход» через этические, эстетические и рационалистические оценки располагает народ, нацию на некой воображаемой шкале престижности, который определяется уровнем тех или навыков, способностей, успешности, качества товаров, удобством их территории и т. п. Можно предположить, что прагматическая зона значения слов других тематических групп будет иметь иную структуру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Rey A., Delesalle S.** Problems and conflicts lexicographical // French language: dictionary, semantics, and culture. – 1979. – Vol. 43, no. 1. – Pp. 4–26. DOI: <http://dx.doi.org/10.3406/lfr.1979.6160>
2. **Скляревская Г. Н.** Прагматика и лексикография // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: к 60-летию члена-корреспондента РАН Ю. Н. Караулова / ред. Ю. С. Степанов, Е. А. Земская, А. М. Молдован. – М.: Институт русского языка РАН, 1995. – С. 63–71.
3. **Апресян Ю. Д.** Избранные труды. – Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
4. **Телия В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 288 с.
5. **Dymarsky M.** Syntax, Semantics, and Two Faces of Pragmatics // Język poza granicami języka 2. Semantyka a pragmatyka: Spór o pierwszeństwo / Ed. A. Kiklewicz. – T. I. Aspekty lingwistyczno-semiotyczne. – Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego Publ, 2011. – S. 81–95.
6. **Levinson S.** Pragmatics. – Cambridge: Cambridge University Press Publ., 1983. – 420 p.
7. **Норман Б. Ю.** Грамматика говорящего. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. – 229 с.
8. **Zgusta L.** Pragmatics, lexicography and dictionaries of English // Modern Language Journal. – 1988. – Vol. 7, Is. 3. – P. 243–253. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1467-971X.1988.tb00235.x>
9. **Wierzbicka A.** Dictionaries and Ideologies: Three Examples from Eastern Europe // Cultures, Ideologies, and the Dictionary Studies in Honor of Ladislav Zgusta / Ed. Braj B. Kachru and Henry Kahane. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1995. – P. 181–196.
10. **Скляревская Г. Н.** К вопросу о прагматической информации в толковом словаре: возможны ли прагматические пометы? // Лингвистическая прагматика в словаре. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 1997. – С. 6–13.
11. **Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А.** Способы лексикографирования прагматической информации в двуязычных словарях // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 6. – С. 51–59.
12. **Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А.** Деидеологизация словарного описания религиозного слова в русской лексикографической традиции // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14, № 2. – С. 61–67.
13. **Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А.** Язык городского пространства: словарь, карта, текст. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 240 с.

14. **Hanks P.** The Corpus Revolution in Lexicography // International Journal of Lexicography. – 2012. – № 25. – P. 398–436. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/ijl/ecs026>
15. **Siermann D.** Dictionaries and Spoken Language: A Corpus-Based Review of French Dictionaries // International Journal of Lexicography. – 2015. – № 28 (2). – P. 139–168. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/ijl/ecv006>
16. **Вольф Е. М.** Функциональная семантика оценки: монография. – 2-е изд., доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 261 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.15](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.15)

Marina Aleksandrovna Lappo, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Modern Russian Language and Methods of Its Teaching Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-4335-5181>

E-mail: lama2046@yandex.ru

THE STRUCTURE OF THE PRAGMATIC MACROCOMPONENT OF MEANING (with the main focus on words denoting nationality)

Abstract

The research under scrutiny develops the ideas of integral theory of lexical meaning and a number of studies on the structure of the pragmatic macrocomponent (Yu. D. Apresyan, G. N. Sklyarevskaya, V. N. Telia, E. Yu. Bulygina, T. A. Tripolskaya). In order to identify the structure of the pragmatic macrocomponent of ethnonyms a complex of methods was used: comparison of lexicographical dictionaries' strategies of different periods and study of the Russian National Corpus. The investigation involves "Dictionary of Russian language" edited by D. N. Ushakov (1935–1940), "Dictionary of Modern Russian literary language", edited by V. I. Chernysheva (1948–1965), "Dictionary of the Russian Language" edited by A. P. Evgeneva (1981–1984), dictionaries and encyclopedias of different periods of time and about 2,000 contexts from the Corpus.

The purpose of this article is to describe the structure of the pragmatic component of ethnonyms, the ways of fixing this semantics in dictionaries and realization in the modern Russian discourse. It is established, firstly, that academic Russian dictionaries present ethnonyms as neutral lexemes in the interpretation area, and in some cases in the illustration area a pragmatic context is applied. Ideological microcomponent is often revealed while comparing dictionaries of different time periods. Secondly, the structure of the pragmatic macrocomponent of nominations on the national basis includes estimating microcomponents and ideological values. In its turn, the ideological microcomponent includes such components as closeness, farness, alienness, hostility, and evaluation microcomponent includes such components as developed / undeveloped nation, which determines its position in the scale of prestige, usefulness and / or accepting – a kind of ranking of nations. The level of development is supported by a set of particular judgments (ethical and rational), representing national stereotypes.

Keywords

Lexicography, dictionary, ethnos, nation, people, nationality, pragmatics, semantics, ideological component of meaning, assessment.

REFERENCES

1. Rey A., Delesalle S. Problems and conflicts lexicographical. *French language: dictionary, semantics, and culture*, 1979, vol. 43, no 1, pp. 4–26. DOI: <http://dx.doi.org/10.3406/lfr.1979.6160>
2. Sklyarevskaya G. N. Pragmatics and lexicography. *Language – system. Language – text. Language – ability*. Eds. Yu. S. Stepanov, E. A. Zemskaya, A. M. Moldovan. Moscow, Institute of Russian of the RAS Publ., 1995, pp. 63–71. (In Russian)
3. Apresyan Yu. D. *Selected works, vol. II. Integral description of language and system lexicography*. Moscow, School "Languages of Russian culture" Publ., 1995, 767 p. (In Russian)

4. Teliya V. N. *Russian phraseology. Semantic, pragmatic, linguistic and cultural aspects*. Moscow, School "Languages of Russian culture" Publ., 1995, 288 p. (In Russian)
5. Dymarsky M. Syntax, Semantics, and Two Faces of Pragmatics. *Language beyond the Boundaries of Language 2. Semantics and Pragmatics: Dispute for Primacy. Vol. I. Linguistic and Semiotic Aspects*. Ed. A. Kiklewicz. Olsztyn, Centre for East European Studies at the Warmia-Mazury University, 2011, pp. 81–95.
6. Levinson S. *Pragmatics*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1983, 420 p.
7. Norman B. Y. *The Speaker's Grammar*. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 1994, 229 p. (In Russian)
8. Zgusta L. Pragmatics, lexicography and dictionaries of English. *Modern Language Journal*. 1988, vol. 7, is. 3, pp. 243–253. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1467-971X.1988.tb00235.x>
9. Wierzbicka A. Dictionaries and Ideologies: Three Examples from Eastern Europe. *Cultures, Ideologies, and the Dictionary Studies in Honor of Ladislav Zgusta*. Ed. Braj B. Kachru and Henry Kahane. Tübingen, Max Niemeyer Publ., 1995, pp. 181–196.
10. Sklyarevskaya G. N. On the question of pragmatic information in the Dictionary: are pragmatic litters? *Linguistic pragmatics in the dictionary*. St. Petersburg, Institute of Linguistic Studies Russian Academy of Sciences Publ., 1997, pp. 6–13. (In Russian)
11. Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A. Ways of lexicographic registration of pragmatic information in bilingual dictionaries. *Bulletin of the Tomsk State University. Philology*. 2014, no. 6, p. 51–59. (In Russian)
12. Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A. "De-ideoloization" of dictionary entries of religious words in traditional and modern russian lexicography. *Vestnik Novosibirsk State University, Series "History and Philology"*. 2015, vol. 14, no. 2, pp. 61–67. (In Russian)
13. Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A. *The language of urban space: dictionary, map, text*. Moscow, School "Languages of Russian culture", 2015, 240 p. (In Russian)
14. Hanks P. The Corpus Revolution in Lexicography. *International Journal of Lexicography*. 2012, no. 25 (4), pp. 398–436. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/ijl/ecs026>
15. Siepmann D. Dictionaries and Spoken Language: A Corpus-Based Review of French Dictionaries. *International Journal of Lexicography*. 2015, no. 28, pp. 139–168. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/ijl/ecv006>
16. Wolf E. M. *Functional semantics of an assessment*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002, 280 p. (In Russian)

© Н. П. Перфильева

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.16](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.16)

УДК 801.281

«НАДЕЖДА» КАК МОДУСНАЯ КАТЕГОРИЯ

Н. П. Перфильева (Новосибирск, Россия)

Цель статьи – аргументировать существование модусной категории «надежда» на фоне такой общепризнанной модусной категории, как достоверность. Статья содержит обзор российских и зарубежных работ по модусу и по категории достоверности в частности.

Исследование посвящено семантико-прагматическим характеристикам этой категории. В исследовании осуществляется полевой подход при описании языковых средств выражения модусной категории «надежда», выделяются вводные единицы я надеюсь / надеюсь как ядерные, а вводную единицу мы надеемся / надеемся и изъяснительные конструкции с контактным словом надеяться мы рассматриваем как периферийные. Кроме того, обосновывается, что синонимы слова надеяться не могут быть ядерными средствами по разным причинам.

Автор статьи приходит к следующим выводам: 1) несмотря на область пересечения достоверности и субъективного смысла «надежда» ('уверенность', 'сознание', 'возможность осуществления'), рассматриваемая модусная категория является более сложной и включает ещё и такие компоненты, как 'ожидание', 'будущее', 'радостное / хорошее / приятное', 'душа', 'эмоция', при этом сема 'будущее' не является обязательной; 2) модусная категория «надежда» выражает «желание, ожидание чего-нибудь радостного / приятного / хорошего, соединенное с уверенностью, что это может осуществиться в будущем или уже произошло». Исследуемый субъективный смысл высказывания, в отличие от достоверности, является необязательной семантической категорией, потому что говорящий выражает его не во всех случаях, но лишь в тех, в которых, с точки зрения говорящего, следует подчеркнуть значение желательности ожидаемого события.

Если рассматривать модусный смысл «надежда» в системе модусных категорий, то очевидной оказывается ее связь с категориями эмоциональности и достоверности.

Ключевые слова: модусная категория, надежда, достоверность, эмоциональность, ядерные средства выражения, полевой подход.

Перфильева Наталия Петровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: perfisha@rambler.ru

В последние десятилетия теория семантического синтаксиса, в том числе модус, несмотря на минимальную информацию о нем в вузовской учебной литературе,¹ вызывает большой интерес лингвистов. Так, активно исследуются понятия субъективной и объективной модальности [1–2], разные модусные категории и средства их языкового выражения [2, 4–5], соотношение модусных смыслов и вводно-модальных слов [6]. Особое внимание уделяется изучению семантики достоверности [7–9]. Так, J.-M. Kuczynski пишет о том, что типы значений, входящие в круг рассматриваемых в данной работе, в настоящее время находятся в центре внимания большого количества исследователей в разных странах. В частности, предпринимаются попытки разграничить собственно значения (*semantics*) и «до-семантические» смыслы (*presemantics*), причем последним приписывается определяющая роль не только в понимании высказывания, но и в оценке его как достоверного или недостоверного [8]. На фоне сформировавшихся представлений о модусе достоверности/недостоверности выявляются субмодусы проблематической модальности разного уровня достоверности информативного компонента высказывания: 'вполне возможно' и 'вероятнее всего' – 'возможно' и 'представляться', маркируемые парентезами с семей 'предположение' [10].

Семантика достоверности/недостоверности связана с авторизацией высказывания [11] и, безусловно, с эвиденциальностью [12–13] и ментальным модусом [14].

Для нашей работы особо важны исследования, которые посвящены соотнесению категории персуазивности с категориями эмотивности и оценочности [1, 15]. Ср., например, J. Caffi, ставя задачу построить «унифицированную прагматику эмотивной коммуникации», предлагают модель, включающую средства выражения оценки, установления контакта, эвиденциальности, волитивности и др. [15]. Отметим работы, в которых названные модусные категории рассматриваются во взаимодействии: О. А. Кобриня исследует коммуникативные категории (оценочность, модальность, эмотивность, эвиденциальность, приближительность, персуазивность, отрицание), выявляя их специфику, онтологическую основу их появления и расширения, функциональную широту и размытость границ в связи с отсутствием формального единообразия в языковом выражении [13]. Список модусных категорий в современной лингвистике является открытым. Так, например, разные исследователи выделяют модус важности, эвиденциальности, эмоциональности, мнения, знания, ожидания, осторожности, согласия, воспоминания².

¹ *Ширяев Е. Н.* Модус и пропозиция // Современный русский язык: учебник под ред. П. А. Новикова. Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. – СПб: Лань, 2001. – С. 693–694; *Белошাপкова В. А.* Синтаксис // Современный русский язык / под ред. В. А. Белошাপковой. – Изд. 3-е. – М.: Азбуковник, 1997. – С. 606–868; *Гак В. Г.* О категориях модуса предложения // Предложение и текст в семантическом аспекте: сб. ст. / под ред. И. П. Суцова. – Калинин: Изд-во КГУ, 1978. – С. 19–26; *Шмелева Т. В.* Семантический синтаксис. – Красноярск: КГУ, 1988. – 52 с.

² *Трипольская Т. А.* Модусное значение «важности» высказывания и способы его выражения // Модальность в её связях с другими категориями / под ред. И. П. Матхановой. – Новосибирск: Изд-во НГПИ,

1992. – С. 27–33; *Перфильева Н. П.* Правила употребления слова **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** // Актуализация семантико-прагматического потенциала языкового знака: межвузовск. сб. науч. тр. – Новосибирск: изд. НГУ, 1996. – С. 47–55; *Перфильева Н. П.* Модус воспоминания: между истиной и ложью // Дискурс лжи и ложь как дискурс: сб. научн. ст. / под ред. Т. А. Трипольской. – Новосибирск: изд. НГПУ, 2012. – С. 24–33; *Перфильева Н. П.* Об эмоциональности как модусной категории // «Я предана словам, их сочетаньям в переливах речи...»: Проблемы интерпретационной лингвистики: межвузовск. сб. науч. тр. / под ред. Н. П. Перфильевой, Е. Г. Басалаевой, М. А. Лаппо. – Новосибирск: изд-во НГПУ, 2014. – С. 118–128.

Несмотря на активные исследования последних лет, до сих пор, как показали результаты работы нашего лингвистического семинара «Модус: автономия и синкретизм»³, остается множество «белых пятен» в описании семантики достоверности и «сопредельных» с ней значений. К таковым мы относим субъективный смысл «надежда», исследованию которого посвящена настоящая статья.

Этот субъективный смысл мало исследован. Сложившаяся ситуация обусловлена тем, что, достигнув необыкновенных высот в постижении внешнего мира (читай: диктума), мы остаемся достаточно беспомощными перед Космосом внутри нас, хотя внутренний мир, как правило, для нас более значим, чем внешний, и события вокруг нас – это лишь отблески и продолжение процессов, протекающих в глубинах нашего «Я».

Вопрос о модусе «Надежда» интересен и в аспекте разграничения и взаимодействия модусных категорий. Так, ядерный показатель модусной категории «надежда», вводное слово *надеюсь (надеюсь)*, изредка встречается в списках вводных слов, однако он, несмотря на разные интерпретации его семан-

тики в академической литературе и лексикографии, обычно квалифицируется как показатель достоверности. М. В. Ляпон относит его к «модальным квалификаторам, уточняющим достоверность сообщаемого при «редактировании» текста в аспекте «реальности – ирреальности» (*безусловно, вероятно, конечно, повидимому, кажется, разумеется, надеюсь, в самом деле, пожалуй* и т. п.)» [16, с. 32]; В. В. Виноградов тоже считал его вводным словом, указывающим «на различную степень достоверности сообщения, факта»⁴. И современный аспектный словарь О. А. Остроумовой и О. Д. Фрамполя описывает его как показатель недостоверности («неуверенность, предположение»⁵). Следовательно, актуальным является решение вопроса, какие отношения складываются между смыслами «надежда» и достоверность – родо-видовые или пересечение друг с другом.

Итак, перед нами стоит задача – проверить, действительно ли вводные компоненты *надеюсь / я надеюсь* являются показателями одного из значений модусного смысла «достоверность».

Как показал дефиниционный анализ слов *надеяться* и *надежда*, который сделала Ма

Матханова И. П. О модусе «осторожности» в научном тексте // Слово. Словарь. Словесность: Экология языка (к 250-летию со дня рождения А. С. Шишкова): мат-лы Всероссийск. конф. – СПб.: Сага, 2005. – С. 153–156.

³ Адова Ю. Н. О классификации ментальных существительных по параметру «экспликация модусных категорий» // Молодая филология-2013: межвузовск. сб. науч. тр. / отв. ред. О. А. Маркасова. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – Ч. 2. – С. 71–78; Короблина Т. И. О синкретизме семантики показателей модуса «воспоминание» // Молодая филология – 2015: межвузовск. сб. науч. тр. / отв. ред. О. А. Маркасова. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. – С. 63–69; Короблина Т. И. О взаимодействии субъективных смыслов «воспоминание» и «восприятие» (на материале художественной прозы) // Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение:

межвузовск. сб. науч. тр. / отв. ред. И. П. Матханова. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2013. – С. 150–156; Ма Цзиньпин. Средства выражения субъективного смысла «надежда» и их описание в лексикографии // Молодая филология – 2015: межвузовск. сб. науч. тр. / отв. ред. О. А. Маркасова. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. – С. 69–76. Мосолова Л. Е. Слово *врать* как экспликация модуса (на материале романа В. Каверина «Два капитана») // Молодая филология – 2015: межвузовск. сб. науч. тр. / отв. ред. О. А. Маркасова. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. – С. 53–63.

⁴ *Грамматика русского языка* / ред. В. В. Виноградов. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. – Т. 2. Синтаксис. Ч. II. – С. 364–365.

⁵ Остроумова О. А., Фрамполь О. Д. Трудности русской пунктуации. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений. Опыт словаря-справочника. – М.: Изд-во СГУ, 2009. – 502 с.

Цзиньпин⁶, в толковых и специальных словарях есть лакуны в описании значения вводного слова *надеюсь* и оно интерпретируется как показатель достоверности⁷. Обратим внимание на противоречивость лексикографической интерпретации вводных компонентов *надеюсь, надемся*: если в толковых словарях отмечается модальное значение «уверенность, предположение», то в специальном словаре – «неуверенность».

Семантику категории достоверности мы определяем вслед за Е. И. Беляевой [7]: достоверность – это определенная степень осведомленности говорящего о связях и отношениях действительности.

Семантика категории «надежда» имеет иное содержание. Семантизация этого субъективного смысла опирается на дефиниционный и компонентный анализ толкования слова *надежда* в толковых и специальных словарях.

В этих словарях в толковании слова *надежда* отмечаются следующие компоненты значения («желание, ожидание чего-нибудь радостного, приятного, соединенное с уверенностью в возможности осуществления»⁸), которые мы выделили по словарю Д. Н. Ушакова: «желание», «ожидание», «будущее», «радостное / хорошее / приятное», «уверенность», «возможность осуществления».

Некоторые из этих смыслов отмечает и Ю. Д. Апресян в своем словаре: *надеяться* – единственный синоним ряда, способный обозначать радостное ожидание события, сопро-

вождающееся подъемом общего тонуса человека. Ю. Д. Апресян несколько раз подчеркивает мысль, что слово *надежда*, в отличие от синонимов (в большей мере ориентированных на будущие события, в которых субъект лично заинтересован), имеет семантический компонент «хорошее/радостное». *Надеяться* можно в любом положении, начиная от практически безнадежного и кончая вполне благополучным, когда субъект, уже реализовавший большинство своих желаний, тем не менее ждет новых радостей, удовольствий или успехов⁹.

Далее проведем лингвистический эксперимент. Во фразе *Этот человек, я уверен, станет преступником* нельзя вводный компонент *я уверен* заменить на вводное слово *надеюсь*, потому что семы «хорошее», «радостное», «приятное», которые всегда есть в значении вводного компонента *надеюсь*, семантические не согласуются с лексическим значением слова *преступник*. Ср.: *Этот человек, я надеюсь, станет преступником*. Следовательно, трансформация является семантически дефектной фразой.

Рассмотрим пример: *О запуске спутников заранее много не говорят—есть такая примета, но если в общих словах, то он нацелен на изучение дальнего и ближнего космоса. В том числе астероидной опасности, космического мусора. Запуск сопряжен с системой роботов для наблюдения, установленных по всей Европе и Южной Америке. Надемся,*

⁶ Ма Цзиньпин. Средства выражения субъективного смысла «надежда» и их описание в лексикографии // Молодая филология – 2015: межвузовск. сб. науч. тр. / отв. ред. О.А. Маркасова. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. – С. 69–76.

⁷ Толковый словарь русского языка: в 4 тт. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935–1940. – Т. 3; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.; Словарь русского языка: в 4-х тт. / под ред.

А. П. Евгеньевой. – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 1999. – Т. 3. 736 с.

⁸ Толковый словарь русского языка: в 4 тт. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935–1940. – Т. 3.

⁹ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – Вып. первый. – 552 с.

что исследования позволят создать методику предупреждения астероидной опасности и то, что было в Челябинске, где упал метеорит, не повторится (Российская газ. 2016. № 83). Говорящий выбирает слово *надемся* (а не *уверен*), чтобы выразить смысл «желание и ожидание хорошего в будущем, а не «высокую степень осведомленности о данном событии». При этом говорящий менее категоричен, по сравнению с тем, если бы он употребил *мы уверены*. Ср.: *Мы уверены, что исследования позволят создать методику предупреждения астероидной опасности и то, что было в Челябинске, где упал метеорит, не повторится*. Следовательно, *уверен* и *надеюсь* противопоставлен как «рациональное – иррациональное», «мысль – эмоция», кроме того, *уверен* категоричнее, чем *надеяться*.

Впрочем, семантическое сближение этих языковых показателей возможно, ср.: *Уверена, Ксюша будет замечательной мамой, совершенно самоотверженной и правильной. У нее хорошая эмоциональная память. Она знает положительные и отрицательные стороны моего воспитания. И, надеюсь, сможет отсортировать и взять от меня только лучшее. Многих моих ошибок, надеюсь, избежит* (Л. Нарусова // Теле-семь. 2016. № 28).

Таким образом, семантический анализ высказывания с вводными компонентами *надеюсь / надемся* позволяет сделать вывод о том, что субъективный смысл «надежда» не является одним из значений модусного смысла «достоверность», но имеет область пересечения – компонент «уверенность в возможности осуществления». Смысл же «надежда» включает ещё такие компоненты,

как «ожидание», «будущее», «радостное / хорошее / приятное».

Достоверность («уверенность») – это рациональная оценка, то есть можно говорить о семе «сознание». «Надежда» отражает не только акт сознания, но и состояние души (сема «душа»). Близкую мысль о том, что в *надеяться* как состоянии равной мере представлены и эмоция, и интеллектуальная оценка, и желание, высказывает и Ю. Д. Апресян¹⁰.

Вводный компонент *надеюсь* чаще всего сочетается со сказуемыми, выраженное формой времени будущего, например: 1) *Надеюсь, вместе напишем нечто вроде целой книги* (В. Крейд. Георгий Иванов в Йере // Звезда. 2003); 2) *Европу очень беспокоит ситуация на Украине. Мы не можем игнорировать этот плебисцит. В этом надо тщательно разобраться. Надеюсь, трех дней нам хватит* (Росс. газ. 2014. № 60).

Эти примеры подтверждают существование в субъективном смысле «надежда» семы «будущее».

Однако она не является обязательной, поскольку исследуемые вводные компоненты регулярно сочетаются и со сказуемым, выраженным формами прошедшего, а иногда и настоящего времени, например: *На этом, я надеюсь, все страсти выкипели, и дальше всё будет нормально* (Письмо девушки подруге). *Надеюсь, посуду вы вымыли* (разг. речь). Этот языковой материал подтверждает наблюдение Ю. Д. Апресяна, что «для состояния "*надеяться*" необязательна перспективная ориентация, т.е. ориентация на будущие события: часто надеются на то, что нечто желательное уже произошло»¹¹.

¹⁰ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – Вып. первый. – 552 с.

¹¹ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – Вып. первый. – С. 181.

Это свидетельствует о том, что перспективная ориентация преобладает, однако говорящий может **надеяться** и на то, что желаемое уже произошло.

Итак, субъективный смысл «надежда» не является одним из значений модусного смысла «достоверность». Несмотря на область их пересечения ('уверенность', 'сознание', 'возможность осуществления'), смысл «надежда» включает ещё и такие компоненты, как 'ожидание', 'будущее', 'радостное / хорошее / приятное', 'душа', 'эмоция', при этом сема 'будущее' не является обязательной. Модусная категория «надежда» выражает «желание, ожидание чего-нибудь радостного / приятного / хорошего, соединенное с уверенностью, что это может осуществиться в будущем или уже произошло».

В отличие от достоверности, она является необязательной категорией. И, как видим, она тесно соприкасается и с достоверностью, и с эмоциональностью.

Любая модусная категория имеет не только особую семантику, но и специализированные языковые средства.

Вводные компоненты **я надеюсь / надеюсь** являются специализированными, а значит, ядерными средствами выражения этой модусной категории, например: 1) *Но это не значит, что все песни без исключения имеют серьезную подоплеку, обязательно в них есть проблемы серьезные, которые волнуют меня и, я надеюсь, многих людей* (В. Высоцкий // Э. Рязанов. Четыре вечера с Владимиром Высоцким); 2) *Мы делаем все, что от нас зависит, но мы не знаем, как будет себя вести Украина. Надеюсь, у них появится законное руководство министерства культуры, с которым мы сможем работать* (Изв. 2014. № 47). Заметим, что в данной статье не рассматриваются вторичные, прагматические значения

этих вводных единиц, как в контексте *Как эстетический термин «стёб» теснейшим образом связан с понятием постмодернизма. Надеюсь, все в курсе, что время постмодернизма окончательно миновало* (В. Новиков. Словарь модных слов).

Хотя изъяснительные конструкции с контактным словом **надеяться / надежда** являются, по результатам сплошной выборки, более частотными средствами выражения субъективного смысла «надежда», однако они составляют периферию этих средств, потому что выражают и диктум, и субъективный смысл. Ср.: *И я надеюсь, что законопроект будет принят этой осенью* (Оксана Карпова. Александр Починок: Концепция льготного государства бессмысленна // «Время МН», 2003.07.31).

С одной стороны, и главная часть сложного предложения, и вводные единицы устроены одинаково. В них обязательно есть глагольная форма **надеюсь** (которая выражает синтаксическое время и лицо), а иногда и местоимение **я**. В этом плане по смыслу и главная часть сложного предложения, и вводные единицы тождественны. С другой стороны, в вводных единицах с семантической точки зрения, в отличие от изъяснительных конструкций с контактным словом **надеяться**, нет позиции объекта.

Поскольку ядерные показатели имеют грамматическое значение 1-го лица, которое выражается окончанием глагола и часто местоимением **я**, то к ближней периферии средств выражения модусной категории относятся и показатели с местоимением **мы**, например: *Роль наша в следующей Госдуме, мы надеемся, будет такой же, как и в этой* (Независимая газ. 2003.04.28); *Для тех, кто собрался на МАКС в нынешнем году, подготовлена небольшая памятка, надеемся, она поможет правильно распланировать время и*

получить максимум пользы и удовольствия от посещения этой во многом уникальной международной выставки (Наука и жизнь. 2009). Напомним известную интерпретацию переносного значения местоимения **мы**, принадлежащую В. В. Виноградову: «*Мы* – это я, которое говорит от лица коллектива или которое скрывает себя за другими»¹².

В данных контекстах, скорее всего, говорящий имеет в виду не «я и другие», а пытается придать важность своим словам от имени коллектива.

Наличие синонимов у слов **надеяться**, **надежда** совсем не означает, что синонимы являются также показателями модуса «надежда» в современном литературном языке.

В традиционных словарях синонимов второй половины XX в. представлен богатый синонимический ряд слова **надеяться**: *питать надежду, возлагать надежды, не терять надежды, тешить себя (или тешиться) надеждой, рассчитывать, сделать ставку; мнить (уст.), льститься (уст.), чаять (уст. и прост.), уповать (уст. книжн. и высок.), иметь виды, льстить себя (или льститься) надеждой, гадать (обычно с частицей не)*¹³.

Подчеркнем, что ряд приведен к глаголу **надеяться**, который является предикатом и не может быть вводным, на это имплицитно указывает грамматическая помета из «Словаря синонимов» «*надеяться на что, с неопр. или с союзом что*»¹⁴. И действительно, в данной словарной статье нет иллюстративного материала с вводными единицами; в большей части примеров синонимы глагола **надеяться** называют метальное действие говорящего

(*Вот не гадал встречаться. Игишев; Я могу ещё любить, хотя не льщусь уж быть любимым Е. Баратынский*), а иногда одновременно являются и контактным словом изъяснительной конструкции (*Можно ли уповать, что миновалась для него опасность? А. К. Толстой; Уж и свидеться не чаяла, Вдруг сыночек возвращается. Н. А. Некрасов*).

С этой точки зрения эти единицы не могут быть ядерными средствами выражения модуса «надежда».

Кроме того, не могут они быть ядерными средствами выражения модуса «надежда» в современном литературном языке и из-за стилистической ограниченности; большинство членов синонимического ряда, кроме глагола *рассчитывать*, имеют или могут иметь стилистические пометы (*уст., прост.*).

Синонимический ряд лексемы **надежда** в этих же словарях¹⁵. – *ожидание, чаяние, упование* – позволяет нам обратить внимание на слово **ожидание**, регулярно употребляющееся в современном литературном языке, как и глагол **ожидать**, от которого оно образовано. Однако слова **надеяться** и **ожидать** отличаются оценочной семой (надеемся на хорошее, но ожидать можно и плохое, и хорошее). Это значит, что глагол **ожидать** не является показателем модусной категории «надежда».

Ю. Д. Апресян в своем словаре анализирует синонимический ряд **надеяться** (необиходн. или книжн.) – *уповать – рассчитывать* в значении «<...> ожидать, что произойдет нечто хорошее или нужное для субъекта, и считать для такого ожидания есть основания <...>» по 6 параметрам. Это позволяет ему

¹² Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1972. С. 265.

¹³ Словарь синонимов / под ред. А. П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1976. – 648 с.

¹⁴ Словарь синонимов / под ред. А. П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1976. – 648 с.

¹⁵ Словарь синонимов / под ред. А. П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1976. – 648 с.; Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка / под ред. Л. А. Чешко. – 5-е изд. – М.: Русский язык, 1986. – 598 с.

убедительно определить своеобразие слова *надеяться*¹⁶. По его мнению, *надеяться* и *уповать* как состояние души противопоставлены *рассчитывать* и *полагаться* как состоянию сознания. Ближе всего друг и другу глаголы *надеяться* и *рассчитывать*. Во-первых, у них валентность “содержания ожидания” может выражаться придаточной частью, вводимой союзом. Во-вторых, эти глаголы, особенно в перформативных формулах вежливости в форме 1-л, сближаются в значении “полагать, предполагать, выражать надежду”, и глагол *рассчитывать* имеет близкое к рассмотренному значение “предполагать, планировать”. В большинстве случаев источник надежды – либо высшая сила, либо человек, организация и т.п., чьи возможности намного превосходят возможности субъекта. Подчеркнем, что Ю. Д. Апресян отмечает только для глагола *надеяться* способность употребляться во вводной конструкции, в отличие от остальных синонимов ряда¹⁷.

А это значит, что глагол *рассчитывать* не может быть ядерным средством модусной категории «надежда». Однако изъяснительная конструкция с этим глаголом может иногда относиться к отдаленной периферии, по-

скольку возможна синонимическая трансформация, например: *Я надеюсь, что у этого фестиваля будет продолжение* (Сати Спивакова. Не всё). Ср.: *Я рассчитываю, что у этого фестиваля будет продолжение*. Правда, полного семантического тождества нет: трансформант и исходная фраза различаются семами: ‘рациональное’ – ‘иррациональное’, ‘мысль’ – ‘эмоция’.

Подведем итоги. Модусная категория «надежда» выражает «желание, ожидание чего-нибудь радостного / приятного / хорошего, соединенное с уверенностью, что это может осуществиться в будущем или уже произошло», и имеет специализированное средство выражения – вводные единицы (*я надеюсь / надеюсь*). К периферийным средствам выражения относятся и показатели с грамматическим значением множественного числа (*мы надеемся / надеемся*) и конструкции изъяснительного сложного предложения с контактным словом *надеюсь / надеемся*. Модусная категория «надежда», в отличие от достоверности, является необязательной категорией, потому что говорящий не во всех высказываниях его выражает, и она взаимодействует с эмоциональностью, достоверностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вольф Е. М.** Субъективная модальность и семантика пропозиции // Логический анализ: Избранное. 1988–1995: Монография / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Индрик, 2003. – С. 87–102.
2. **Всеволодова М. В.** Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – С. 501–502.
3. **Шмелева Т. В.** Модус и его средства выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики. Отв. ред. В. А. Белошапкова, И. Г. Милославский. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 168–202.

¹⁶ *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка* / под ред. Ю. Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 181.

¹⁷ *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка* / под ред. Ю. Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 552.

4. **Шмелева Т. В.** Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса: сб. ст. / под ред. К. В. Горшковой, Е. В. Клобукова. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 78–100.
5. **Падучева Е. В.** Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
6. **Девятова Н. М.** Проблема модуса и вводно-модальные слова: лингвистический портрет единицы похоже // Русский язык в школе. – 2009. – №.7. – С. 61–65.
7. **Беляева Е. И.** Достоверность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность: Монография. / Отв. ред. А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – С. 157–170.
8. **Kuczynski J.-M.** Intensionality, modality, and rationality: Some presemantic considerations // Journal of Pragmatics. – 2010. – Vol. 42, Issue 8. – P. 2314–2346. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2010.01.017>
9. **Осетрова Е. В.** Манифестация факта в русском высказывании, или Событие выражения. Монография. – М.: Проспект, 2015. – 264 с.
10. **Казарина В. И.** К вопросу о проблематической модальности достоверности в русском языке (на материале романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева») // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – № 6 (38). – С. 19–28. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/19986645/38/2>
11. **Гричин С. В.** О категориальной сущности авторизации // Сибирский филологический журнал. – 2010. – №.2. – С. 175–182.
12. **Козинцева Н. А.** Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 92–104.
13. **Кобрин О. А.** Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2.
14. **Рябцева Н. К.** Ментальный модус: от лексики к грамматике // Логический анализ языка: Ментальные действия: Монография / под ред. Н. Д. Арутюновой, Н. К. Рябцевой. – М.: Наука, 1993. – С. 51–57.
15. **Caffi C., Janney R. W.** Toward a pragmatics of emotive communication // Journal of Pragmatics. – 1994. – Vol. 22, Issues 3–4, – P. 325-373. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/0378-2166\(94\)90115-5](http://dx.doi.org/10.1016/0378-2166(94)90115-5)
16. **Ляпон М. В.** Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений: Монография – М.: Наука, 1986. – 200 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.16](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.16)

Nataliya Petrovna Perfilyeva. Doctor of Philology, Professor of the Department of Modern Russian Language and its Teaching Methodology, Institute of Philology, Mass Information and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8022-317X>

E-mail: perfisha@rambler.ru

HOPE AS A MODUS CATEGORY

Abstract

The purpose of the article is to argue the existence of modus category of "hope" on the background of such widely recognized modus category as "trustworthiness"

A significant part of the article is devoted to the semantics of the above mentioned category. The article also includes the review of Russian and foreign papers on the studied topic.

The author provides the field approach to the description of linguistic means of expression of modus category of "hope", highlighting the introductory units I hope / hope as the core, and the introductory unit we hope / hope and verbs of expounding compound constructions with contact word hope – as the periphery. In addition, it is proved that the synonyms of the word hope cannot be nuclear items for different reasons.

The author comes to the following conclusions: 1) despite the area of intersection of trustworthiness and the subjective sense of "hope" ('confidence', 'consciousness', 'the possibility of exercising'), considered modus category includes such components as 'pending', 'future', 'joyful / good / pleasant', 'soul', 'emotion', while the seme 'future' is not obligatory; 2) modus category of "hope" expresses "the desire, the expectation of something joyful / pleasant / good coupled with the certainty that it can be done in the future or has already happened". Modus category of "hope", unlike "trustworthiness", is an optional semantic category. It can be expressed by the speaker only in those cases that require emphasizing the desirability of the anticipated event. It's evident that the modal meaning "hope" is closely related to the categories of emotionality and trustworthiness in the entire system of modus categories.

Keywords

Modus category, hope, authenticity, emotionality, nuclear means of expression, the field approach.

REFERENCES

1. Wolf E. M. Subjective modality and semantic propositions. *Logical analysis: Favorites. 1988-1995: Monograph.* (Ed.) N. D. Arutyunova. Moscow, Indrikis Publ., 2003. – pp. 87–102. (In Russian)
2. Vsevolodova M. V. *Functional theory of communicative syntax: Fragment of an application (teaching) language model.* Moscow, MGU Publ., 2000. pp. 50–502. (In Russian)
3. Shmeleva T. V. Modus and its means of expression in the statement. *Ideographic aspects of Russian grammar.* (Eds.) V. A. Beloshapkova, I. G. Miloslavskiy. Moscow, MGU Publ., 1988. pp. 168–202. (In Russian)

4. Shmeleva T. V. Semantic organization of sentences and the problem of modality. *Actual problems of Russian syntax*: (Eds.) K. V. Gorshkova, E. V. Klobukova. Moscow, MGU Publ., 1984. pp. 78–100. (In Russian)
5. Paducheva E. V. *Semantic Research (Semantics of time and aspect in the Russian language, narrative semantics)*. Moscow, Russian Culture Languages Publ., 1996. 464 p. (In Russian)
6. Devyatova N. M. Modus problem and introductory-modal words: linguistic portrait of the unit *pohozche*. *Russian language at school*, 2009, no. 7, pp. 61–65. (In Russian).
7. Belyaeva E. I. Reliability. *Theory of Functional Grammar. Temporality. Modalit.* (Ed.) A. V. Bondarko. Leningrad, Nauka Publ., 1990, pp. 157–170. (In Russian).
8. Kuczynski J.-M. Intensionality, modality, and rationality: Some presemantic considerations. *Journal of Pragmatics*, 2010, Vol. 42, Issue 8, pp 2314-2346. <https://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2010.01.017>
9. Osetrova E. V. *Fact manifestation in Russian utterance, or expressed Event*. Monography. Moscow, Prospect Publ., 2015, 264 p. (In Russian)
10. Kazarina V. I. On the problematic modality of evidentiality in the Russian language (on the material of I. A. Bunin's novel *The Life of Arseniev*). *Tomsk State University. Journal of Filology*. 2015, no. 6, pp. 19–28. DOI: <https://dx.doi.org/10.17223/19986645/38/2>
11. Grichin S. V. Categorical nature of authorization. *Siberian Journal of Philology*. 2010. no. 2. pp. 175–182. (In Russian).
12. Kozintseva N. A. Category of evidentiality (problems of typological analysis). *Questions of linguistics*. 1994, no. 3, pp. 92–104. (In Russian)
13. Kobrina O. A. Categories of modus as ways of reflecting subjective attitude towards the utterance. *Cognitive Linguistics questions*. 2006, no. 2, pp. 90–100.
14. Ryabtseva N. K. Mental modus from vocabulary to grammar. *Logical analysis of language: Mental action*: Monograph. (Eds.) N. D. Arutyunova, N. K. Ryabtseva. Moscow, Nauka Publ., 1993. pp. 51–57. (In Russian)
15. Caffi C., Janney R. W. Toward a pragmatics of emotive communication. *Journal of Pragmatics*, 1994, Vol. 22, Issues 3, pp. 325–373. DOI: [https://dx.doi.org/10.1016/0378-2166\(94\)90115-5](https://dx.doi.org/10.1016/0378-2166(94)90115-5)
16. Lyapon M. V. *Semantic structure of complex sentence and text. Typology of intra-relationships*. Moscow, Nauka Publ., 1986. 200 p. (In Russian)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Научный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета» – электронное периодическое издание, учрежденное ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», в котором публикуются ранее не опубликованные статьи, содержащие основные результаты исследований в ведущих областях научного знания.

Материалы статей, подготовленные автором в соответствии с правилами оформления регистрируются, лицензируются, проходят научную экспертизу, литературное редактирование и корректуру.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией и редакционным советом электронного журнала.

Регистрация статьи осуществляется в on-line режиме на основе заполнения электронных форм. По электронной почте статьи не регистрируются.

Редакционная коллегия электронного журнала оставляет за собой право отбора присылаемых материалов. Все статьи, не соответствующие тематике электронного журнала, правилам оформления, не прошедшие научную экспертизу, отклоняются. Корректур статей авторам не высылается.

Тексты статей необходимо оформлять в соответствии с профессиональными требованиями к научной статье, объемом в пределах половины печатного листа (20000 знаков).

Публикуемые сведения к статье на русском и английском языках:

- заглавие – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/ авторов, город, страна, а также УДК;
- адресные сведения об авторе – указывается основное место работы, занимаемая должность, ученая степень, адрес электронной почты для связи;
- аннотация статьи (от 1000 знаков) – отражает ее основное содержание, обобщающие результаты и ключевые слова;
- пристатейный список литературы – оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008; формируется в соответствии с порядком упоминания в тексте статьи; регистрируется ссылкой (ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат порядковый номер в списке литературы и страницы цитируемой работы).

Одновременно с направлением в редакцию журнала текста статьи, подготовленного для публикации, автору необходимо выслать сопроводительные документы к статье, оформленные в соответствии с требованиями.

Сопроводительные документы к статье:

- оригинал развернутой рецензии направляющей организации / научного руководителя / специалиста по теме публикации (с подписью и печатью);
- авторский лицензионный договор.

Подробнее с правилами публикации можно ознакомиться на сайте журнала:

<http://vestnik.nspu.ru/avtoram>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Научный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета» – электронное периодическое издание, учрежденное ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», в котором публикуются ранее не опубликованные статьи, содержащие основные результаты исследований в ведущих областях научного знания.

Материалы статей, подготовленные автором в соответствии с правилами оформления регистрируются, лицензируются, проходят научную экспертизу, литературное редактирование и корректуру.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией и редакционным советом электронного журнала.

Регистрация статьи осуществляется в on-line режиме на основе заполнения электронных форм. По электронной почте статьи не регистрируются.

Редакционная коллегия электронного журнала оставляет за собой право отбора присылаемых материалов. Все статьи, не соответствующие тематике электронного журнала, правилам оформления, не прошедшие научную экспертизу, отклоняются. Корректур статей авторам не высылается.

Тексты статей необходимо оформлять в соответствии с профессиональными требованиями к научной статье, объемом в пределах половины печатного листа (20000 знаков).

Публикуемые сведения к статье на русском и английском языках:

- заглавие – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/ авторов, город, страна, а также УДК;
- адресные сведения об авторе – указывается основное место работы, занимаемая должность, ученая степень, адрес электронной почты для связи;
- аннотация статьи (от 1000 знаков) – отражает ее основное содержание, обобщающие результаты и ключевые слова;
- пристатейный список литературы – оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008; формируется в соответствии с порядком упоминания в тексте статьи; регистрируется ссылкой (ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат порядковый номер в списке литературы и страницы цитируемой работы).

Одновременно с направлением в редакцию журнала текста статьи, подготовленного для публикации, автору необходимо выслать сопроводительные документы к статье, оформленные в соответствии с требованиями.

Сопроводительные документы к статье:

- оригинал развернутой рецензии направляющей организации / научного руководителя / специалиста по теме публикации (с подписью и печатью);
- авторский лицензионный договор.

Подробнее с правилами публикации можно ознакомиться на сайте журнала:

<http://vestnik.nspu.ru/avtoram>